

ISSN: 2949-1088

№ 3 (19) 2026г.

ИСКУССТВО ПРАВОВЕДЕНИЯ

THE
ART
OF LAW

ИРКУТСК

ИСКУССТВО ПРАВОВЕДЕНИЯ.
THE ART OF LAW.
2026. № 3 (19)

Учредитель: Федеральное государственное
казенное образовательное учреждение
высшего образования «Университет
прокуратуры Российской Федерации»

СЕТЕВОЕ ИЗДАНИЕ

Зарегистрировано в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых
коммуникаций (Роскомнадзор)
серия Эл № ФС77-83575
от 13 июля 2022 г.

Сетевое издание включено в Перечень
рецензируемых научных изданий, в
которых должны быть опубликованы
основные научные результаты
диссертаций на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой
степени доктора наук по специальностям:
5.1.1. Теоретико-исторические правовые
науки (юридические науки),
5.1.2. Публично-правовые
(государственно-правовые) науки
(юридические науки),
5.1.4. Уголовно-правовые науки
(юридические науки).

Издается с сентября 2022 года.
Выходит 4 раза в год.

Адрес редакции, издателя, типографии:
ул. Шевцова, 1, Иркутск, 664035
тел. (3952) 77-90-11
e-mail: theartoflaw@iagprf.org
<https://artright.ru/>
© Университет прокуратуры
Российской Федерации, 2026

Выход в свет 01.10.2026

THE ART OF LAW.
2026. № 3 (19)

Founder: Federal State Treasury Educational
Institution of Higher Education
«University of the Prosecutor's Office
of the Russian Federation»

THE ONLINE EDITION

Registered with the Federal Service for
Supervision of Communications, Information
Technologies and Mass Communications
(Roskomnadzor)
series EI No. ФС77-83575
July 13, 2022

The online edition
is included in the List of leading refereed
academic journals and periodicals, assigned
for publication of the key results of the
degrees of candidate of sciences and doctor of
sciences in law in specialties:
5.1.1 Theoretical and Historical Legal
Sciences (legal sciences),
5.1.2 Public Law (state law) Sciences
(legal sciences),
5.1.4 Criminal Legal Sciences
(legal sciences).

Published from September 2022.
Published 4 times a year.

Address of the editorial office, publisher,
printing house:
1, st. Shevtsova, Irkutsk, 664035
tel. (3952) 77-90-11
e-mail: theartoflaw@iagprf.org
<https://artright.ru/>
© University of the Prosecutor's Office of the
Russian Federation, 2026

Release date 01.10.2026

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Рогова Евгения Викторовна – доктор юридических наук, профессор, директор Иркутского юридического института (филиала) ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации».

Заместитель главного редактора:

Пархоменко Светлана Валерьевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиала) ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации».

Ответственный секретарь:

Шабаетова Ольга Александровна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Иркутского юридического института (филиала) ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации».

Члены редакционной коллегии:

Амосова Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры общегуманитарных и социально-экономических дисциплин Иркутского юридического института (филиала) ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации»;

Бавсун Максим Викторович – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, заместитель начальника Санкт-Петербургского университета МВД России по научной работе;

Бозров Владимир Маирович – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры судебной деятельности и уголовного процесса имени П. М. Давыдова Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева;

Болдырев Владимир Анатольевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права Северо-Западного филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»;

Бямбажав Онормаа – доктор юридических наук, доцент, Начальник учебного отдела, старший прокурор Учебно-исследовательского института при Генеральной прокуратуре Монголии;

Варданян Акон Вараздатович – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, начальник кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России;

Василевич Григорий Алексеевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь, Член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, заведующий кафедрой конституционного права Юридического факультета Белорусского государственного университета;

Винокуров Александр Юрьевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий отделом научного обеспечения прокурорского надзора и укрепления законности в деятельности таможенных органов и на транспорте Научно-исследовательского института Университета прокуратуры Российской Федерации;

Грибунов Олег Павлович – доктор юридических наук, профессор, ректор Байкальского государственного университета;

Демидова-Петрова Елизавета Викторовна – доктор юридических наук, доцент, директор Казанского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации;

Евдокимов Константин Николаевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиала) ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации»;

Игнатенко Виктор Васильевич – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, директор Института правовых исследований Байкальского государственного университета;

Ирошников Денис Владимирович – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой правового обеспечения национальной безопасности Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации;

Косова Ольга Юрьевна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России);

Лисица Валерий Николаевич – доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник сектора гражданского и предпринимательского права Института государства и права Российской академии наук;

Минникес Илья Анисимович – доктор юридических наук, профессор, заведующий отделом теории права и сравнительного правоведения Института правовых исследований Байкальского государственного университета;

Николук Вячеслав Владимирович – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник Направления исследования проблем

уголовного судопроизводства Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева;

Осмоналиев Кайрат Медербекович – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Кыргызской Республики, руководитель Центра тюркского наследия Кыргызского национального университета имени Ж. Баласыгына;

Отческая Татьяна Ивановна – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой организации судебной и прокурорско-следственной деятельности Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина;

Пан Дунмэй – доктор юридических наук, профессор, заслуженный профессор провинции Хэнань, профессор кафедры уголовного права Хэнаньского университета, заведующий Китайско-российским центром сравнительного правоведения;

Пожарский Дмитрий Владимирович – доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России;

Пупышева Любовь Андреевна – доктор юридических наук, доцент, начальник научно-исследовательского отдела, профессор кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России;

Рахмаджонзода Рифат Рахмаджон – доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника по науке ГОУ ВПО «Академия Министерства внутренних дел Республики Таджикистан»;

Россинская Елена Рафаиловна – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий кафедрой

судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина;

Россинский Сергей Борисович – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права Российской академии наук;

Смолькова Ираида Вячеславовна – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора Института юстиции Байкальского государственного университета;

Сулова Светлана Игоревна – доктор юридических наук, доцент, заместитель директора по научной работе, профессор кафедры гражданского права и процесса Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России);

Чуксина Валентина Валерьевна – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой правового обеспечения национальной безопасности Института государственного права и национальной безопасности Байкальского государственного университета.

Editorial Board

Chief Editor:

Evgeniya V. Rogova – Doctor of Sciences (Law), Professor, Director of the Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation.

Deputy Chief Editor:

Svetlana V. Parkhomenko – Doctor of Sciences (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law Disciplines of the Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation;

Executive Secretary:

Olga A. Shabaeva – Candidate of Sciences in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and History of the Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation.

Editorial Board:

Tatyana V. Amosova – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Subjects of the Irkutsk Law Institute (branch) of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation;

Maxim V. Bavsun – Doctor of Sciences (Law), Professor, Merited Lawyer of the Russian Federation, Deputy Head for Scientific Work of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Vladimir M. Bozrov – Doctor of Sciences (Law), Professor, Merited Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Judicial Activity and Criminal Procedure of the V.F. Yakovlev State Ural Law University;

Vladimir A. Boldyrev – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, Professor of the

Department of Civil Law of the North-West Branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Russian State University of Justice;

Byambazhav Onormaa – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, Head of the Academic Department, Senior Prosecutor of the Educational and Research Institute under the Prosecutor General's Office of Mongolia;

Acop V. Vardanyan – Doctor of Sciences (Law), Professor, Merited Lawyer of the Russian Federation, Head of the Department of Criminalistics and Operational Search Activity of the Rostov Law Institute of the MIA the Russian Federation;

Grigory A. Vasilevich – Doctor of Sciences (Law), Professor, Merited Lawyer of the Republic of Belarus, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Head of the Department of Constitutional Law of the Faculty of Law of the Belarusian State University;

Alexander Y. Vinokurov – Doctor of Sciences (Law), Professor, Head of the Department of Scientific Support of Prosecutor's Oversight and Strengthening of Legality in the Activities of Customs Authorities and Transport at the Research Institute of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation;

Oleg P. Gribunov – Doctor of Sciences (Law), Professor, Rector of the Baikal State University;

Elizaveta V. Demidova-Petrova – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, Director of the Kazan Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation;

Konstantin N. Evdokimov – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law Disciplines of the Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation;

Viktor V. Ignatenko – Doctor of Sciences (Law), Professor, Merited Lawyer of the Russian Federation, Director of the Institute for Legal Studies of the Baikal State University;

Denis V. Iroshnikov – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, Head of the Department of Legal Support of National Security of the Institute of Law and National Security of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation;

Olga Y. Kosova – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Civil and Business Law of the Irkutsk Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia);

Valery N. Lisitsa – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, Leading Researcher in Civil and Business Law Section, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences;

Ilya A. Minnikes – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory of Law and Comparative Jurisprudence of the Institute of Legal Studies of the Baikal State University;

Vyacheslav V. Nikolyuk – Doctor of Sciences (Law), Professor, Merited Lawyer of the Russian Federation, Chief Research Scientist of the Department of Criminal Procedure Issues at the V. M. Lebedev Russian State University of Justice;

Kairat M. Osmonaliev – Doctor of Sciences (Law), Professor, Merited Lawyer of the Kyrgyz Republic, Head of the Center of Turkic Heritage of the Kyrgyz National University named after J. Balasygyn;

Tatyana I. Otcheskaya – Doctor of Sciences (Law), Professor, Head of the Department of Judicial and Prosecutor-Investigative Activities Organization of the O. E. Kutafin Moscow State Law University;

Pan Dongmei – Doctor of Sciences (Law), Professor, Henan Province Distinguished Professor, Professor at the Department of Criminal Law of Henan University, Head of the China-Russia Center for Comparative Law;

Dmitry V. Pozharsky – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, Head of the Department of State and Legal Disciplines of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Lyubov A. Pupysheva – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, Head of Research Department, Professor of the Department of Criminal Procedure of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation;

Rifat R. Rahmajonzoda – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, Deputy Head of Science of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan;

Elena R. Rossinskaya – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of Forensic Examinations of the O. E. Kutafin Moscow State Law University;

Sergei B. Rossinsky – Doctor of Sciences (Law), Professor, Chief Researcher of the Section of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences;

Iraida V. Smolkova – Doctor of Sciences (Law), Professor, Merited Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Procedure and Prosecutorial Supervision at the Institute of Justice of Baikal State University;

Svetlana I. Suslova – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, Deputy Director for Research, Professor of the Department of Civil Law and Proceedings of the Irkutsk Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia);

Valentina V. Chuksina – Doctor of Sciences (Law), Professor, Head of the Department of Legal Support of National Security of the Institute of State Law and National Security of the Baikal State University.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ)

<i>Бахта А. С., Шумилова Т. Н.</i> Феномен «уголовное правосудие»: исторические, правовые и современные доктринальные аспекты	11
<i>Шишкин О. Е.</i> Способы обеспечения режима законности в стадиях его воспроизводства	22

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ)

<i>Баянова Ж. Л.</i> Противодействие коррупции в Российской Федерации: отдельные проблемы современного законодательного регулирования	30
<i>Василевская Е. О.</i> Методология сравнительно-правового исследования деятельности прокуратур государств БРИКС в сфере международного сотрудничества	41
<i>Винокуров А. Ю.</i> Участие прокурора в реализации соглашения о надлежащем устранении выявленных нарушений обязательных требований: надзор или административная процедура?	53
<i>Демченко В. А., Воронцов А. В.</i> Участие прокурора в рассмотрении судами административных дел об оспаривании решений, действий (бездействия) органов власти: коллизия статусов и гарантии законности.....	61
<i>Попик М. Ю.</i> Публично-правовая природа ответственности за невыполнение законных требований прокурора: статья 17.7 КоАП РФ и статья 296 УК РФ в свете онтологии правового статуса прокурора.....	71
<i>Усов А. Ю., Гудкова А. Г.</i> Перспективы развития механизма квотирования рабочих мест для несовершеннолетних	78

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ)

<i>Жиленкова Т. В.</i> Требования к товарному знаку в Российской Федерации и некоторых зарубежных странах.....	87
<i>Ксенофонтова Е. М.</i> Концессионные соглашения в жилищно-коммунальной сфере: от инвестиционных возможностей к реальным результатам	96
<i>Яровой А. В.</i> Влияние частноправового принципа добросовестности на регулирование общественных отношений	105

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ)

<i>Винокуров М. В.</i> Признание беременности смягчающим наказанием обстоятельством.....	112
<i>Ермаченко В. А.</i> Особенности подготовки государственного обвинителя к участию в судебном разбирательстве по уголовным делам об авиационных крушениях.....	122
<i>Марасов Ю. Г.</i> Принцип неотвратимости ответственности как инструмент защиты семьи .	130
<i>Мартыросян А. В.</i> Уголовно-правовая оценка посягательств на память о погибших при защите Отечества или его интересов в свете конкуренции норм уголовного закона.....	139
<i>Мяханова А. Н., Синьков Д. В.</i> Сравнительная характеристика состояния и структуры женской преступности в Российской Федерации и Китайской Народной Республике.....	147

<i>Пархоменко Д. А.</i> Кратность преступлений и ее отражение в уголовном законодательстве.....	156
Обзор Международного научно-практического форума «Байкальский цифровой форум»	164

CONTENTS

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES (LEGAL)

<i>Bakhta A. S., Shumilova T. N.</i> The Phenomenon of Criminal Justice: Historical, Legal, and Contemporary Doctrinal Aspects	11
<i>Shishkin O. E.</i> Ways of Ensuring the Regime of Legality in the Stages of its Reproduction.....	22

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES (LEGAL)

<i>Bayanova Z. L.</i> Combating Corruption in the Russian Federation: Certain Issues in Modern Legislative Regulation	30
<i>Vasilevskaya E. O.</i> Methodology of a Comparative Legal Study of the BRICS Prosecutors' Offices Activities in the Field of International Cooperation	42
<i>Vinokurov A. Y.</i> Participation of the Prosecutor in Implementating of the Agreement on Proper Elimination of Identified Violations of Mandatory Requirements: Supervision or Administrative Procedure?.....	53
<i>Demchenko V. A., Vorontsov A. V.</i> Prosecutor's Participation in the Adjudication of Administrative Cases Challenging Decisions, Actions (Inaction) of Public Authorities: Collision of Statutes And Guarantees of Legality	62
<i>Popik M. Yu.</i> The Public-Law Nature of Liability for Failure to Comply with the Prosecutor's Lawful Demands: Article 17.7 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation and Article 296 of the Criminal Code of the Russian Federation in Light of the Ontology of the Prosecutor's Legal Status.....	71
<i>Ussov A. J. Gudkova A. G.</i> Prospects for Developing a Job Quota Mechanism for Minors	78

PRIVATE LAW (CIVILITY) SCIENCES (LEGAL)

<i>Zhilenkova T. V.</i> Trademark Requirements in the Russian Federation and Some Foreign Countries	88
<i>Ksenofontova E. M.</i> Concession Agreements in the Housing and Communal Services Sector: from Investment Opportunities to Real Results.....	96
<i>Iarovoi A. V.</i> The Influence of the Private Law Principle of Good Faith on the Regulation of Social Relations.....	105

CRIMINAL LEGAL SCIENCES (LEGAL)

<i>Vinokurov M. V.</i> Recognition of Pregnancy as a Circumstance Mitigating Punishment.....	113
<i>Ermachenko V. A.</i> Features of Preparing a Public Prosecutor to Participate in a Criminal Trial on Aviation Accidents.....	122
<i>Marasov Y. G.</i> The Principle of Inevitability of Punishment as a Means of Protecting the Family.	130
<i>Martirosyan A. V.</i> Criminal Legal Assessment of Attacks on the Memory of Those Who Fell Defending the Homeland or its Interests in the Light of Competing Provisions of the Criminal Law.....	140
<i>Myakhanova A. N., Sinkov D. V.</i> A Comparative Characteristic of the Status and Structure of Female Crime in the Russian Federation and the People's Republic of China	147
<i>Parkhomenko D. A.</i> Multiplicity of Crimes and its Reflection in Criminal Legislation.....	156
Review of the International Scientific and Practical Forum «Baikal Digital Forum».....	164

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ)

УДК 340.15 : 343.1

EDN [BNHOCW](#)**ФЕНОМЕН «УГОЛОВНОЕ ПРАВОСУДИЕ»:
ИСТОРИЧЕСКИЕ, ПРАВОВЫЕ И СОВРЕМЕННЫЕ ДОКТРИНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ****А. С. Бахта**

Омская ордена Почета академия МВД России,
Омск, Российская Федерация
e-mail: post_e_mail@mail.ru

Т. Н. Шумилова

Омская ордена Почета академия МВД России,
Омск, Российская Федерация
e-mail: t_shumilova78@mail.ru

Аннотация. В статье исследуются вопросы развития правового феномена «уголовное правосудие» в российском законодательстве и доктрине. Обращение к трудам мыслителей, стоявших у истоков судебной реформы 1864 г. и положениям памятников русского права позволило выявить общие закономерности развития дореформенного судебного процесса. Исследование позиций ученых советского периода и современных исследователей в сфере уголовного процесса способствовало определению сходства и различий их взглядов на сущность деятельности суда в досудебном производстве по уголовному делу и при его рассмотрении по существу. Опора на установки нормативистского, социологического и интегративного понимания права во взаимосвязи с типологией современного российского уголовного процесса, обеспечила возможность исследования категорий «законность» и «справедливость» в актах правосудия. Обоснован вывод о том, что деятельность суда, независимо от стадии уголовного судопроизводства, обладает всеми признаками реализации права в форме правоприменения.

Ключевые слова: история законодательства, правосудие, суд, принципы права, правоприменение, компетенция суда, уголовное судопроизводство.

Для цитирования: Бахта А. С., Шумилова Т. Н. Феномен «уголовное правосудие»: исторические, правовые и современные доктринальные аспекты // Искусство правове́дения. 2026. № 3. С. 11–21.

**THE PHENOMENON OF CRIMINAL JUSTICE:
HISTORICAL, LEGAL, AND CONTEMPORARY DOCTRINAL ASPECTS****A. S. Bakhta**

Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation (awarded the Order of Honour),
Omsk, Russian Federation
e-mail: post_e_mail@mail.ru

T. N. Shumilova

Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation (awarded the Order of Honour),
Omsk, Russian Federation
e-mail: t_shumilova78@mail.ru

Annotation. This article examines the evolution of the legal phenomenon of "criminal justice" within Russian legislation and legal doctrine. Drawing upon the works of the thinkers who pioneered the 1864 judicial reform, as well as the provisions of the monuments of Russian law, it identifies common patterns in the development of the pre-reform judicial process. An analysis of the perspectives held by Soviet-era scholars and contemporary researchers in the field of criminal procedure has facilitated the identification of both convergences and divergences in their views on the essence of judicial activity during pre-trial criminal proceedings and the trial on the merits. Grounding the study in the normativist, sociological, and integrative conceptions of law, in conjunction with the typology of the modern Russian criminal process, has enabled an investigation into the categories of "legality" and "justice" as manifested in acts of justice. Ultimately, the article substantiates the conclusion that judicial activity, irrespective of the stage of criminal proceedings, exhibits all the hallmarks of law implementation in the form of law application.

Key words: history of legislation, administration of justice, court, principles of law, application of law, court competence, criminal proceedings.

For citation: Bakhta A. S., Shumilova T. N. The Phenomenon of Criminal Justice: Historical, Legal, and Contemporary Doctrinal Aspects // The Art of Law. 2026. № 3. С. 11–21.

Исследование любого правового феномена неотделимо от изучения его нормативного и доктринального генезиса. Ценность такого ретроспективного, с одной стороны, теоретического, а с другой – практикоориентированного, исследования феномена «уголовное правосудие» состоит в возможности выявления причин формирования его законодательных особенностей, а также того, как он эволюционировал под воздействием различных факторов от момента возникновения до современного состояния.

По справедливому замечанию исследователей истории русского права, сравнивать современные законодательные предписания с нормативными установками прошлого возможно с большой долей условности. Это объясняется существенными различиями в понятийном аппарате и особенностями урегулированных правом общественных отношений, которые, несмотря на внешнее сходство, обладали серьезными сущностными отличиями [1, с. 16]. В контексте темы исследования это означает, что под воздействием различных

факторов, определяющих вектор развития государства и права, изменялись не только нормативное регулирование, сущность взглядов на значение и содержание правовых институтов, но также цели и задачи, решаемые посредством уголовного правосудия.

В юридической науке советского периода сформировалось представление о «правосудии» как об одной из форм государственной управленческой деятельности, осуществляемой судом в связи с разрешением уголовного или гражданского дела по существу. Суд определялся как специальный властвующий государственный субъект, наделенный особыми полномочиями и осуществляющий деятельность в соответствии с положениями отраслевого процессуального законодательства [2 ; 3; 4].

Современные подходы к определению содержания деятельности по отправлению уголовного правосудия отличаются гораздо большей дифференциацией. Так, кроме сказанного выше, к правосудию предлагается относить реализацию судом полномочий в

связи с применением государственного принуждения, предупреждением правонарушений, охраной и восстановлением интересов граждан, организаций, общества и государства [5; 6], то есть те из них, которые в уголовном судопроизводстве могут относиться к компетенции суда на досудебных стадиях. Позиции современных авторов основаны на положениях уголовно-процессуального законодательства. Их интерпретация (в контексте установлений ст. 118 Конституции РФ и п. 50 ст. 5, ст. ст. 6, 7, 29, 108, 125, 125¹, 165, 214¹ а также других положений УПК РФ) демонстрирует, что в уголовном судопроизводстве суд разрешает вопросы, касающиеся применения в досудебном производстве мер принуждения, рассматривает жалобы и т. д.

Обозначенная дихотомия в позициях ученых советского и современного периодов не изменяет существо феномена правосудия – разрешение правового спора (вопроса), в соответствии с законом отнесенного к его компетенции. Исследование его содержания и особенностей позволит расширить представление об условиях развития данного правового явления и приблизиться к выяснению причин столь серьезных расхождений. Обозначенный аспект подчеркивает актуальность темы и создает благоприятную почву для научного поиска.

Известные науке истории права и государства России памятники законодательства демонстрируют, что деятельность по отправлению правосудия, независимо от форм общественного устройства или правления, характера (типа) судебного процесса, теорий оценки доказательств, содержания правового статуса формально определенного перечня участников процесса и т. д., обязательно была связана с деятельностью лиц, обладающих правом разрешать социальные конфликты.

Начиная с догосударственного периода до принятия Соборного уложения 1649 г. уголовный и гражданский порядок разбирательств нормативно не разграничивались. Однако перечень субъектов, обладавших полномочиями разрешать возникавшие деликты, по мере развития роли государства и институтов власти, последовательно изменялся. Так, изначально к их числу относились старейшины рода, общины, верви. Целью разбирательства являлось восстановление социальной справедливости и имущественная компенсация причиненного вреда. Данное явление исследователи связывают с тем, что в то время не существовало власти, которая могла поставить интересы общественные выше частных или родовых. Отметим, что на определенном этапе не существовало и институтов государственной власти, выполнявших функцию отправления правосудия.

Исследовав факторы, определявшие основные тенденции государственно-правового развития Московского государства в XV-XVII вв., В. Е. Рубаник и М. С. Федорова пришли к обоснованному выводу, что логика развития государства и институтов судебной власти того периода показывает, что суд выполнял функцию, состоявшую в разрешении социально-правового конфликта, на основании представленных сторонами доказательств [7, с. 145–152].

Анализ Судебника 1497 г. и Судебника 1550 г. позволяет отметить, что нормативно установленные особенности процессуальной формы связывали полномочия суда преимущественно с вопросами обеспечения явки участников в судебное заседание (в рамках частных исков). После появления во второй половине XVI в. Разбойного и Земского приказов ситуация изменилась коренным образом. По тяжким преступлениям и деяниям, посягающим на интересы государства, должностные лица названных государственных органов осуществляли деятельность по собиранию доказательств

и обладали полномочиями по вынесению приговоров. Это позволяет понять, что на данном этапе развития судопроизводства формального разграничения досудебной и судебной деятельности не предполагалось [8].

Положения Учреждения для управления губерний, принятые 7 ноября 1775 года, свидетельствуют о том, что, в целях упорядочивания деятельности органов суда, последний всецело контролировался территориальной администрацией. На уровне губерний существовало три уровня сословных судов. В их компетенцию входило непосредственное разбирательство по материалам, представленным полицией или истцом. Подсудность определялась тяжестью деяния, причинявшего вред интересам, охраняемым законом. Ограничения прав и свобод личности не требовало специального судебного решения, такое решение находилось во власти полицейских органов. Срок производства в судах мог достигать 15 лет. Формировались суды посредством выборов судебных чиновников местными дворянами. Доступ к апелляционной инстанции был формально ограничен весьма внушительной суммой денежного залога, которую представлял участник, отыскивавший обжалования решения [9].

Мыслители, стоявшие у истоков судебной реформы 1864 года, и их последователи начала XX в. критически оценивали дореформенный судебный процесс, отмечали его непоследовательность, сословный характер, подчеркивали отсутствие гласности, невозможность обеспечения равенства сторон, неурегулированность порядка ограничения прав обвиняемых. Досудебная деятельность относилась к исключительному ведению полиции, к компетенции которой относились вопросы доказывания и ограничения прав участников дела. Некоторые исследователи писали, что при таком состоянии деятельность судов с большим трудом можно было назвать правосудием,

а выносившиеся судебные решения справедливыми [10 ; 11].

Заметим, что инквизиционный процесс, господствовавший начиная со второй половины XVII в. и до судебной реформы, был сформирован таким образом, что суд выступал субъектом, окончательно разрешавшим правовой конфликт между заинтересованными лицами. Его роль в деятельности по оценке доказательств и принятии итогового решения была исключительной.

Таким образом, в дореформенном судебном процессе феномен «уголовное правосудие» можно определять, как непосредственную деятельность суда по применению закона на основе полномочий по определению вида и размера наказания за нарушение установленного порядка.

Труды современных исследователей изобилуют аргументами в пользу отнесения деятельности суда в досудебном производстве по уголовному делу, а также деятельности, связанной с исполнением приговоров, к правосудию. Мы разделяем позицию, согласно которой правосудие понимается как правоприменительная деятельность (характерная для всех сфер судопроизводства) [12, с. 33–34], то есть любая процессуальная деятельность суда (судьи), связанная с производством по уголовному делу, которая осуществляется в установленном законом порядке [13, с. 23], причем на любой стадии [14, с. 2–6], в том числе до момента поступления уголовного дела в суд с обвинительным заключением, обвинительным актом (обвинительным постановлением) [15, с. 19–24].

Обратим внимание, что в досудебном уголовном производстве к исключительной компетенции суда относится принятие решений о существенном ограничении конституционных прав личности. В этом отношении бесспорно важным является мнение В. В. Николюка и Л. А. Пупышевой о том, что «невозможно не заметить устойчивой тенденции к

расширению сферы правосудия и укреплению судебной власти» [16, с. 91].

Кроме того, профессор В. В. Николюк обратил внимание на правовые позиции Конституционного Суда РФ, устранившие барьер между судебным контролем за оперативно-розыскной деятельностью, уголовным судопроизводством и правосудием, обосновывая вывод о том, что судебные процедуры, предназначенные для разрешения вопросов о проведении ОРМ, ограничивающих конституционные права граждан, проверки жалоб заинтересованных лиц на действия и решения оперативно-розыскных органов, имеют признаки самостоятельных судебных производств, уголовно-процессуальную природу, дополняют содержание уголовного судопроизводства, являются неотъемлемой частью уголовного правосудия [17, с. 15–21].

Интересна точка зрения Т. К. Рябининой, которая отмечает, что деятельность суда на стадии назначения и подготовки судебного заседания в современных реалиях является ничем иным, как отправлением правосудия [18, с. 5]. Соглашаясь с этим высказыванием, обратим внимание, что реализация судебной власти контрольно-подготовительного характера на этой стадии происходит без разрешения вопроса о виновности и наказании лица. Другими словами, правосудием признается судебная деятельность, не только связанная с рассмотрением и разрешением уголовного дела, но и иных вопросов, требующих судебного вмешательства при соблюдении уголовно-процессуальной процедуры с вынесением акта правоприменения.

Данное умозаключение основано на переосмыслении истинного предназначения суда, заключающегося в отправлении правосудия как основной функции судебной власти [19, с. 16 ; 20 ; 21], и разделяемое нами. Кроме того, значимость рассматриваемых вопросов подтверждают исследования, в результате

которых ученые приходят к выводу о необходимости придания отдельным судебным процедурам статуса самостоятельных процессуальных производств [22, с. 13], видов судопроизводства [23, с. 20].

В этой связи мы солидарны с профессором Л.В. Головкин в том, что «любая процессуальная деятельность «судебна» в том смысле, что направлена на достижение задач правосудия, т. е. производится в конечном итоге для суда и под контролем суда» [24, с. 15].

Следует заметить, что в исторических типах российского правосудия (типах судебного процесса) отражался дух времени и практические нужды государства, обуславливавшие генезис «уголовного правосудия», которое для каждой из эпох представляло собой своеобразный идеал, так же изменявшийся как нормативно, так и доктринально под влиянием различных факторов. Поэтому вывод о неразработанности в теории права «идеала» правосудия является субъективной точкой зрения, адаптированной под современные тенденции проведения научных исследований, посвященных именно «уголовному правосудию». При сравнении последнего с порядком, установленным в гражданском процессе, прослеживается приспособленность обозначенных выше подходов к одному из отраслевых направлений деятельности суда.

Иной позиции придерживается С. В. Милицин, так же отмечающий избыточную «широту» толкования, использованного указанными выше авторами, не вполне обоснованно поставившими знак равенства между контрольной судебной деятельностью по уголовным делам и рассмотрением дела по существу. Последнее, по мнению ученого, является ничем иным, как деятельностью суда по реализации уголовной ответственности или освобождению от нее в установленных законом случаях. При этом сущность иной деятельности суда (например, в досудебном производстве)

автор определяет в качестве факультативной, вспомогательной или сопутствующей [25, с. 21–23]. Оценивая данный подход, следует отметить его сходство с классическим представлением об отраслевом правосудии, сложившемся в юридической доктрине советского периода и в самом общем смысле учитывающим особенности уголовно-процессуального регулирования.

Обращаясь к вопросам международной уголовной юстиции, исторически входившей в структуру судебной юстиции соответствующих государств, исследователи безапелляционно связывают уголовное правосудие с рассмотрением дела по существу, приводя примеры Нюрнбергского процесса, Специального суда для Сьерра-Леоне, Специального трибунала по Ливану, трибуналов по бывшей Югославии и Руанде [26].

Исследовав международную судебную практику, сформированную в ходе Хабаровского процесса и Токийского трибунала во второй половине 1940-х годов, ученые ввели в научный оборот понятие «опосредующее правосудие» [27, с. 80–89], определяемое как деятельность, предполагающую устранение пробелов в решениях международных судов (апелляции и кассации для решений, которых не предусматривалось) посредством использования норм национального законодательства, существенно расширяющего полномочия суда. Исполнение решений международных уголовных судов авторы также относят к деятельности, связанной с правосудием [28, с. 86–99].

Данную позицию мы разделяем, предлагаемая точка зрения демонстрирует обязательность акта применения права и деятельности по его исполнению. Кроме того, анализируя предлагаемое определение, возможно предположить, что в национальном уголовно-процессуальном законодательстве значение деятельности суда может определяться с учетом

особенностей правового регулирования. Стоит учитывать специфику деятельности указанных судов и весьма ограниченные полномочия российского суда в соответствии с УПК РСФСР.

Обозначенный подход к определению пределов «уголовного правосудия» представляется соответствующим характеру деятельности обозначенных судов и содержанию законодательства того времени.

Следует отметить, что полемика, расширяющая пределы понимания существа феномена правосудия, наблюдается и в научных исследованиях, посвященных административному процессу. Так, А. Б. Зеленцов и О. А. Ястребов определяют его содержание как деятельность суда по рассмотрению дела по существу [29]. Критикуя данную точку зрения, А. И. Стахов отзывается о ней как о позиции «в узком смысле» и обосновывает более широкое содержание рассматриваемого явления, определяя его через призму интегративного подхода. Автор связывает его с понятием «судебный административный процесс», под которым предлагает понимать совокупность отдельных видов административного судопроизводства, соответствующих категории разрешаемого судебного административного дела, которые подчинены единой цели, задачам и функциям [30, с. 144–152]. Очевидно, что исследователь предлагает компилировать такие категории, как «административное правосудие», «административное судопроизводство» и «судебное административное дело», выявляя общее в которых формулирует определяющую часть предлагаемого понятия.

Основываясь на достижениях теории права в части, посвященной реализации права, отметим, что деятельность суда в досудебном производстве и в судебном заседании по рассмотрению уголовного дела по существу объединяет то, что властвующий субъект, действуя в пределах

компетенции, установленной законом, разрешает стоящие перед ним вопросы о выборе нормы права и вынесении обязательного для исполнения акта применения права. Исходя из этого «правосудие» может быть определено как нормативно регламентированная деятельность суда, направленная на разрешение дела посредством вынесения акта применения права, обязательного для исполнения [31, с. 94–95 ; 32, с. 8–10].

В обозначенном общетеоретическом подходе содержатся универсальные «триггеры», раскрывающие существо судебной деятельности и позволяющие понять, что эта деятельность связана с реализацией норм права – то есть с динамической, активной частью правового регулирования, «цементирующей» связь законодательства и деятельности, связанной с его применением [33 ; 34]. С другой стороны, в нем размещена мысль о социальной значимости итогового решения суда, приводящего к понятию правильного и справедливого разрешения спора или конфликта [35, с. 13–20]. В данном случае под конфликтом следует понимать именно социальный конфликт, а не вопросы, разрешаемые органами досудебного производства до суда и для обеспечения в будущем его деятельности по разрешению стоящего перед ним вопроса по существу (об ограничении прав и свобод в ходе предварительного расследования или о проведении оперативно-розыскных мероприятий).

Вопрос о разграничении решений суда в досудебном производстве с разрешающими уголовное дело по существу следует рассматривать через призму развитости в них таких свойств акта применения права, как законность и справедливость. Если формальное соответствие обоих видов решений требованию законности у нас сомнения не вызывает, то в части справедливости возникают множественные вопросы.

Разрешая казус о конкуренции принципов правоприменения,

нормативисты отдают безусловный приоритет законности. В данной концепции развивается идея: законно – значит справедливо. Законность является базисным принципом права, преобладающим в нормативной концепции правопонимания. Однако основные идеи, лежащие в основе правового регулирования уголовного судопроизводства, говорят о том, что формальное соответствие решения закону не отражает всей сущности права и не всегда решает вопрос о его справедливости. Приоритет справедливости решений в наибольшей степени соответствует социологическому подходу к пониманию права.

Целеполагание уголовного судопроизводства, установленное в ст. 6 УПК РФ, отображает сущность интегративного правопонимания, поскольку требует, в результате рассмотрения дела по существу, вынесения не только законного, но и справедливого решения. Полагаем, данная точка зрения согласуется с правовыми позициями Верховного Суда РФ, высказавшегося о том, что приговор должен отвечать обоим указанным выше свойствам и, не приводя четкого разграничения между ними, акцентировавшего внимание на том, что данные требования предъявляются и к судебному разбирательству¹, то есть деятельности суда по разрешению дела по существу.

Аналогичным образом допустимо интерпретировать разъяснения по вопросам судебной практики Верховного Суда РФ, изложенные в постановлении, посвященном вопросам применения мер пресечения. Следует подчеркнуть, что в данном акте судебного толкования требование о справедливости решения об избрании меры пресечения не упоминается

¹ О судебном приговоре : постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 г. № 55. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

вовсе¹. Убеждены, что последнее является причиной обеспечительного характера такого акта применения права, поскольку он ориентирован на постановку поведения подозреваемого, обвиняемого в определенные рамки, обеспечение нормального хода досудебного производства и судебного разбирательства. Кроме того, обязанность вынесения законного, обоснованного и справедливого итогового решения закреплена законодательно (ст. 297 УПК РФ).

Подводя итог, отметим, что одной из причин доктринальной полемики о существе «уголовного правосудия» и его пределах следует считать типологию современного российского уголовного процесса, характеристика которого объединяет как состязательные, так и розыскные начала. Первые преобладают в судебных стадиях, в то время как вторые доминируют в досудебном производстве.

Обратим внимание на то, что современная законодательная регламентация деятельности органов досудебного производства, в специально предусмотренных законом случаях, предполагает вовлечение суда в разрешение различных вопросов, отнесенных ст. 29 УПК РФ к его исключительной компетенции. Как отмечено выше, существо принимаемых судом в таких случаях актов правоприменения не состоит в разрешении главного вопроса судопроизводства (о виновности конкретного лица в совершении преступления). Они не разрешают правовой конфликт (вопрос, спор), составляющий основную причину вовлечения суда в процессуальную деятельность. Их существо состоит в обеспечении деятельности субъекта досудебного производства по уголовному делу, целью которого являются

доказывание, создание необходимых условий для надлежащего поведения участников дела, принятие мер, обеспечивающих исполнение приговора суда.

Особенности положений УПК РФ создают условия для того, чтобы в досудебном производстве суд, разрешая вопросы, отнесенные к его компетенции, прибегал к использованию аналогии права и аналогии закона. Наиболее отчетливо проявляется в ситуациях неурегулированности специальными нормами порядка проведения судебного заседания по вопросам досудебного производства. Полагаем, в данном случае законодатель вполне предусмотрительно не стал устанавливать формально определенные алгоритмы. Это объясняется необходимостью создания условий для мобильного взаимодействия органа предварительного расследования с судом, а также тем, что именно розыскной характер досудебного производства делает невозможным рассмотрение некоторых вопросов в условиях состязательности.

Научные диспуты о существе деятельности суда в досудебном производстве развиваются из доктринальных общетеоретических установок о содержании правоприменительной деятельности и нормативных определений, предусмотренных пунктами 48-56 ст. 5 УПК РФ. Раскрывая их содержание, законодатель с очевидностью стремился подчеркнуть, что элементы состязательности присущи всему уголовному судопроизводству, в которое суд интегрирован в силу формально определенных полномочий, реализуемых в рамках судебного заседания, независимо от стадии производства по уголовному делу.

Отраслевые особенности «уголовного правосудия», отраженные в правовом регулировании УПК РФ, являются исключительными характеристиками данного вида деятельности суда, отличающими его от

¹ О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

правосудия в иных сферах правового регулирования. Наиболее оптимально существо данного феномена отражено в доктрине теории права, в соответствии с которой содержание деятельности суда независимо от стадии производства по делу и отраслевого регулирования, в полной мере согласуется с подходами о сущности правоприменения. Феномен правосудия следует изучать комплексно, поскольку отраслевой подход способствует сужению представления о нем до содержания одной отрасли законодательства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сергеевич В. И. Лекции и исследования по древней истории Русского права. 4-е изд., доп. и поправлено. Санкт-Петербург : Тип. М.М. Стасюлевича, 1910. 667 с.
2. Грошевой Ю. М. Профессиональное правосознание судьи и социалистическое правосознание. Харьков : Вища шк. Изд-во при Харьк. ун-те, 1986. 183 с.
3. Бойков А. Д. Сущность социалистического правосудия и его виды // Вопросы борьбы с преступностью. 1982. № 34. С. 37–44.
4. Тихомиров М. Ю. Юридическая энциклопедия. 6-е изд. Москва : Издание г-на Тихомирова М. Ю., 1997. 525 с.
5. Правоохранительные органы: учебник для вузов / С. Л. Лонь и др. 4-е изд. Томск : ТГУ, 2011. 552 с.
6. Семёнов В. М., Байдуков В. А. Правоохранительные органы Российской Федерации : учебное пособие. Москва, 2008. 320 с.
7. Рубаник В. Е., Федорова М. С. Суд и правосудие в московской Руси XV-XVII вв.: современная историография вопроса // Право и государство: теория и практика. 2018. № 1157. С. 145–152. EDN: SCYNCW.
8. Российское законодательство X-XX веков. В 9 т. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. Москва : Юрид. лит., 1985. 520 с.
9. Российское законодательство X-XX в. В 9 т. Т. 5. Законодательство периода расцвета абсолютизма. Москва : Юрид. лит., 1987. 528 с.
10. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Киев : Лито-типография И.Н. Кушнерев и К, 1907. 649 с.
11. Люблинский П. И. Свобода личности в уголовном процессе. Меры, обеспечивающие неуклонение обвиняемого от правосудия. Санкт-Петербург : Сенатская тип., 1906. 209 с.
12. Лазарева В.А. Судебная защита в уголовном процессе Российской Федерации: проблемы теории и практики : дис.... д-ра юрид. наук. Москва, 2000. 419 с. EDN: NMBEGD.
13. Судебная власть. Научное издание / Абова Т. Е. и др. ; отв. ред.: Петрухин И. Л. Москва : ТК Велби, 2003. 720 с.
14. Бозров В. М. Содержание и границы правосудия в уголовном процессе: очередная дискуссионная волна // Мировой судья. 2024. № 1. С. 2–6. DOI: 10.18572/2072-4152-2024-1-2-6. EDN: CYLJFK.
15. Кутуев Э. К., Миргородская Э. Р. Судебный контроль как форма осуществления правосудия // Российский судья. 2022. № 6. С. 19–24. DOI: 10.18572/1812-3791-2022-6-19-24. EDN: ZMOESU.
16. Николук В. В., Пупышева Л. А. Судебный контроль в порядке статьи 165 УПК как форма осуществления правосудия: новизна или затуманивание взгляда // Уголовный процесс. 2025. № 3. С. 91. EDN: DPBYQN.
17. Николук В. В. Уголовное правосудие в сфере оперативно-розыскной деятельности // Мировой судья. 2023. № 10. С. 15–21. DOI: 10.18572/2072-4152-2023-10-15-21. EDN: NRMLIS.
18. Рябинина Т. К. Реализация судебной власти на стадии подготовки уголовного дела к судебному заседанию:

теория и правоприменение : дис. ... д-ра юрид. наук. Курск, 2021. 545 с. EDN: AVSCFQ.

19. Лазарева В. А. Судебная защита в уголовном процессе Российской Федерации: проблемы теории и практики : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2000. 41 с. EDN: NMBEGD.

20. Рябцева Е. В. Правосудие в уголовном процессе России : монография. 2-е изд., доп. Москва : Юрлитинформ, 2010. 397 с. ISBN 978-5-93295-665-6. EDN: QRQVTF.

21. Бурмагин С. В. Статус и деятельность суда в уголовном процессе : учебное пособие. Москва : Проспект, 2016. 304 с. ISBN 978-5-392-19667-8. EDN: XDRJVV.

22. Иванова О. Г. Уголовно-процессуальное производство по избранию судом меры пресечения: уголовно-процессуальная форма и особенности доказывания : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2019. 13 с. EDN: KBDOZX.

23. Терекян В. А. Реализация потерпевшим права на доступ к правосудию, осуществляемому при рассмотрении судом жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2013. 20 с. EDN: ZPDVVJ.

24. Судебное устройство и правоохранительные органы / под ред. Л. В. Головки : учебник. 2-е изд. Москва : Городец, 2022. 816 с.

25. Милицин С. В. *Pas non est aequalis toti*, или в продолжение дискуссии о понятии и содержании правосудия по уголовным делам // Мировой судья. 2023. № 12. С. 21-23. DOI: 10.18572/2072-4152-2023-12-21-23. EDN: FNAICU.

26. Копылова Е. А. Архитектура международного уголовного правосудия в условиях кризиса: предпосылки, проблематика и перспективы реформирования // Право и политика. 2026. № 2. С. 78-86. DOI: 10.7256/2454-0706.2026.2.78186. EDN: EEPJXH.

27. Питулько К. В. Хабаровский процесс и Токийский трибунал: установление обстоятельств совершения военных преступлений на Дальнем Востоке в период Второй мировой войны // Вестник Российской правовой академии. 2025. № 2. С. 80-89. DOI: 10.33874/2072-9936-2025-0-2-80-89. EDN: JKONGC.

28. Шамсутдинов И. Р. Роль ООН в обеспечении исполнения решений Международного уголовного суда // Международное право. 2026. № 1. С. 86-99. DOI: 10.25136/2644-5514.2026.1.78330. EDN: GMKLIF.

29. Зеленцов А. Б., Ястребов О. А. Судебное административное право : учебник. Москва : Статут, 2017. 766 с. ISBN 978-5-8354-1369-0. EDN: AQLXGK.

30. Стахов А. И. Взаимосвязь административного правосудия, судебного административного процесса, административного судопроизводства // Российское правосудие. 2023. № 1. С. 144-152. DOI: 10.37399/issn2072-909X.2023.SI.144-152. EDN: SZISAQ.

31. Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом обществе. Москва, 1966. С. 94-95. EDN: SIFYFJ.

32. Дюрягин И. Я. Применение норм советского права. Свердловск, 1973. 248 с.

33. Правоприменение в советском государстве / под ред. И. Н. Кузнецова, И. С. Самощенко. Москва : Юрид. лит., 1985. 304 с.

34. Керимов Д. А. Философские проблемы права. Москва : Мысль, 1972. 171 с.

35. Цветков А. Ю. Что такое правосудие вообще и уголовное правосудие в частности // Мировой судья. 2023. № 12. С. 13-20. DOI: 10.18572/2072-4152-2023-12-13-20. EDN: IPVEGX.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Бахта Андрей Сергеевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса ФГКОУВО «Омская Ордена почета академия МВД России» (Российская Федерация, 644092, Омская область, г. Омск, просп. Комарова, д. 7), post_e_mail@mail.ru.

Шумилова Татьяна Николаевна, старший преподаватель кафедры уголовного процесса ФГКОУВО «Омская Ордена почета академия МВД России» (Российская Федерация, 644092, Омская область, г. Омск, просп. Комарова, д. 7), t_shumilova78@mail.ru.

Bakhta Andrey Sergeevich, Professor of the Department of Criminal Procedure FGOU VO «Omsk Order of Honor Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia» Doctor of Law, Professor (Russian Federation, 644092, Omsk Region, Omsk, Komarova Avenue, 7), post_e_mail@mail.ru.

Shumilova Tatyana Nikolaevna, Senior Lecturer at the Department of Criminal Procedure FGOU VO «Omsk Order of Honor Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia» (Russian Federation, 644092, Omsk Region, Omsk, Komarova Avenue, 7), t_shumilova78@mail.ru.

**СПОСОБЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕЖИМА ЗАКОННОСТИ
В СТАДИЯХ ЕГО ВОСПРОИЗВОДСТВА****О. Е. Шишкин**

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
e-mail: oleg.shishkin.2000@list.ru

Аннотация. В статье законность рассматривается с позиции социолого-правового подхода, как режим, включающий последовательную смену трех стадий: возникновение потребности в нормативно-правовом регулировании, объективация потребности в нормативно-правовом акте, реализация нормы права в правовом порядке.

Отмечается, что ключевую роль в процессе достижения этой цели играют способы обеспечения законности, высокая степень эффективности применения которых достигается посредством разработки и использования механизма, определяющего порядок и последовательность их применения в зависимости от конкретной стадии режима законности.

Автором предпринимается попытка определения сущности и выявления особенностей функционирования указанного механизма.

Ключевые слова: законность, режим законности, стадии режима законности, потребность в нормативно-правовом регулировании, объективация потребности в нормативно-правовом регулировании, реализация нормы права в правовом порядке, способы обеспечения законности, социолого-правовой подход.

Для цитирования: Шишкин О. Е. Способы обеспечения режима законности в стадиях его воспроизводства // Искусство правоведения. 2026. № 3. С. 22–29.

**WAYS OF ENSURING THE REGIME OF LEGALITY
IN THE STAGES OF ITS REPRODUCTION****O. E. Shishkin**

St. Petersburg Law Institute (branch)
of the University of Prosecutor's office
of the Russian Federation,
St. Petersburg, Russian Federation
e-mail: oleg.shishkin.2000@list.ru

Annotation. Legality is considered from the standpoint of the socio-legal approach as a regime comprising a successive change of three stages: the emergence of the need for normative-legal regulation, the objectification of that need in normative-legal act, and the realization of the legal rule in the legal order.

It is pointed out that ways to ensure legality play vital role in achieving this purpose, a high degree of effectiveness in the application of which is achieved through the elaboration and use of a mechanism, that determines the order and sequence of their application depending on the specific stage of the regime of legality.

The author attempts to determine the essential nature and to identify the peculiarities of functioning of this mechanism.

Key words: legality, regime of legality, stages of regime of legality, necessity for legal regulation, objectification of the necessity for legal regulation, implementation of rule of law in law and order, ways to ensure legality, sociological dimension of law.

For citation: Shishkin O. E. Ways of Ensuring the Regime of Legality in the Stages of its Reproduction // The Art of Law. 2026. № 3. С. 22–29.

На протяжении всего существования права (как социального регулятора) законность всегда выступала в роли основополагающего начала, столпа, на котором оно (право) зиждется. Дело в том, что именно данный правовой феномен, о природе которого до сих пор ведутся споры в научном сообществе, призван очертить границы, определяющие пространство распространения «суверенитета» права, его юрисдикцию, а также указать на перечень субъектов, подпадающих под указанную юрисдикцию, иными словами, поведение которых должно быть согласовано с соответствующими моделями поведения, установленными правом. Таким образом, социальная значимость такого правового явления, как законность, не вызывает сомнений. Способы обеспечения законности, в свою очередь, исходя из своего наименования (номината), призваны предотвратить «крушение» указанного столпа – законности. Традиционно к способам обеспечения законности относят научную экспертизу законодательного регулирования, законодательную технику, средства пресечения (или преодоления) неисполнения и несоблюдения законодательства (правосудие, прокурорский надзор, деятельность иных поднадзорных органов, административный контроль и реагирование, самозащита нарушенного права) от действий органов государственной власти, граждан [1, с. 195–196 ; 2, с. 524–525]. Не ставя под сомнение их важность и значимость, представляется актуальным предложить дополнение этого классического подхода в виде социолого-правового анализа способов обеспечения законности.

Перед непосредственным обозрением проблемы, поднятой в настоящем исследовании, необходимо

обозначить сущность рассматриваемого явления, а именно законности, поскольку, не сформировав представление о природе того или иного явления, не представляется возможным определить и проанализировать способы его обеспечения. Необходимо отметить, что в настоящей работе указанный правовой феномен будет рассмотрен с позиций социолого-правового подхода, который позволяет сформировать целостную картину относительно природы законности, поскольку обращает внимание исследователя на тот факт, что данное правовое явление существует и функционирует (как социальный конструкт) не в вакууме, а в тесной взаимосвязи с надсистемой, то есть в обществе, с учетом особенностей, присущих всем без исключения сложным, открытым и динамическим системам [3, с. 7–10 ; 4, с. 21–22]. Приведем дефиницию понятия «законность» с позиций социолого-правового подхода, обобщающего законность в качестве режима, сформулированную И. Л. Честновым. Итак, режим законности – это состояние, сопровождающееся последовательной сменой ряда стадий: «...выявление потребности в нормативном правовом регулировании (предпосылки закона), выражение этой потребности в законе (соответствующей форме права) и реализация в правопорядке» [1, с. 194–195].

После обозначения сущности, вкладываемой в понятие «законность», перейдем непосредственно к рассмотрению способов обеспечения данного правового феномена, а также специфики их применения в зависимости от конкретной стадии режима законности [1, с. 196]. Взаимосвязь способов обеспечения законности и законности как таковой (как режима) представляется

необходимым охарактеризовать следующим образом: совокупность мер (способы обеспечения законности), применяемых соответствующим образом по результатам интерпретации показаний индикатора (режима законности), проводимой в целях формирования достоверных представлений (позиции) относительно желаемого и фактического состояния правопорядка, эффективности права, а также относительно механизма дальнейшего применения указанных мер, в целях достижения целостности и нормального функционирования общества. Полагаем, что каждый способ обеспечения законности наиболее эффективным образом применим исключительно в рамках определенной стадии режима законности.

Первая стадия – выявление потребности в нормативном правовом регулировании (предпосылки закона). Представляется, что указанная необходимость возникает вследствие снижения качества выполнения правом интегративной функции, которую обнаруживает непосредственно или опосредованно (через уполномоченные органы власти и (или) должностных лиц) референтная или экспертная группа, впоследствии инициирующая переход к последующим стадиям. В дальнейшем указанный «функциональный сбой», обнаруживаемый с помощью мониторинга состояния законности и правопорядка, переводится компетентными органами в правовую плоскость, объективируясь в одну из трех ситуаций, выступающих в роли индикатора возникновения потребности в нормативном правовом регулировании, но уже в правовом поле, а именно:

- первая ситуация: возникновение потребности в урегулировании правом определенных общественных отношений;
 - вторая ситуация: необходимость в видоизменении (адаптировании) уже существующей нормы права;
 - третья ситуация: необходимость в упразднении конкретной правовой нормы.
- Обратим внимание, что указанная

ситуация также является проявлением потребности в нормативном правовом регулировании, поскольку подразумевает необходимость в принятии нормативного правового акта, которым упраздняется (утрачивает силу) определенная норма права.

Обратим внимание, что маркером наступления второй и третьей ситуаций (применительно для конкретной правовой нормы) служат либо снижение (или отсутствие роста) числа таких форм реализации права, как соблюдение (для запретительных норм права), исполнение (для обязывающих правовых норм), либо снижение количества форм реализации права, а именно использования (для управомочивающих норм права). Иными словами, проблемы, связанные с реализацией в той или иной форме права, предшествуют возникновению данных ситуаций, которые по своей сути являются существующими вариантами разрешения указанной проблемы.

Указанные три ситуации вызывают к жизни недостижение правовой цели, заключающейся в обеспечении функционирования и целостности общества, следовательно, определенная правовая норма не «работает» эффективным образом, а значит сохранение ее в прежнем виде не является целесообразным. Таким образом, представляется необходимым сформулировать 2 критерия, которым должна соответствовать норма права, чтобы она обеспечивала достижение возложенной на право цели:

- внутренний критерий, подразумевающий соответствие идеи или цели, которые вложены в ту или иную правовую норму, цели права (то есть идея или цель должны отвечать требованиям целесообразности, эффективности права, следовательно, способствовать обеспечению правом целостности общества).
- Обратим внимание, что на обеспечение внутреннего критерия направлена законодательная техника [5, с. 339–341], поскольку указанный способ обеспечения законности призван

способствовать правильному изложению смысла, которым наделяется конкретная правовая норма при ее формулировании в конкретном нормативном правовом акте [6];

– внешний критерий, включающий в свою очередь правила юридической техники, обеспечивающие верную интерпретацию и реализацию правоприменителем вложенной в правовую норму идеи. Ф. Бэкон, которого небезосновательно считают одним из основателей учения о юридической технике, в работе «Новый органон» «категорично писал не только о краткости юридического языка (считая это аксиомой), но и о его точности, чтобы не возникало поводов к неоднозначному пониманию законов» [7, с. 27].

Обратим внимание, на необходимость в четком разграничении понятий «законодательная техника» и «юридическая техника». Так, под юридической техникой понимается «совокупность правил, способов и средств разработки, оформления, публикации и систематизации нормативных, индивидуальных, интерпретационных и иных правовых актов»¹. При этом законодательная техника представляет собой систему «правил, предназначенных для познавательно-логического и нормативно-структурного формирования правового материала и подготовки текста закона» [6].

Таким образом, субъект правотворческой деятельности в ходе оценки эффективности той или иной нормы права посредством определения соответствия ее внутреннему и внешнему критериям, достичь которое (соответствие) призваны два способа обеспечения законности: законодательная техника (внутренний критерий), юридическая техника (внешний критерий) приходит к

выводу о возникновении (или отсутствии) одной из вышеназванных трех ситуаций применительно к указанной норме. В конечном итоге это указывает на необходимость (или ее отсутствие) в дополнении существующей нормы, либо в принятии новой нормы, которая в системе с рассматриваемой нормой будет способствовать достижению правовой цели, либо видоизменения существующей нормы. Указанный многоаспектный процесс образует первую стадию режима законности, качественное проведение которого призвана обеспечить в свою очередь научная экспертиза законодательного регулирования как один из способов обеспечения законности [1, с. 196], в данном случае первой стадии режима законности, поскольку именно указанный способ подразумевает проведение комплексного междисциплинарного анализа, позволяющего учесть максимально широкий круг условий (факторов), влияющих на эффективность той или иной правовой нормы, соответственно, определить потенциальную эффективность как существующей, так и планируемой нормы права, оперируя достижениями социально-гуманитарных и иных наук.

Указанное находит подтверждение в материалах семинара с участием руководителей правовых служб законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации «Актуальные вопросы экспертно-правового обеспечения законодательного процесса: федеральный и региональный аспекты» (далее – Семинар), в которых отмечается, что «...научная экспертиза федеральных законов, законопроектов является эффективным средством повышения научной обоснованности законодательных решений». Кроме того, «...осуществление научной экспертизы предполагает научный анализ и оценку подготовленного и внесенного в парламент Российской Федерации законопроекта с точки зрения его содержания и формы специальными

¹ Арзамасов Ю. Г. Юридическая техника // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/iuridicheskaja-tekhnika-0ca945/?v=9024316> (дата обращения: 02.04.2026).

научно-консультативными подразделениями, учеными-экспертами и их группами» [8].

Вторая стадия – объективация потребности в нормативном правовом регулировании в соответствующей форме выражения права. Указанная стадия представляет собой последовательную смену трех этапов. Первый этап включает определение законодателем места в системе права будущей правовой нормы, выбор которого обуславливается спецификой общественных отношений, состояние которых вызвало необходимость в нормативном правовом регулировании, а также одной из основных сфер общественной жизни (политическая, экономическая, социальная, духовно-культурная), в рамках которых указанные общественные отношения функционируют [9, с. 7–8]. Второй этап подразумевает обозначение итоговой формулировки правовой нормы в соответствии с внутренним и внешним критериями, которые более подробно были рассмотрены ранее, а также с учетом особенностей отрасли законодательства, нормативного правового акта, в рамках которых данная норма будет функционировать. Заключительный – третий этап, включающий непосредственную объективацию нормы в конкретном нормативном правовом акте, ее вступление в законную силу посредством проведения законотворческого (шире, правотворческого) процесса. Исходя из изложенного, наиболее релевантным указанной стадии способом обеспечения законности также будет являться научная экспертиза законодательного регулирования, поскольку, как отмечал в рамках Семинара С. А. Комаров, «...практически всеми исследователями проблематики законотворческого и законодательного процессов научная экспертиза выделяется в качестве действенного инструмента повышения качества законопроектной работы и подчеркивается целесообразность ее проведения на отдельных этапах

законотворческого процесса...». Кроме того, им обращено внимание на тот факт, что научная экспертиза «нужна прежде всего в ходе процесса подготовки законопроекта» [8].

Третья стадия – реализация в правопорядке потребности, закрепленной (объективированной) в конкретной форме выражения права. Рассмотреть функционирование указанной стадии представляется необходимым посредством анализа форм реализации права [1, с. 180–182].

Первая форма – использование. Правовая норма (управомочивающая) используется исключительно в случае действительного существования общественного отношения, в связи с которым конкретная норма права принята, иными словами, в случае принципиальной невозможности осуществления общественного отношения (когда оно по своей сути является симулякр или знаком без смысла), не представляется возможным использование управомочивающей нормы права. Разрешить указанную проблему призваны вторая (необходимость в видоизменении (адаптировании) уже существующей нормы права) и третья (необходимость в упразднении конкретной правовой нормы) ситуации, о которых более подробно сказано ранее. При этом способы обеспечения законности, позволяющие увеличить применение подобной нормы, не существуют. Потенциально, при указанных обстоятельствах в роли способа обеспечения законности выступает правовой мониторинг, позволяющий выявить подобные «неиспользуемые» управомочивающие правовые нормы. Более того, нет смысла в обеспечении увеличения числа использования такой нормы, поскольку последняя не способствует достижению цели, которой служит право, а именно обеспечению целостности социума.

Вторая форма – исполнение. Представляется, что к неисполнению обязывающей нормы могут привести 2 причины, характеризующиеся

проявлением волевого аспекта личности, который выражается либо в бессознательном неисполнении конкретной обязывающей нормы (по незнанию), либо в осознанном волевом поступке, связанном с неисполнением определенной правовой нормы. Применительно к первой причине отметим, что росту числа неисполнения конкретной правовой нормы приводит падение уровня правовой культуры, которое выражается в снижении числа лиц, которые осведомлены о существовании конкретной обязанности (указанное отчасти релевантно и первой форме реализации права – использованию). Причин указанному явлению множество: от снижения эффективности деятельности агентов социализации (как первичной, так и вторичной) до особенностей мировоззрения поколения, социальной страты, класса, обусловленных спецификой господствующей в обществе парадигмы, определяющей во многом мировоззрение и конкретного индивида. Вторая причина связана с сознательным неисполнением существующей обязанности, что в свою очередь вызвано к жизни существующим противоречием, дихотомией между интересом конкретного индивида и обязанностью, которую данный индивид должен исполнить. Возможна и третья (факультативная) причина, которую можно охарактеризовать следующим образом: лицо (индивид) знает о существовании конкретной обязанности, но по ряду причин не понимает, как он может ее исполнить [10, с. 369–370].

Обозначим специфику применения конкретных способов обеспечения законности в зависимости от причины неисполнения обязанности. Так, применительно к первой причине, вызванной к жизни неосведомленностью конкретного лица, отметим, что наиболее эффективным способом обеспечения законности выступает правовое просвещение, которое, как представляется, должно быть органично «вписано» в деятельность как агентов первичной

(родители, родственники, школа), так и вторичной (университет, организация, в которой осуществляется трудовая деятельность, средства массовой информации) социализации [11]. Вторая причина, связанная с возникновением противоречия между интересами лица и конкретной обязанностью, закрепленной в правовой норме, нивелируется либо средствами защиты неисполнения и несоблюдения законодательства (правосудие, прокурорский надзор [12 ; 2, с. 524–525], а также деятельность иных надзорных органов, административный контроль и реагирование) [1, с. 196] в случае, если противоречащий исполнению закрепленной в правовой норме обязанности интерес лица в свою очередь дезинтегрирует общество, при этом, если интерес носит «положительный» для целостности социума характер, то указанное приводит к возникновению первой стадии режима законности, а именно ко второй и (или) третьей ситуациям, следовательно, применимы будут иные способы обеспечения законности (научная экспертиза законодательного регулирования, законодательная и юридическая техники), более того, указанная причина может привести к необходимости в самозащите нарушенного права (как способа обеспечения законности). Аналогично и нивелирование третьей причины.

Третья форма – соблюдение. Измерение соблюдения запретительных норм права возможно только при помощи использования метода «от противного», то есть через фиксацию ее несоблюдения. Несоблюдение запрета также, как и неисполнение обязанности, связано с волевым аспектом личности, что указывает на идентичность причин снижения числа указанной формы реализации права применительно для конкретной запретительной правовой нормы, следовательно, на целесообразность применения тех же способов обеспечения законности в зависимости от причины несоблюдения конкретного запрета.

Также следует обратить внимание на тот факт, что средства защиты неисполнения и несоблюдения законодательства, такие как правосудие, прокурорский надзор, административный контроль и реагирование, применимы не только в ходе третьей стадии режима законности, но и на протяжении иных, поскольку факты неисполнения и несоблюдения законодательства прослеживаются на всем протяжении последовательной смены трех стадий, фундирующих режим законности, будь то при составлении проекта нормативного правового акта или при принятии указанной формы внешнего выражения права, так и на стадии реализации конкретной правовой нормы в правовом порядке.

Подводя итог, отметим, что целостность общества, его функционирование во многом обеспечивается правом, существование которого в свою очередь немыслимо без законности, определяющей его эффективность. Способствовать выполнению указанной функции законности призван ряд определенных мер – способов обеспечения законности, но для выполнения возложенной на них роли необходимо их действие не *in vitro*, а на определенных стадиях режима законности, в определенной последовательности и во взаимосвязи друг с другом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Честнов И. Л. Теория государства и права : учебник. Москва : ИНФРА-М, 2020. 233 с.
2. Актуальные проблемы теории государства и права : учебное пособие / отв. ред. Р. В. Шагиева. Москва : Норма : ИНФРА-М, 2011. 576 с. ISBN: 978-5-91768-157-3.
3. Социологическая школа права в контексте современной юриспруденции : коллективная монография / под ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. Санкт-Петербург : Алетей, 2022. 334 с. ISBN 978-5-00165-529-9.

4. Честнов И. Л. Методология и методика научного исследования : учебное пособие. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2018. 114 с. EDN: YPWGXV.

5. Теория государства и права : учебник для вузов / А. Г. Бережнов, Е. А. Воротилин, А. А. Кененов [и др.] ; под ред. М. Н. Марченко. Москва : Зерцало, 2004. 800 с. ISBN: 5-8078-0102-4.

6. Тихомиров Ю. А. О правилах законодательной техники // Журнал российского права. 1999. № 11(36). С. 110–116. EDN: RWXEYJ.

7. Кашанина Т. В. Юридическая техника : учебник. Москва : Норма : ИНФРА-М, 2011. 496 с. ISBN: 978-5-91768-194-8.

8. Актуальные вопросы экспертно-правового обеспечения законодательного процесса: федеральный и региональный аспекты : материалы семинара с участием руководителей правовых служб законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации. Москва, 12 декабря 2016 г. Москва : Издание Государственной Думы, 2017. 256 с.

9. Керимов Д. А. Законодательная техника : научно-методическое и учебное пособие. Репр. изд. Москва : Норма : ИНФРА-М, 2025. 128 с. ISBN: 978-5-91768-968-5.

10. Пиголкин А. С., Головистикова А. Н., Дмитриев Ю. А. Теория государства и права : учебник для вузов / под ред. А. С. Пиголкина, Ю. А. Дмитриева. 4-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2025. 516 с. ISBN 978-5-534-01323-8.

11. Щеглов И. А. Социализация: агенты, институты, факторы // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. № 4. С. 14–17. EDN: VVUEOJ.

12. Мамина О. И., Семичева А. С. Правовая природа надзора и надзорной деятельности как способа обеспечения конституционного принципа законности //

Вестник Академии права и управления.
2019. № 2(55). С. 25–29. EDN: HQZNGO.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Шишкин Олег Евгеньевич, аспирант кафедры теории и истории государства и права, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (Российская Федерация, 191104, г. Санкт-Петербург, просп. Литейный, 44), e-mail: oleg.shishkin.2000@list.ru.

Shishkin Oleg Evgenievich, Postgraduate student of the Department of Theory and History of State and Law of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of Prosecutor's office of the Russian Federation (Russian Federation, 191104, St. Petersburg, 44 Liteyny Prospect), e-mail: oleg.shishkin.2000@list.ru.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ)
НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ)УДК 328.185
EDN [DUEVQG](#)ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОРРУПЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ**Ж. Л. Баянова**Байкальский государственный университет,
Иркутск, Российская Федерация
e-mail: ms.zbayanova@mail.ru

Аннотация. На протяжении длительного времени на международном и внутригосударственном уровне предпринимаются попытки борьбы с коррупционными проявлениями. Прошлое и настоящее России свидетельствуют о том, что коррупция носит прогрессивный характер, следовательно, существующие основы противодействия данному негативному явлению не оказывают должного действия на складывающиеся правоотношения в данной сфере.

Принятие международных актов, посвященных вопросам противодействия коррупции, стало основой для разработки и национального законодательства. В Российской Федерации приняты нормативные правовые акты в сфере противодействия коррупции как на федеральном, так и региональном уровнях.

Вместе с тем приведенные в статье статистические данные свидетельствуют о том, что количество преступлений и правонарушений в сфере коррупции ежегодно увеличивается, что, по мнению автора, связано с несовершенством правовой базы, оказывающей влияние на эффективность механизмов противодействия коррупции.

Ключевые слова: коррупция, противодействие коррупции, конфликт интересов, комиссия по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов, государственная информационная система «Посейдон», контроль за имущественным положением.

Для цитирования: Баянова Ж. Л. Противодействие коррупции в Российской Федерации: отдельные проблемы современного законодательного регулирования // Искусство правоведения. 2026. № 3. С. 30–40.

COMBATING CORRUPTION IN THE RUSSIAN FEDERATION:
CERTAIN ISSUES IN MODERN LEGISLATIVE REGULATION**Z. L. Bayanova**Baikal State University,
Irkutsk, Russian Federation
e-mail: ms.zbayanova@mail.ru

Annotation. For a long time, attempts have been made at the international and domestic levels to combat corruption. Russia's past and present indicate that corruption is progressive in nature, therefore, the existing foundations for countering this negative phenomenon do not have a proper effect on the emerging legal relations in this area.

The adoption of international acts on anti-corruption issues has become the basis for the development of national legislation. The Russian Federation has adopted a number of regulatory legal acts in the field of combating corruption at both the federal and regional levels.

At the same time, the statistical data provided in the article indicate that the number of crimes and offenses in the field of corruption is increasing annually, which, according to the author, is due to imperfections in the legal framework that affect the effectiveness of anti-corruption mechanisms.

Key words: corruption, anti-corruption, conflict of interest, Commission for Compliance with the Requirements for Official Conduct and Conflict of Interest Resolution, Poseidon State Information System, property control.

For citation: Bayanova Z. L. Combating Corruption in the Russian Federation: Certain Issues in Modern Legislative Regulation // The Art of Law. 2026. № 3. С. 30–40.

В соответствии с Федеральным законом от 08.03.2006 г. № 40-ФЗ «О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции» Российская Федерация взяла на себя обязательства по сотрудничеству и обеспечению неотвратимости ответственности в сфере совершения преступлений коррупционной направленности.

Страны-участники Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции (далее – ООН, Конвенция ООН) согласились с тем, что «содействие принятию и укреплению мер, направленных на более эффективное и действенное предупреждение коррупции и борьбу с ней» является целью настоящей Конвенции¹.

Согласно п. 1 ст. 5 Конвенции каждое Государство-участник разрабатывает и осуществляет или проводит эффективную и скоординированную политику противодействия коррупции. В силу п. 3 ст. 5 Конвенции государство-участник должно стремиться периодически проводить оценку соответствующих правовых документов и административных мер с целью определения их адекватности с точки зрения предупреждения коррупции и борьбы с ней.

¹ Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции : принята резолюцией 58/4 Генеральной Ассамблеи от 31 октября 2003 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml (дата обращения: 30.05.2026).

Во исполнение данных пунктов и в связи с закономерной имплементацией в российское законодательство принятых на международном уровне положений, в том числе Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию от 27.01.1999², ратифицированной Федеральным законом «О ратификации Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию» от 25.07.2006 № 125-ФЗ, в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 03.02.2007 № 129 образована Межведомственная рабочая группа по подготовке предложений по реализации в законодательстве Российской Федерации положений вышеуказанных конвенций.

Межведомственной рабочей группой разработана концепция стратегических направлений развития законодательства Российской Федерации, реализация которой связана с принятием Федерального закона «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 № 273-ФЗ (далее – Федеральный закон о противодействии коррупции).

Как отмечается в литературе, формирование российского антикоррупционного законодательства началось задолго до признания противодействия коррупции приоритетным направлением деятельности

² Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию : заключена в г. Страсбурге 27 января 1999 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». Действие Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию для России прекращено с 1 июля 2023 г.

органов публичной власти на международном уровне и появления вышеуказанного закона в российской правовой системе [1, с. 20].

Вместе с тем во многом разработка современного антикоррупционного законодательства в Российской Федерации связана с участием России в международных договорах [2, с. 173].

Как пишет Ю. В. Скворцова, усилия государства, «направленные на борьбу с коррупцией, несмотря на их позитивный характер», не были системными и не получили полноценного развития в текущей политике государства до того, как не наступил момент реализации положений международных документов [3, с. 164].

В последующем принят Федеральный закон от 17.07.2009 № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов».

Указом Президента Российской Федерации от 13.04.2010 № 460 утверждена Национальная стратегия противодействия коррупции (далее – Национальная стратегия). Согласно п. 5 Национальной стратегии целью противодействия коррупции является «искоренение причин и условий, порождающих коррупцию в российском обществе». Также в соответствии с положениями Национальной стратегии одним из принципов противодействия коррупции является признание коррупции одной из системных угроз безопасности Российской Федерации¹.

Реализация антикоррупционной политики напрямую зависит от развития отраслевых антикоррупционных институтов, формирующих правовые рамки для конкретных отношений. Так, антикоррупционные нормы нашли свое отражение в уголовно-правовом (Уголовный кодекс Российской Федерации

от 13.06.1996 № 63-ФЗ (далее – УК РФ)) и административном регулировании (Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (далее – КоАП РФ)), а также в сфере государственной, муниципальной службы (Федеральный закон «О системе государственной службы Российской Федерации» от 27.05.2003 № 58-ФЗ; Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27.07.2004 № 79-ФЗ; Федеральный закон «О муниципальной службе в Российской Федерации» от 02.03.2007 № 25-ФЗ).

Кроме того, в соответствии с п. «н» ст. 72 Конституции Российской Федерации установление общих принципов организации системы органов государственной власти и местного самоуправления находится в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации². В этой связи в субъектах активно разрабатываются и принимаются антикоррупционные законы, так, в Иркутской области действует закон от 13.10.2010 № 92-ОЗ «О противодействии коррупции в Иркутской области»³.

Как следует из положений Федерального закона № 273-ФЗ, правовую основу противодействия данному явлению составляет, прежде всего, Конституция Российской Федерации.

Интеграция в имеющуюся правовую систему в 2020 году поправок к Конституции Российской Федерации является предпосылкой для формирования новых подходов к реализации механизмов борьбы с коррупцией. Конституционные

¹ Национальная стратегия противодействия коррупции : утверждена Указом Президента РФ от 13 апреля 2010 г. № 460. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/565> (дата обращения: 30.05.2026).

² Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. : с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. №6-ФКЗ, от 30.12.2008 №7-ФКЗ, от 05.02.2014 №2-ФКЗ, от 01.07.2020 №11-ФКЗ // Собрание законодательства РФ, 01.07.2020, №31, ст. 4398.

³ О противодействии коррупции в Иркутской области : Закон Иркутской области от 13 октября 2010 г. № 92-ОЗ. URL: <https://docs.cntd.ru/document/424069209> (дата обращения: 02.06.2026).

основы противодействия коррупции усилены, в частности, Законом РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». Внесены изменения в ст. ст. 77, 78, 81, 95, 97, 110, 119, 129 Конституции Российской Федерации, которыми ужесточены требования к лицам, замещающим государственные должности: Президенту, председателю Правительства, депутатам Государственной Думы, к высшим должностным лицам субъектов, министрам, сенаторам, судьям, прокурорам.

Более того, в 2025 году в связи с принятием Федерального закона от 28.12.2025 № 505-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» произошло реформирование антикоррупционного законодательства. В силу нововведений отслеживание движения денежных средств и имущества лиц, занимающих государственные должности, реализуется посредством использования введенной в 2022 году государственной информационной системы «Посейдон» (далее – ГИС «Посейдон»).

Следует заключить, что в Российской Федерации имеется достаточно развитая правовая основа противодействия коррупции, представляющая собой совокупность нормативных правовых актов, составляющих систему антикоррупционного законодательства, которая периодически обновляется.

При этом как показывает статистика, наблюдается устойчивая негативная динамика роста коррупционных преступлений (правонарушений), что представляет собой одну из серьезных угроз стабильности государственного управления в Российской Федерации.

В начале текущего года Президент Российской Федерации на расширенном заседании коллегии Генеральной

прокуратуры отметил, что количество преступлений коррупционной направленности в 2025 году по сравнению с предыдущим годом увеличилось на 12,3%¹.

Генеральный прокурор Российской Федерации А. В. Гуцан в своем интервью ко Дню борьбы с коррупцией информационному агентству ТАСС резюмировал, что количество преступлений коррупционной направленности на протяжении последних пяти лет в среднем составляет около 35 тысяч преступлений в год. По состоянию на декабрь 2025 года зарегистрировано уже свыше 36 тысяч преступлений².

Коррупционная составляющая в соответствии с имеющейся статистикой высока и в частном секторе, и в органах публичной власти.

Публикуемые следственными органами сведения, содержащиеся в материалах расследования уголовных дел, а также результаты проводимых органами прокуратуры проверок свидетельствуют о том, что должностные лица пренебрегают соблюдением ограничений и запретов и исполнением обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции.

К примеру, прокуратурами Нукотского района Иркутской области и Кировского района г. Иркутска в текущем году установлены факты незаконного привлечения к трудовой деятельности бывших муниципальных и государственных гражданских служащих, что явилось основанием для привлечения к

¹ Путин: число коррупционных преступлений в 2025 году увеличилось на 12,3%. URL: <https://www.vesti.ru/ns/putin-chislo-korrupcionnykh-prestuplenij-v-2025-godu-uvlechilos-na-123> (дата обращения: 29.05.2026).

² Генпрокурор РФ Александр Гуцан: у коррупционеров нет чести и совести. URL: <https://tass.ru/interviews/25846343> (дата обращения 29.05.2026).

административной ответственности, предусмотренной ст. 19.29 КоАП РФ¹.

Прокуратурой Иркутской области установлено, что представитель строительной фирмы передал сотруднику службы государственного жилищного и строительного надзора Иркутской области взятку, в результате возбуждено уголовное дело по ч. 3 ст. 290 УК РФ и дело об административном правонарушении, предусмотренном ч. 1 ст. 19.28 КоАП РФ².

Также в январе 2026 года удовлетворен иск Тулунского межрайонного прокурора о досрочном прекращении полномочий главы муниципального образования. Так, по результатам проверки выявлено, что в нарушение требований антикоррупционного законодательства глава муниципального образования не сообщил о возникшем конфликте интересов и не принял своевременных мер к его урегулированию. Кроме того, в связи с имеющимся конфликтом мэром подписана документация, на основании которой два его близких родственника получили денежные выплаты за счет бюджетных средств³.

Коррупция признана глобальной проблемой современного мира, и борьба с ней является целью как на

международном, так и на национальном уровнях. Коррупция вызвана комплексом причин, к которым в России относятся, в том числе, и некоторые социокультурные установки [4 ; 5].

Как указывает В. Ф. Саетгараев, терпимость граждан к различным коррупционным проявлениям свидетельствует о низкой правовой культуре в обществе, что нередко способствует распространению коррупции [6, с. 292].

Полагаем, что совершенствование правовых инструментов противодействия коррупционным проявлениям является основой для результативной борьбы с коррупцией в России.

Одним из факторов, который в значительной мере способствует распространению коррупции, является конфликт интересов. Как отмечается в литературе, большинство государственных служащих могут оказаться в ситуации конфликта интересов [7, с. 70].

С одной стороны, требования к служебному поведению в контексте преодоления конфликта интересов предусмотрены действующим законодательством (ст. 18 Федерального закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», ст. 14.2 Федерального закона от 02.03.2007 № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации»). Указанные нормы предусматривают, что государственный служащий обязан «не совершать действия, связанные с влиянием каких-либо личных, имущественных (финансовых) и иных интересов, препятствующих добросовестному исполнению должностных обязанностей».

Кроме того, понятие конфликта интересов закреплено в ст. 10 Федерального закона о противодействия коррупции. Так, под ним подразумевается «ситуация, при которой личная заинтересованность (прямая или косвенная) лица, замещающего должность, замещение которой предусматривает обязанность принимать меры по

¹ По инициативе прокурора Нукутского района должностное лицо оштрафовано за нарушение в сфере противодействия коррупции. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_38/mass-media/news/regional/e8525448/ ; По материалам прокуратуры коммерческая организация оштрафована за нарушения в сфере противодействия коррупции. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_38/mass-media/news/regional/e8517738/ (дата обращения: 30.05.2026).

² По постановлению прокуратуры Иркутской области организация-застройщик оштрафована на 1 млн рублей за коррупционное правонарушение. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_38/mass-media/news/regional/e8461080/ (дата обращения: 30.05.2026).

³ Удовлетворен иск Тулунской межрайонной прокуратуры о досрочном прекращении полномочий главы муниципального образования. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_38/mass-media/news/regional/e8363139/ (дата обращения: 30.05.2026).

предотвращению и урегулированию конфликта интересов, влияет или может повлиять на надлежащее, объективное и беспристрастное исполнение им должностных (служебных) обязанностей (осуществление полномочий)». Данная конструкция имеет лингвистические дефекты, которые выливаются в разногласия в практике ее применения, связанные с нарушением принципов единообразного определения [8, с. 56].

В соответствии с ч. 1 ст. 11 Федерального закона о противодействии коррупции лицо, замещающее должность, замещение которой подразумевает принятие мер по предотвращению и урегулированию конфликта интересов, обязано принимать меры по недопущению любой возможности возникновения конфликта интересов. Кроме того, в соответствии с ч. 2 ст. 11 указанного нормативного акта такое лицо обязано уведомить работодателя, иное уполномоченное лицо о возникшем конфликте или возможности его возникновения, как только ему станет об этом известно.

Исчерпывающий перечень ситуаций, свидетельствующих о возможном возникновении конфликта интересов лица, замещающего должность государственной или муниципальной службы, в нормативных актах не предусмотрен.

Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации разработаны методические рекомендации по вопросам привлечения к ответственности должностных лиц за непринятие мер по предотвращению и (или) урегулированию конфликта интересов (Письмо Минтруда России от 26.07.2018 № 18-0/10/П-5146, далее – Методические рекомендации)¹.

¹ О методических рекомендациях по вопросам привлечения к ответственности должностных лиц за непринятие мер по предотвращению и (или) урегулированию конфликта интересов : письмо Минтруда России от 26 июля 2018 г. № 18-0/10/П-5146. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

В соответствии с положениями данных рекомендаций для установления конфликта интересов необходимо одновременное наличие следующих обстоятельств, во-первых, личной заинтересованности: получение дохода или выгоды родственниками, собственниками, гражданами или организациями, с которыми должностное лицо (его родственники или собственники) связаны имущественными, корпоративными или иными близкими отношениями; во-вторых, фактическое наличие у должностного лица полномочий для реализации личной заинтересованности (п. 4.1 Методических рекомендаций).

При этом под доходом подразумеваются денежные средства, иное имущество (вещи, ценные бумаги), услуги имущественного характера, результаты выполненных работ, имущественные и иные выгоды (например, получение преимуществ, обусловленных побуждениями, такими как карьеризм, семейственность, желание получить взаимную услугу, заручиться поддержкой в решении какого-либо вопроса и т. п.), а также ускорение сроков оказания услуг, продвижение по должности, содействие в получении поощрений и наград.

В действительности ситуации, в которых частный (как имущественный, так и неимущественный) интерес идет вразрез со служебными полномочиями, достаточно распространены, что подтверждается сложившейся судебной практикой.

Так, прокурором Нуримановского района Республики Башкортостан в 2020 году в действиях главы муниципального образования выявлены нарушения законодательства о противодействии коррупции.

Глава сельского поселения неоднократно допускал факты возникновения конфликта интересов, связанные с тем, что между администрацией и унитарным предприятием жилищно-коммунального хозяйства, директором которого являлся его родной брат, заключались

муниципальные контракты. При этом, как установлено прокурором, меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов главой администрации не принимались, соответствующие уведомления направлены не были, что должно было повлечь за собой освобождение от должности в связи с утратой доверия.

В связи с вышеизложенным, прокурором внесено представление с требованием об отставке, однако местные депутаты лишь привлекли главу администрации к дисциплинарной ответственности в виде замечания. В этой связи прокурор обратился в суд с соответствующим административным исковым заявлением.

Решением Иглинского районного суда Республики Башкортостан требования прокурора удовлетворены, полномочия главы сельского поселения досрочно прекращены в связи с утратой доверия за непринятие мер по урегулированию конфликта интересов, установленные Федеральным законом о противодействии коррупции¹.

Также Всеволожским городским судом Ленинградской области рассмотрено административное дело по заявлению прокурора. Установлено, что лицо, находясь в должности заместителя главы администрации, а также исполняя обязанности главы администрации, не сообщило о наличии конфликта интересов, возникшего между ним и его супругой в момент осуществления полномочий, ввиду возникновения взаимоподчинённого положения между ними. Указанная ситуация подразумевала возможность выделения администрацией дополнительных средств в подведомственное образовательное учреждение, в котором работает супруга, а также принятия решения о премировании его работников.

¹ Решение Иглинского районного суда Республики Башкортостан от 19 января 2023 г. по делу № 2а-49/2023. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

Комиссией по соблюдению требований к служебному поведению муниципальных служащих и урегулированию конфликта интересов администрации Всеволожского муниципального района Ленинградской области наличие конфликта интересов не усмотрено, вместе с тем судом решение комиссии отменено и признано незаконным².

Первоначальным звеном в системе противодействия коррупции, возникающей в связи с наличием конфликта интересов на государственной (муниципальной) службе, являются комиссии по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов, их деятельность, прежде всего, регламентируется положением, утвержденным Указом Президента Российской Федерации от 01.07.2010 № 821³.

На основании данного положения, а также федерального законодательства о противодействии коррупции государственными и муниципальными органами разрабатываются внутренние нормативные акты о данных коллегиальных органах⁴.

² Решение Всеволожского городского суда Ленинградской области от 08.09.2025 по делу № 2А-15809/2024. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ О комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов : указ Президента РФ от 01 июля 2010 г. № 821. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ О комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и иных работников органов и организаций прокуратуры Российской Федерации и урегулированию конфликта интересов: приказ Генеральной прокуратуры РФ от 02.08.2022 № 420 ; Положение о комиссии по соблюдению требований к служебному поведению муниципальных служащих администрации города Иркутска и урегулированию конфликта интересов в администрации города Иркутска : приложение № 1 к постановлению администрации города Иркутска от 22 декабря 2016 г. № 031-06-1137/6 Доступ к документам из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

Вышеуказанным комиссиям в органах публичной власти отведена главная роль по предотвращению ситуаций, влекущих негативные последствия в связи с наличием у служащих какой-либо личной заинтересованности при осуществлении тех или иных полномочий. Вместе с тем, как показывает сложившаяся практика, несмотря на явные признаки наличия конфликта интересов, соответствующие комиссии не предпринимают предусмотренных мер, связанных с переводом на иную должность, изменением должностных полномочий или применением мер ответственности, что влечет судебные разбирательства, итогом которых становится действительное установление таких конфликтов.

Каждая из возникших ситуаций конфликта интересов уникальна. При этом обширная судебная практика свидетельствует о том, что комиссии по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов недостаточно эффективны. Следует отметить, что необходимо избегать формальных подходов в деятельности комиссий, что, очевидно, требует пересмотра законодательно закрепленных подходов к ее урегулированию.

Рассмотрим опыт зарубежных стран в сфере преодоления конфликта интересов. Например, особое внимание этой проблеме уделяется в Китайской Народной Республике. В отличие от российской правовой системы, где комиссии по урегулированию конфликта интересов являются внутриведомственными органами, для КНР характерна более централизованная система контроля за деятельностью такого рода комиссий.

В соответствии со ст. 7 Закона о надзоре Китайской Народной Республики (Supervision Law of the People's Republic of China) (далее – Закон о надзоре КНР) на территории государства в целях усиления реформы системы государственного надзора, усиления надзора за всеми государственными служащими,

осуществляющими государственную власть, достижения полного охвата государственного надзора, активизации борьбы с коррупцией, модернизации системы управления и потенциала государства действует национальная комиссия, являющаяся высшим надзорным органом.

Провинции, автономные регионы, муниципалитеты, находящиеся в непосредственном подчинении центрального правительства, автономные префектуры, округа, автономные округа, города и муниципальные округа создают наблюдательные комиссии. Местные наблюдательные комиссии всех уровней создаются народными съездами соответствующих уровней и несут ответственность за надзорную работу в соответствующих административных районах. Национальная комиссия по надзору руководит работой местных наблюдательных комиссий всех уровней (ст. 8-10 Закона о надзоре КНР)¹.

Как следует из указанных положений, в Китае налажена система контроля над деятельностью комиссий, осуществляющих контроль над соблюдением законов госслужащими, в части законного выполнения обязанностей, беспристрастного использования власти, добросовестности на службе, а также соблюдения этики и кодекса поведения. Таким образом, в Республике выстроена система надзора с вертикалью подчинения, которая входит в структуру государственного надзора.

В России подобная система отсутствует, комиссии по урегулированию конфликта интересов в органах публичной власти имеют автономный статус. Председателем комиссии по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов в соответствии с положением, утвержденным Указом Президента Российской Федерации от 01.07.2010 № 821, является заместитель руководителя

¹ Supervision Law of the People's Republic of China. URL: http://en.npc.gov.cn.cdurl.cn/2018-03/20/c_1020382.htm (дата обращения: 05.06.2026).

государственного органа, в котором служит лицо, в действиях которого усматривается наличие личной заинтересованности при исполнении им должностных обязанностей. В Китае же председателем местного наблюдательного совета (комиссии первого уровня) является лицо, избираемое народным съездом, что, как следует полагать, влияет на независимость и беспристрастность принимаемых решений.

В России существует внешний контроль над деятельностью комиссий по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов, осуществляемый вышестоящими органами и прокуратурой. Однако проверка решений комиссий постфактум не позволяет предотвратить совершение коррупционных правонарушений, а дает возможность лишь оценить деятельность комиссии после того, как коррупционное проявление уже имеет место быть.

В этой связи считаем, что именно выстраивание работы анализируемых комиссий, в состав которых должны входить независимые лица, и регулярный контроль над их деятельностью со стороны специализированного органа позволит нивелировать количество ситуаций, где личная заинтересованность служащего органа публичной власти может повлечь или повлекла коррупционный проступок, используя для этого опыт Китая. Имеющийся конфликт, полагаем, следует разрешать сразу, а не тогда, когда уже имеются последствия. В настоящее время, об имеющихся конфликтах в основном становится известно тогда, когда уже произошло вмешательство прокуратуры или правоохранительных органов, что говорит о неэффективной работе ведомственных коллегиальных органов, на которые, прежде всего, возложена обязанность по предотвращению коррупции, возникающей в связи с личной заинтересованностью.

Как справедливо отмечается в литературе, недостаточно просто создать

внутри каждого органа комиссии по урегулированию конфликта интересов, важно сформировать отлаженный «механизм его преодоления и механизм контроля за соблюдением требований», предъявляемых к служебному поведению служащих в системе органов публичной власти. Необходима выработка слаженного механизма функционирования, позволяющего эффективно справляться с поставленными задачами, а для этого требуется тщательная подготовка качественного правового регулирования деятельности комиссий, как динамичной системы органов, функционирование которых направлено на преодоление конфликтов интересов, а равно создание прозрачной системы государственной и муниципальной службы [1, с. 85].

Процедура совершенствования законодательства в данном направлении требует не только теоретического моделирования, но и осуществления мониторинга правоприменения, анализа отечественного законодательства и законодательства зарубежных стран, обсуждения этой проблемы в юридическом и научном сообществах.

Актуальным вопросом в рамках анализируемой темы является также изменение подходов к мониторингу имущественного положения представителей власти в связи с принятием Федерального закона от 28.12.2025 № 505-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Так, с 01.01.2026 внесенные изменения освободили государственных и муниципальных служащих от обязанности ежегодно предоставлять декларации о доходах, за рядом исключений, связанных с поступлением на службу, включением в кадровый резерв, переводом в иной государственный орган, а также в связи с заключением сделок, превышающих общий доход конкретной семьи за три предшествующих года.

С одной стороны, данные нововведения упрощают жизнь служащих, с другой стороны, с учетом имеющейся статистики, наоборот, уменьшают

прозрачность системы контроля за движением денежных средств лиц, занимающих публичные должности.

Финансовые операции, не подпадающие под установленный предел, остаются за пределами учета, к примеру, сведения о доходах, включающих доходы по основному месту работы, от вкладов в банках и иных кредитных организациях, иные доходы (от продажи имущества, приобретенные в результате дарения, наследования и проч.), что снижает уровень дисциплины, делает их «юридически невидимыми», а равно повышает риски злоупотреблений.

Переход к ГИС «Посейдон» провозглашает внедрение инноваций в сферу противодействия коррупции, непрерывность и автоматизированность контроля. При этом стоит отметить, что информации об эффективности ее функционирования на современном этапе недостаточно. В настоящее время данная система не до конца апробирована, круг ее пользователей ограничен, нормативная основа находится в стадии разработки.

На сегодняшний день имеется положение о государственной информационной системе в области противодействия коррупции «Посейдон» (далее – Положение о ГИС «Посейдон»), утвержденное указом Президента РФ от 25.04.2022 № 232 «О государственной информационной системе в области противодействия коррупции «Посейдон» и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации, а также изданы приказы отдельных органов исполнительной власти, например, приказ Минтруда России от 10.03.2023 № 133 «Об определении порядка использования государственной информационной системы в области противодействия коррупции «Посейдон» и перечня должностных лиц, уполномоченных на

работу с ней», приказ Роспатента от 07.11.2025 № 121 со схожим названием¹.

Положение о ГИС «Посейдон» не содержит сведений о параметрах, по которым проводятся проверки, алгоритмах проверок, их результаты в настоящее время нигде не публикуются и не освещаются, что говорит о закрытости системы для институтов общественного контроля, которые играют немаловажную роль в формировании доверия к властным структурам со стороны граждан.

При этом ГИС «Посейдон» на текущий момент отводится главная роль в сфере предупреждения коррупции в связи с отказом от системы декларирования доходов и расходов, что, полагаем, является преждевременным. Отсутствие выстроенной законодательной основы, устоявшихся подходов к организации контроля над движением денежных средств, открытости работы новой системы может повлечь за собой еще больший рост коррупционных проявлений в стране.

С одной стороны, в Российской Федерации сложилось достаточно обширное правовое регулирование, посвященное вопросам противодействия коррупции, с другой стороны, при детальном изучении его конкретных аспектов выявляются несовершенства, некоторые из которых приведены в настоящем исследовании.

Данные вопросы влияют на общее состояние законности в сфере противодействия коррупции, слаженную работу государственных органов по противодействию коррупционным проявлениям.

Противодействие коррупции, ее недопущение возложено на органы власти федерального и регионального уровней, органы местного самоуправления, которые в лице служащих в них должностных лиц,

¹ Об утверждении порядка использования государственной информационной системы в области противодействия коррупции «Посейдон» и должностных лиц, уполномоченных на работу с ней : приказ Роспатента от 07 ноября 2025 г. № 121. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

к сожалению, нередко сами становятся субъектами коррупционных правонарушений в силу различных экономических, социальных, духовно-нравственных, а также правовых аспектов, заключающихся в недостаточной проработке имеющегося нормативного регулирования.

Актуальным остается вопрос совершенствования отечественного законодательства в сфере противодействия коррупции. Существующая на сегодняшний день ситуация свидетельствует о насущной необходимости разработки комплексных прогрессивных методов для искоренения причин и условий, порождающих коррупцию в российском обществе в целях исполнения задач Национальной стратегии противодействия коррупции с учетом ее динамики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Власенко Н. А. Правовые основы противодействия коррупции : научно-практическое пособие. Москва : ИНФРА-М, 2025. 342 с. ISBN 978-5-16-014640-9.

2. Руцкая М. В., Курочкина В. Р. Конституция Российской Федерации как правовая основа противодействия коррупции // Права человека: история, теория, практика : шестая Всероссийская научно-практическая конференция : сборник научных статей. Курск : Университетская книга, 2017. С. 171–176. EDN YOLZWR.

3. Скворцова Ю. В. Международные нормы о противодействии коррупции в системе

российского права // Ленинградский юридический журнал. 2017. № 1(47). С. 162–170. EDN ZCRPNH.

4. Бубнов Ю. М. Коррупция как социальная болезнь // Социологический альманах. 2011. № 2. С. 138–149. EDN QASGBD.

5. Шедий М. В. Причинные факторы, влияющие на развитие коррупционной преступности в современной России // Среднерусский вестник общественных наук. 2010. № 1(14). С. 125–131. EDN MSOVIV.

6. Саетгараев В. Ф. Формирование нетерпимого отношения к коррупции и повышение правовой культуры граждан как ключевое направление противодействия коррупции // Правоохранительные органы в системе противодействия коррупционной преступности : материалы межведомственной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 06.12.2024. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2024. С. 291–295. EDN CWRGON.

7. Головкин Б. Н., Белецкий А. В. Конфликт интересов как фактор коррупции // Norwegian Journal of Development of the International Science. 2018. № 18-2. С. 68–71. EDN YXECXJ.

8. Иванова Е. Л. Конфликт интересов в органах прокуратуры: особенности развития правоприменительной практики // Искусство правоведения. 2026. № 2. С. 55–62.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Баянова Жанна Леонидовна, аспирант кафедры конституционного и административного права Байкальского государственного университета (Российская Федерация, 664025, г. Иркутск, ул. Ленина, 11), ORCID: 0000-0002-3649-4693, PIIИЦ Author ID: 1140567, e-mail: ms.zbayanova@mail.ru.

Bayanova Zhanna Leonidovna, Postgraduate Student of the Department of Constitutional and Administrative Law at Baikal State University (Russian Federation, 664025, Irkutsk, 11 Lenin Street), ORCID: 0000-0002-3649-4693, RSCI Author ID: 1140567, e-mail: ms.zbayanova@mail.ru.

**МЕТОДОЛОГИЯ СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРАТУР ГОСУДАРСТВ БРИКС
В СФЕРЕ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА**

Е. О. Василевская

Университет прокуратуры Российской Федерации,
Москва, Российская Федерация
e-mail: ovchinnikova_eo@mail.ru

Аннотация. Актуальность сравнительно-правового исследования деятельности прокуратур государств БРИКС в сфере международного сотрудничества обусловлена рядом взаимосвязанных обстоятельств. Межгосударственное объединение БРИКС, расширившееся в последние годы и включающее теперь не только Бразилию, Россию, Индию, Китай и ЮАР, но и Иран, Египет, Эфиопию, ОАЭ, а также Индонезию, превращается в один из ключевых центров формирования многополярного правопорядка, что требует выработки новых механизмов межгосударственного взаимодействия, в том числе по линии судебных, надзорных и правоохранительных органов. Прокуратуры государств – членов рассматриваемого объединения обладают существенными различиями в своем конституционно-правовом статусе, функциональной нагрузке и месте в системе публичной власти, что создает объективные сложности при организации совместной работы по направлениям экстрадиции, взаимной правовой помощи, борьбы с транснациональной преступностью и защиты прав граждан за рубежом. Кроме того, отсутствие единого методологического подхода к сопоставительному анализу прокурорских систем указанных стран препятствует выработке унифицированных рекомендаций по гармонизации их сотрудничества.

Цель настоящей статьи состоит в обосновании применимости контекстуального сравнительно-правового метода для изучения функциональных направлений деятельности прокуратур государств БРИКС, прежде всего – организации международного сотрудничества как одной из ключевых публично-властных функциональных направлений деятельности. В качестве методологической основы избран синкретичный подход, интегрирующий элементы догматического, функционального, культурологического и контекстуального сравнения.

Ключевые слова: прокуратура, международное сотрудничество, БРИКС, сравнительно-правовое исследование, контекстуальный подход, публичная власть, правовая система.

Для цитирования: Василевская Е. О. Методология сравнительно-правового исследования деятельности прокуратур государств БРИКС в сфере международного сотрудничества // Искусство правоведения. 2026. № 3. С. 41–52.

METHODOLOGY OF A COMPARATIVE LEGAL STUDY OF THE BRICS PROSECUTORS' OFFICES ACTIVITIES IN THE FIELD OF INTERNATIONAL COOPERATION

E. O. Vasilevskaya

University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation
e-mail: ovchinnikova_eo@mail.ru

Annotation. The relevance of comparative legal study of the activities of the BRICS Prosecutor's Offices in the field of international cooperation is due to a number of interrelated circumstances. The BRICS Interstate Association, which has expanded in recent years to include not only Brazil, Russia, India, China, and South Africa, but also Iran, Egypt, Ethiopia, the United Arab Emirates, and Indonesia, is becoming one of the key centers for the formation of a multipolar legal order, which requires the development of new mechanisms for interstate cooperation, including through judicial, supervisory and law enforcement authorities. The Prosecutor's Offices of the Member States of the Association in question have significant differences in their constitutional and legal status, functional load and place in the system of public authority, which creates objective difficulties in organizing joint work in the areas of extradition, mutual legal assistance, combating transnational crime and protecting the rights of citizens abroad. In addition, the lack of a unified methodological approach to the comparative analysis of the prosecutorial systems of these countries prevents the development of unified recommendations on the harmonization of their cooperation.

The purpose of this article is to substantiate the applicability of the contextual comparative legal method to study the functional areas of the BRICS Prosecutor's Offices, primarily the organization of international cooperation as one of the key public authorities' functional areas of activity. A syncretic approach has been chosen as the methodological basis, integrating elements of dogmatic, functional, cultural, and contextual comparison.

Key words: prosecutor's office, international cooperation, BRICS, comparative legal study, contextual approach, public authority, legal system.

For citation: Vasilevskaya E. O. Methodology of a Comparative Legal Study of the BRICS Prosecutors' Offices Activities in the Field of International Cooperation // The Art of Law. 2026. № 3. С. 41–52.

Сравнение элементов любых категорий есть методологически обязательный признак познания и мышления как таковых, без которого ни то, ни другое существовать не может [1, с. 28]. Более того, сравнительное правоведение обладает высоким статусом не только научного познания, но также политической материи и инструмента идеологической борьбы [2, с. 142]. В полной мере указанные положения относятся и к исследованию деятельности прокуратур государств БРИКС, где сравнительно-правовой анализ позволяет не только выявить институциональные сходства и различия, но и понять глубинные причины, обуславливающие

специфику организации международного сотрудничества по линии прокурорских служб.

К сравнению правовых конструкций разных стран как методологическому инструменту в своих трудах прибегали виднейшие ученые периода Просвещения, такие как Ф. Бэкон, Г. В. Лейбниц и Ш.-Л. Монтескье [3, с. 44], что впоследствии позволило немецкому правоведу-компаративисту и криминологу П.И.А. Риттер фон Фейербаху вывести цели, принципы и средства развития доктрины сравнительного правоведения (нем. *vergleichende Jurisprudenz*) [4]. Как отмечал один из наиболее

авторитетных представителей советско-русской компаративистики В. И. Лафитский, сравнительное правоведение имеет столь же давнюю историю, как художественная литература, историческая и философская наука [2, с. 142]. В XIX–XX вв. теоретические изыскания Р. Давида, К. Цвайгерта [5], Х. Кетца [6], Э. Рабеля [7], Ж. Праделя [8], А. Х. Саидова [9], В. И. Лафитского [10], В. П. Казимирчука [11] и других послужили базисом для формирования школ сравнительного правоведения, развиваемые современными компаративистами (У. Кишель [12], Л. В. Головкин [13], Д. Ю. Полдников [14] и т. д.). В настоящее время сравнительно-правовая компонента присутствует в большинстве монографических, учебных и диссертационных работах по юриспруденции, в том числе применительно к изучению деятельности органов прокуратуры стран мира¹.

Между тем волатильность теоретических изысканий относительно места сравнительного правоведения в системе юридических наук может быть наглядно продемонстрирована и на примере отсутствия единого мнения о перечне подходов к сравнению правовых явлений. Однако их многообразие, а также некоторая противоречивость, «никоим образом не должны вызывать чувство неполноценности» [12, с. 25], но лишь стремление упорядочить их систему для лучшего применения в практической деятельности – в том числе для целей анализа международного сотрудничества прокуратур. Именно многообразие методологических подходов позволяет исследователю выбрать наиболее адекватный инструментарий для изучения столь сложного и многогранного явления, каким является деятельность прокурорских ведомств в разных правовых системах.

По мнению российского правоведа В. Ю. Войтовича, «настоятельная

необходимость» всестороннего осмысления всех тех «качественных и количественных изменений в правовой карте мира, которые произошли в XX – начале XXI вв.», убедительно обосновала положение о сравнительном правоведении как о самостоятельном научном направлении правовых исследований. Данное обстоятельство позволило значительно расширить и реструктурировать присущие ему предмет и спектр задач, которые выражаются в настоящее время в исследовании «основных правовых систем современности как самостоятельных комплексов, рассматриваемых применительно к одному и тому же вопросу (например, история, источники, правоприменительная практика, основные понятия и структура)» [15, с. 20]. Для целей настоящего исследования таким «одним и тем же вопросом» выступает функциональное направление международного сотрудничества прокуратур, рассматриваемое сквозь призму национальных правовых систем государств БРИКС, их исторических традиций, источников права и сложившихся моделей взаимодействия с иными органами публичной власти. И для достижения данной задачи юристы прибегают к инструментарию догматического (подразумевающего формально-юридический метод толкования правовых явлений), функционального (акцент на социолого-экономическом анализе правовых положений), культурологического (формы позитивного права исследуются в контексте культурных ценностей, массового и индивидуального мировоззрений) и контекстуального сравнения (комбинированный подход к изучению норм права) [15, С. 24–25]. Применительно к прокуратурам стран БРИКС догматический подход позволяет проанализировать нормативное закрепление их компетенции в сфере международного сотрудничества, функциональный – оценить реальную эффективность этой деятельности в

¹ См., напр.: Прокуратуры стран мира : справочник / В. Н. Додонов ; под общ. ред. П. А. Смирнова. 2025. URL: <https://agprf.org/mir> (дата обращения: 16.07.2026).

различных социально-экономических условиях, культурологический – выявить влияние национальных правовых культур на формы и методы взаимодействия, а контекстуальный – интегрировать все эти аспекты в единую исследовательскую картину.

Соответственно, учитывая многообразие подходов к сравнению правовых явлений, наличие у них как достоинств, так и явных недостатков [12], препятствующих признанию этих подходов в качестве универсальных для сравнительно-правового исследования любого типа, наиболее приемлемой видится методология синкретизма, а именно применение любых доступных методов исходя из конкретной научно-практической задачи. Таким образом, при исследовании международного сотрудничества прокуратур государств БРИКС не следует ограничиваться формальным сопоставлением нормативных актов, регулирующих прокурорскую деятельность. Необходимо учитывать также исторические условия формирования прокурорских систем, их место в механизме разделения властей, особенности восприятия прокурорской функции в национальном правосознании и, что особенно важно, конкретные практики взаимодействия на международной арене. Применяется обозначенная методология в рамках контекстуального подхода, который представляется наиболее адекватным для изучения деятельности прокуратур в странах, столь различных по своему культурно-историческому наследию, как члены межгосударственного объединения БРИКС, к которым по состоянию на 2026 г. относятся *Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР, Иран, Египет, Эфиопия, ОАЭ и Индонезия*¹.

Первоначально концепция контекстуального подхода формировалась в качестве альтернативы компаративному текстуализму и функционализму. Так, вместо поиска формальных сходств правовых систем и присущих им институций исследуется контекст,

состоящий из внеправовых факторов, обуславливающих их становление и развитие (социокультурные, экономические, политические и иные факторы) [16, с. 1106]. При этом, как отмечает последователь данной концепции Д. Ю. Полдников, ключевая идея контекстуального сравнения заключается в том, что оно допускает сосуществование различных представлений о праве и предполагает изучение всех взаимоувязанных условий их формирования, развития и актуального состояния, а также сопутствующих данным процессам аспектов для понимания выбранного правового явления [17, с. 34].

Соответственно, международное сотрудничество прокуратур стран БРИКС не может быть понято исключительно через сопоставление текстов законов о прокуратуре или процессуальных кодексов. Необходимо исследовать, как колониальное прошлое Бразилии, Индии, ЮАР и Эфиопии повлияло на восприятие прокурорской власти в этих странах; как социалистические традиции России и Китая сформировали особую модель прокуратуры как органа «надзора за законностью»; как исламское правосознание Ирана, Египта и ОАЭ корректирует понимание функций государственного обвинения и надзора; как смешанный характер правовой системы Эфиопии и Индонезии отражается на организационной структуре их прокурорских служб [18, с. 56–57]. Только такой комплексный, контекстуальный анализ позволяет адекватно оценить потенциал и ограничения сотрудничества между прокурорскими органами этих государств.

Основоположником контекстуального взгляда на сравнительное правоведение выступает французский ученый П. Легранд. Он утверждал, что «никакая форма слов, которые должны составлять «норму», не может полностью избежать семантического содержания, поскольку никакая норма не может быть

¹ Прим.: Здесь и далее выделение авторское Е.О.

бессодержательной», при этом содержание нормы компаративист относил к «функции эпистемологических установок лица, ее толкующего, которые в свою очередь являются исторически и культурно обусловленными» [19, с. 114]. В контексте деятельности прокуратур это означает, что даже идентичные по тексту положения о международном сотрудничестве (например, о порядке направления запросов о правовой помощи) получают различное смысловое наполнение и практическую реализацию в зависимости от исторически сложившихся представлений о роли прокуратуры в данной стране. Так, в России прокуратура исторически воспринимается как «око государево», орган высшего государственного надзора [20, с. 40], что обуславливает ее активную роль в международных контактах не только в сфере уголовного судопроизводства, но и за ее пределами; в странах общего права прокуратура – это скорее сторона в уголовном процессе, что сужает ее международную компетенцию; в странах мусульманской правовой культуры прокурорские функции могут интегрироваться с религиозно-правовыми представлениями о справедливости и наказании.

Весомый вклад в обоснование и развитие контекстуального сравнения в праве, а также в доказательство его универсальности в условиях современных запросов юридической науки, внес немецкий правовед У. Кишель. Ученый называет сравнительное контекстуальное право «современным ответом на спорный предмет, в котором обеспечивается практический и прагматический подход к сопоставлению права». И хотя основу контекстуального сравнения У. Кишель видит в сохранении идей традиционного функционализма, присущие ему функциональные проблемы и ограничения исключаются. Методологическую основу составляет герменевтика, «дающая дополнительное преимущество в виде четкого описания типичного процесса, который применяет большинство опытных

компаративистов: постепенное продуманное освоение иностранной правовой системы и правовой среды; поиск атмосферы, стиля, правовых и иных характеристик; исходное желание развить интуицию, позволяющую компаративисту избежать типичных ловушек изучаемой темы и лучше понять, как действует иностранное право в определенном контексте» [12, с. 18]. Следовательно, при анализе международного сотрудничества прокуратур стран БРИКС необходимо последовательно осваивать не только формально-юридические аспекты их деятельности, но и «атмосферу» прокурорской службы в каждой стране, неформальные практики взаимодействия, сложившиеся стереотипы восприятия прокурорской власти обществом и политическим руководством. Только тогда сопоставление приобретает не поверхностный, а глубокий, объяснительный характер.

Несмотря на относительную новизну контекстуального подхода в праве и других социогуманитарных науках, его принципы разделяли как отечественные, так и иностранные правоведы, среди которых, не считая вышеуказанных экспертов, Ч. Варга [21], Дж. Гуса [22], Б. А. Осипян [23], В. Ю. Войтович [15] и другие. Все они в той или иной мере подчеркивают необходимость выхода за рамки формально-юридического анализа при сопоставлении правовых институтов разных стран, что особенно актуально для институтов публичной власти, к которым относится прокуратура, поскольку ее роль и функции находятся в прямой зависимости от политического режима, исторических традиций и культурных особенностей конкретного общества.

Таким образом, видится целесообразным применение в компаративных исследованиях концепции контекстуального сравнения при изучении деятельности прокуратур государств БРИКС, в том числе по направлению организации международного сотрудничества. Это позволяет не ограничиваться сопоставлением

законодательных норм, закрепляющих компетенцию прокурорских органов в сфере международного взаимодействия, но изучать также исторические предпосылки формирования указанного полномочия, практику его реализации, доктринальное толкование, а также внеправовые факторы, влияющие на эффективность и перспективность сотрудничества.

Как было продемонстрировано ранее, подавляющее большинство мировых компаративистов на определенном этапе своей исследовательской деятельности под тем или иным углом стремятся осуществить сравнение такой категории, как национальная правовая система различных государств, или совокупность нормативных правовых актов, системы законодательства, источников права, принципов регулирования общественных отношений [24, с. 199]. Иными словами, правовая система конкретного общества отражает его социально-экономическую, культурную и политическую индивидуальность [25, с. 73]. Данное фундаментальное положение непосредственно проецируется на исследование прокуратур, поскольку прокуратура как институт публичной власти является неотъемлемым элементом национальной правовой системы и несет на себе все ее характерные черты. Следовательно, международное сотрудничество прокуратур – это всегда взаимодействие не просто ведомств, а правовых систем в их культурно-историческом своеобразии.

Интегрирующий характер национальных правовых систем позволяет объединять их по определенным доминирующим онтологически-атрибутивным признакам в правовые системы в широком смысле (например, по В. И. Кузьменко) [24], группы правовых систем (например, по Д. Ю. Полдникову) [17], правовые семьи (например, по В. В. Оксамытному) [26]. При этом существует значительное число критериев, согласно которым соответствующие правовые системы могут

составить более обширную социально-правовую единицу.

Фундаментальный подход был предложен Р. Давидом, в соответствии с которым унификации национальных правовых систем способствовал комплексный фактор идеологии и юридической техники. Так обосновалось наличие англосаксонской, романо-германской, социалистической правовых систем, а также системы религиозного и традиционного права, подразделяемой на мусульманское, иудейское, каноническое, индусское, дальневосточное и африканское право [27, с. 66]. В контексте БРИКС это означает, что исследователь сталкивается с необходимостью сопоставлять институты прокуратуры, функционирующие в принципиально различных правовых координатах: в рамках романо-германской семьи (Бразилия, Россия, страны континентальной Европы, оказавшие влияние на правовые системы некоторых участников), англосаксонской семьи (Индия, ЮАР, в определенной степени – Эфиопия), социалистического права (Китай, исторические корни России), мусульманского права (Иран, Египет, ОАЭ), смешанных систем, сочетающих элементы различных семей. Очевидно, что формальное сопоставление норм без учета этой классификации было бы методологически несостоятельным.

При этом, несмотря на существенные изменения в правовых реалиях государств (например, прекращение действия на территории современной России и стран СНГ социалистического права, приобретение большинством бывших колоний и доминионов полной независимости от Великобритании и европейских держав и т. д.), а также глобализационные процессы, так или иначе всегда приходится обращаться к первоосновам национальных правовых систем, поскольку их влияние на принципы государственного функционирования сохраняется.

Иными критериями у разных авторов выступали цивилизационный

аспект (Тойнби А., Данилевский Н.) [28, с. 65]; особенности исторического формирования правовых систем (А. Эсмен, Е. Глассон) [29]; источники права (А. Леви-Ульман) [30, с. 139]; концепт правового стиля, состоящего из происхождения и эволюции правовой системы, юридического мышления, правовых институтов, источников права и способов их толкования, идеологических факторов (К. Цвайгерт) [5]; «простой и сложный характер» соответствующих юридических признаков, включающий множество понятий от традиций до стиля (М. Н. Марченко) [31, с. 122]; расовый и языковой признаки (Г. Созер-Холл) [32, с. 52], а также многие другие подходы, детализируемые в работах отечественных и зарубежных правоведов. Каждый из этих критериев вносит свой вклад в понимание того, почему прокуратуры стран БРИКС столь различны по своему статусу, функциям и полномочиям, и почему их международное сотрудничество требует особого, контекстуально ориентированного подхода. Например, цивилизационный подход позволяет объяснить, почему в странах западной цивилизации (Бразилия) и в странах восточной цивилизации (Китай, Иран) прокуратура воспринимается принципиально по-разному, а языковой фактор (англоязычные правовые системы Индии и ЮАР) влияет на унификацию форм международного взаимодействия.

Подробно обоснованной с теоретической точки зрения и отражающей современные юридические тенденции является классификация Д. Ю. Полдникова, базисом для которой послужили *правовые традиции*, которые также заслуживают исследовательского внимания. По мнению ученого, правовая традиция выступает в содержательном значении как «комплекс исторически обусловленных устойчивых взглядов на право, которые определяют его роль в организации общества, его правовой системы, и при этом передаются в качестве нормативно-правовой информации от одного поколения к другому в рамках той

или иной культуры или цивилизации» [17, с. 9]. Одновременно правовая традиция предстает и в методологическом значении, в рамках которого приобретает характер аналитической модели, ключевыми компонентами которой являются: носители традиции – органы власти, правосудия и юридические профессии; парадигма права – формы (источники) и основы его понимания, толкования, применения; характерные институты по ключевым сферам правового регулирования [33, с. 36].

Безусловно, подобный критерий классификации правовых систем имеет явное преимущество перед остальными для целей настоящего исследования, предметом которого выступают правоотношения, складывающиеся в процессе осуществления прокуратурами стран БРИКС как носителями национальных правовых традиций международного сотрудничества. Такой подход позволяет не просто констатировать различия в законодательном регулировании прокурорской деятельности в странах БРИКС, но и объяснить эти различия через глубинные цивилизационные и культурные коды, которые определяют модель взаимоотношений прокуратуры с обществом, государством и зарубежными партнерами.

Так, к группам правовых систем, согласно данному подходу, относятся:

западное право: романо-германская семья (континентальное право), англо-американское общее право, включая страны Британского Содружества наций, смешанные правовые системы (в том числе Шотландия, некоторые штаты США и провинции Канады);

вестернизированное право стран Азии: право Республики Индии (сочетание общего и индуистского права), право стран Ближнего Востока с «азиатскими ценностями» (на примере Японии), светское право стран с мусульманской культурой (на примере Турции);

религиозное право: каноническое право Римской католической церкви,

мусульманское (исламское право), которое подразделяется на реформированное мусульманское право стран Ближнего Востока (на примере Египта) и консервативное мусульманское право (на примере Саудовской Аравии);

традиционное право: племенные обычаи (на примере населения Африки южнее Сахары),

социалистическое право: страны социалистического права (на примере КНР) [17, с. 13].

Именно правовая традиция является тем звеном, которое связывает абстрактную классификацию правовых систем с конкретной деятельностью прокуратуры в каждой из стран БРИКС. Прокуратура как институт публичной власти является не просто механическим исполнителем законов, но непосредственным носителем правовой традиции, в рамках которой сформировались представления о справедливости, законности, судебном преследовании, надзоре и международном взаимодействии.

Между тем приведенные классификации демонстрируют, что колониальное прошлое многих государств БРИКС (Бразилия, ЮАР, Индия, Индонезия, Египет, ОАЭ, специальные административные районы Китая Гонконг и Макао), устойчивые социалистические корни современных правовых систем (Россия, Китай), выделение некоторыми учеными отдельной, славянской правовой семьи (Россия), а также нормы, принципы и обычаи мусульманского права (шариата) стран, интегрированных в актуальное международно-правовое поле (Иран, Египет, ОАЭ), не позволяют отнести правовые системы данных стран к той или иной группе правовых систем без значительных оговорок. Смешанную систему представляет и эфиопское право, поскольку сочетает в себе элементы гражданского, обычного и религиозного права [34]. Данные обстоятельства имеют прямое значение для исследования деятельности прокуратур: например, колониальное наследие в Индии и ЮАР

определило структуру прокурорских органов, близкую к английской модели, тогда как в Бразилии прослеживается влияние португальского и континентального европейского права; социалистическое прошлое России и Китая сформировало понимание прокуратуры как органа общего надзора, а не просто органа уголовного преследования; мусульманские правовые традиции Ирана, Египта и ОАЭ приносят в прокурорскую деятельность элементы религиозно-правового регулирования, отсутствующие в светских правовых системах.

Для описания правовых систем государств БРИКС уместно привести высказывание М. Н. Марченко, сформулированное им относительно соответствующей категории в Российской Федерации: «Современное право в России, имея свои собственные исторические, социально-политические, бытовые, духовные, наконец, национальные, а точнее – многонациональные основы, всегда было и остается самобытным, по-своему уникальным, как и любое иное право, относительно самостоятельным правом» [35, с. 372]. Это утверждение с полным основанием может быть распространено на каждое из государств БРИКС: правовая система каждой страны – это отражение исторических, культурных, политических и социальных факторов, и прокуратура как один из наиболее значимых публично-правовых конструкторов несет на себе печать этой институционально-правовой традиции.

Соответственно, учитывая, что правовые системы играют определяющую роль в моделировании системы органов государственной власти в любой стране, вышеперечисленные факторы должны непременно приниматься во внимание для корректного понимания места и спектра должностных полномочий прокуратуры в системе публичной власти в государствах БРИКС, в частности, при осуществлении ими международного сотрудничества. Так, в одних странах прокуратура является частью *судебной власти* (Египет, ОАЭ, Иран), в других – подчинена

исполнительной власти (Индия, Эфиопия, Индонезия), в-третьих – занимает *особое, обособленное положение* (Россия, Китай, Бразилия, ЮАР) [18, с. 55]. Эти различия напрямую влияют на то, как прокуратура участвует в международных контактах: кому она подотчетна, как оформляются запросы о правовой помощи, какие гарантии независимости существуют при выполнении международных обязательств.

Следует также подчеркнуть, что международное сотрудничество прокуратур государств БРИКС представляет собой не просто формальное взаимодействие ведомств, а сложный многогранный процесс, включающий в себя обмен информацией, совместные расследования, координацию позиций на международных площадках, взаимную правовую помощь, экстрадицию, а также участие в разработке совместных документов и стандартов. Эффективность указанного процесса напрямую зависит от того, насколько участники принимают во внимание правовые и культурные особенности друг друга. Именно поэтому сравнительно-правовой анализ, выполненный в контекстуальной парадигме, является насущной практической необходимостью.

Проведенный анализ развития и современного состояния методологии сравнительно-правового исследования позволяет сформулировать ряд выводов, имеющих теоретическое и практическое значение для понимания международного сотрудничества как функционального направления деятельности прокуратуры в системе публичной власти государств БРИКС.

Во-первых, подтверждена принципиальная необходимость применения сравнительно-правового метода при исследовании прокурорских систем стран БРИКС, поскольку только сопоставление позволяет выявить не только формальные различия в законодательном регулировании, но и глубинные причины, обуславливающие специфику организации международного взаимодействия. Многообразие правовых

семей и правовых традиций, представленных в объединении, делает БРИКС уникальной площадкой для апробации компаративистских методологий.

Во-вторых, установлено, что традиционные подходы к сравнению – догматический, функциональный и культурологический – по отдельности не позволяют составить целостное представление о феномене международного сотрудничества прокуратур, поскольку каждый из них акцентирует лишь один из аспектов (нормативный, социально-экономический или ценностно-культурный). Только их синкретичное сочетание в рамках контекстуального подхода дает возможность учесть совокупность внеправовых факторов – исторических, политических, социокультурных, – которые в конечном счете определяют реальную эффективность взаимодействия прокурорских органов на международной арене.

В-третьих, обоснована плодотворность классификации правовых систем на основе правовых традиций (по Д. Ю. Полдникову) для целей исследования прокуратур стран БРИКС. Такой ракурс позволяет рассматривать прокуратуру не как изолированный институт, а как носителя и проводника правовой традиции, что объясняет устойчивость национальных моделей прокурорской деятельности и их сопротивляемость внешнему унифицирующему воздействию. Колониальное прошлое, социалистические традиции, религиозные правовые системы, смешанный характер правопорядков – данные факторы, будучи включенными в анализ, обеспечивают корректное понимание места и полномочий прокуратуры в каждой из стран объединения.

В-четвертых, продемонстрировано, что международное сотрудничество прокуратур государств БРИКС не может быть эффективным без учета контекстуальных особенностей каждой

правовой системы. Формальное заимствование механизмов взаимодействия, проверенных в одной правовой культуре, оказывается нерезультативным при переносе в другую, поскольку наталкивается на сопротивление глубинных правовых традиций. Оптимальной стратегией представляется поиск таких форм сотрудничества, которые, сохраняя уважение к национальной специфике, позволяют находить точки соприкосновения и выработать общие подходы по ключевым вопросам – борьба с транснациональной преступностью, взаимная правовая помощь по различным категориям дел, защита прав человека и гражданина.

Дальнейшие исследования в этом направлении целесообразно сосредоточить на углубленном анализе конкретных форм международного сотрудничества прокуратур стран БРИКС (совместные расследования, взаимодействие в рамках международных организаций, обмен оперативной информацией, координация позиций при подготовке двусторонних и многосторонних соглашений) с использованием разработанной методологии контекстуального сравнения. Особого внимания заслуживает также изучение вопроса о том, в какой степени унификация правовых институтов в рамках БРИКС возможна и желательна, и какие пределы соответствующей унификации обусловлены национальными правовыми традициями. Ответ на данные вопросы позволит не только развить теоретическое осмысление феномена международного сотрудничества прокуратур, но и предложить практические рекомендации по его совершенствованию.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Головкин Л. В. О сравнительно-правовом методе и его неверном понимании // Правовое государство: теория и практика. 2024. Т. 20, № 1 (75). С. 26–31. DOI: 10.33184/pravgos-2024.1.3. EDN: NQCQKW.
2. Лафитский В. И. Сравнительное правоведение: концептуальные подходы // Журнал российского права. 2009. № 11. С. 142–151. EDN: LDLSVP.
3. Малиновский А. А., Трикоз Е. Н. Российская юридическая компаративистика: история и современность. // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. № 6. С. 43–72.
4. Feuerbach P. J. A. Ritter von: Blick auf die deutsche Rechtswissenschaft. Standort München, Bayerische Staatsbibliothek Don.Lud. LXXIII,1. 1810. URL: <https://www.digitale-sammlungen.de/de/view/bsb10728750?page=10> (дата обращения: 16.07.2026).
5. Цвайгерт К., Кетц Х. Сравнительное частное право : в 2 т. / пер. с нем. Москва : Междунар. отношения, 2011. 727 с. ISBN 978-5-7133-1371-5 EDN: QSCVCZ
6. Kötz H. Abschied von der Rechtskreislehre? // Zeitschrift für Europäisches Privatrecht (ZEuP). 1998. Vol. 6, № 3. Pp. 493–505.
7. Rabel E. Comparative Conflicts Law // Indiana Law Journal. 1948-1949. Vol. 24. Pp. 353–362.
8. Pradel J. Droit pénal compare. 4 éd. Paris, 2016. 1116 p.
9. Саидов А. Х. Сравнительное правоведение и социология права // Труды Института государства и права РАН. 2007. № 4. С. 108–134, С. 120–121.
10. Лафитский В. И. Сравнительное правоведение в образах права. Том 1. Москва : Статут, 2010. 429 с.
11. Казимирчук В. П. Право и методы его изучения. Москва, 1965. 204 с.
12. Кишель У. Метод в сравнительном праве: контекстуальный подход // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 2 (135). С. 18–32. DOI:

10.21128/1812-7126-2020-2-18-32. EDN: PRFALY.

13. Головки Л. В. О сравнительно-правовом методе и его неверном понимании // Правовое государство: теория и практика. 2024. Т. 20, № 1 (75). С. 26–31. DOI: 10.33184/pravgos-2024.1.3. EDN: NOCQKW.

14. Полдников Д. Ю. Сравнительная история зарубежного права : в 2-х т. Москва : Норма, 2025.

15. Войтович В. Ю. Основы сравнительного правоведения (общая часть) : краткий курс лекций. Ижевск : Ижевский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2021. 1 электр., опт. диск. ISBN 978-5-00094-945-0. EDN: FIYKQH.

16. Husa J. Methodology of Comparative Law Today: From Paradoxes to Flexibility? // *Revue internationale de droit compare*. 2006. № 4. Pp. 1095–1117. DOI: 10.3406/ridc.2006.19483.

17. Полдников Д. Ю. Сравнительная история зарубежного права. В 2-х т. Т. 1. Москва : Норма, 2025. 554 с.

18. Василевская Е. О. Международное сотрудничество прокуратур государств БРИКС // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2026. № 3 (113). С. 51–60. EDN: WGPQVQ.

19. Legrand P. The Impossibility of "Legal Transplants" // *Maastricht Journal of European and Comparative Law*. 1997. Vol. 4. issue 2. Pp. 111–124.

20. Субанова Н. В. Развитие общего надзора в период 1979-1991 годов // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2025. № 4 (108). С. 40–51. EDN: UKJXDD.

21. Varga C. Comparative legal cultures: on traditions classified, their rapprochement & transfer, and the anarchy of hyper-rationalism with appendix on legal ethnography. Budapest : Szent István Társulat, 2012. 258 p.

22. Husa J. Comparative law's pyrrhic victory? // *Maastricht Journal of European and Comparative Law*. 2024. Vol. 30, Issue 6.

DOI: 10.1177/1023263X241252517. EDN: ESGGEX.

23. Осипян Б. А. Понятие и духовно-правовая сущность настоящего государственного строительства // Наука. Общество. Государство. 2019. Том. 7, № 4 (28). С. 5–15. EDN: XEFSUI.

24. Кузьменко В. И. Проблема соотношения категорий "правовая семья", "правовая система" и "система права" // Вестник экономики, права и социологии. 2012. № 3. С. 19–200. EDN: PVQFYX.

25. Зернов А. О., Воскресенская Н. Н., Жильский Е. В. Критерии классификации правовых систем // Социология и право. 2021. № 2 (52). С. 72–77. DOI: 10.35854/2219-6242-2021-2-72-77. EDN: XVLBKA.

26. Оксамытный В. В. Принципы формирования и функционирования современных правовых семей: сравнительно-теоретический анализ // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 240–245. EDN: XKZOTB.

27. Упоров И. В., Старков О. В., Рассказов Л. П. Теория государства и права : курс лекций. Москва : Просвещение, 2005. 220 с.

28. Молдоев Э. Э., Абакирова А. М. Проблемы методологии исследования категории "правовая система" // Проблемы современной науки и образования. 2017. № 4 (86). С. 64–67. EDN: XSFHQF.

29. Саидов А. Х. Сравнительное правоведение : академический учебник / А.Х. Саидов. Москва : Норма : ИНФРА-М, 2024. 320 с.

30. Рассказов Л. П. К вопросу о критериях классификации правовых систем: цивилизованный подход. Тенденции сближения правовых семей в условиях глобализации // Научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2015. № 111. С. 134–150. EDN: UMARDH.

31. Марченко М. Н. Правовые системы современного мира. Москва : Норма, 2012. 400 с.

32. Рассказов Л. П. Цивилизационный подход к классификации правовых систем //

Философия права. 2014. № 3. С. 52–55. EDN: SNMZFB.

33. Полдников Д. Ю. Правовая традиция как основа сравнительного изучения устойчивого правового многообразия мира // Право и управление. XXI век. 2025. Т. 21, № 1. С. 31–39. DOI: 10.24833/2073-8420-2025-1-74-31-39. EDN: USLSVE.

34. Правовые модели и реальность : монография / О. А. Акопян, Н. В. Власова,

С. А. Грачева и др. ; отв. ред. Ю. А. Тихомиров, Е. Е. Рафалюк, Н. И. Хлуденева. Москва : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации : ИНФРА-М, 2020. XIV, 280 с.

35. Марченко М. Н. Правовые системы современного мира : учебное пособие. Москва : Зерцало-М, 2009. 528 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Василевская Елизавета Олеговна, старший преподаватель кафедры международного сотрудничества в сфере прокурорской деятельности Университета прокуратуры Российской Федерации (Российская Федерация, 123022, г. Москва, ул. 2-я Звенигородская, д. 15), SPIN: 5040-3665, e-mail: ovchinnikova_eo@mail.ru.

Vasilevskaya Elizaveta Olegovna, Senior Lecturer at the Chair of International Cooperation in the Field of Prosecutorial Activity of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (Russian Federation, Moscow, 123022, 15 2nd Zvenigorodskaya Street), SPIN: 5040-3665, e-mail: ovchinnikova_eo@mail.ru.

**УЧАСТИЕ ПРОКУРОРА В РЕАЛИЗАЦИИ СОГЛАШЕНИЯ
О НАДЛЕЖАЩЕМ УСТРАНЕНИИ ВЫЯВЛЕННЫХ НАРУШЕНИЙ
ОБЯЗАТЕЛЬНЫХ ТРЕБОВАНИЙ:
НАДЗОР ИЛИ АДМИНИСТРАТИВНАЯ ПРОЦЕДУРА?**

А. Ю. Винокуров

Научно-исследовательский институт
Университета прокуратуры Российской Федерации,
Москва, Российская Федерация
e-mail: vinalexur@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы участия прокурора в реализации введенного законодателем в конце 2024 года института соглашения о надлежащем устранении выявленных нарушений обязательных требований. Высказывается мнение о сложности научного позиционирования в рамках традиционной классификации внешнефункциональной деятельности осуществляемой при этом прокурорами работы.

Вносятся предложения о возможных направлениях совершенствования правового регулирования в указанной сфере.

Ключевые слова: административная процедура, административный договор, надзор за исполнением законов, полномочия прокурора, соглашение о надлежащем устранении выявленных нарушений обязательных требований.

Для цитирования: Винокуров А. Ю. Участие прокурора в реализации соглашения о надлежащем устранении выявленных нарушений обязательных требований: надзор или административная процедура? // Искусство правоведения. 2026. № 3. С. 53–60.

**PARTICIPATION OF THE PROSECUTOR IN IMPLEMENTING
THE AGREEMENT ON PROPER ELIMINATION OF IDENTIFIED
VIOLATIONS OF MANDATORY REQUIREMENTS:
SUPERVISION OR ADMINISTRATIVE PROCEDURE?**

A. Y. Vinokurov

Research Institute of the University
of the Prosecutor's Office of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation
e-mail: vinalexur@mail.ru

Annotation. The article discusses the participation of a prosecutor in the implementation of the institution of an agreement on the proper elimination of identified violations of mandatory requirements, which was introduced by the legislator at the end of 2024. The author expresses an opinion on the complexity of scientific positioning within the framework of the traditional classification of the work carried out by prosecutors.

The article also proposes possible directions for improving legal regulation in this area.

Key words: administrative procedure, administrative contract, supervision of the implementation of laws, prosecutor's authority, agreement on the proper elimination of identified violations of mandatory requirements.

For citation: Vinokurov A. Y. Participation of the Prosecutor in Implementating of the Agreement on Proper Elimination of Identified Violations of Mandatory Requirements: Supervision or Administrative Procedure? // The Art of Law. 2026. № 3. С. 53–60.

Характер складывающихся на современном этапе правоотношений в отдельных публично-правовых сферах, а также явно усилившееся за последние два десятилетия доверие государства к институту прокуратуры диктуют необходимость переосмысления подходов к пониманию его роли, которая для многих еще до сих пор заключается в используемом как практиками [1, с. 47 ; 2, с. 12], так и учеными [3, с. 129 ; 4 с. 14] избитом клише «надзорное ведомство»¹. Вместе с тем многофункциональность прокуратуры, как известно, отражается законодателем в Федеральном законе от 17.01.1992 № 2202-І «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – Закон о прокуратуре)² еще с конца 1995 года, а летом 2020 года этот немаловажный признак получил логически напрашивавшееся конституционное закрепление, хотя и не совсем корректно по исполнению, что отмечают отдельные авторы [5, с. 108], к числу которых относимся и мы [6, с. 33].

Поэтому в научной среде не утихают споры о том, что считать функцией или иным направлением прокурорской деятельности, к которым законодателем или иным участником нормотворческого процесса добавляются новые поводы для дискуссий. Мы не случайно упомянули не только законодателя, роль которого очевидна, принимая во внимание конституционное закрепление императива о том, что функции прокуратуры Российской Федерации определяются федеральным законом. Действительно, основной объем приданного прокурорам функционала находит свое закрепление в Законе о

прокуратуре и других законодательных актах, однако в последние годы не единичны случаи наделения российской прокуратуры новыми опциями на основании правовых актов главы государства.

В качестве примера можно привести Указ Президента Российской Федерации от 19.05.2025 № 335 «О государственном мониторинге вреда, причиненного Российской Федерации, субъектам Российской Федерации, федеральной территории "Сириус", муниципальным образованиям, физическим лицам и организациям иностранными источниками»³, в котором речь идет о деятельности, которую А. С. Семенов абсолютно справедливо отнес к функции государственного учета [7, с. 138], поскольку мониторинг является не самоцелью, а инструментарием сбора и систематизации соответствующей информации, которая в последующем будет востребована для предъявления требований в суде. Или взять тот же Указ от 20.07.2023 № 544 «Об утверждении Положения о порядке представления кандидатур для назначения на должности судей Суда Евразийского экономического союза от Российской Федерации и внесении инициативы о досрочном прекращении их полномочий»⁴, который также не содержит отсылок к первоисточнику – законодательному акту, хотя этому функционалу нашлось место в структуре прокурорской деятельности, а конкретно, в рамках функции представительства и защиты интересов Российской Федерации, которая, как известно, была закреплена в Законе о прокуратуре в 2021 году [8]. В подобных случаях, по нашему убеждению, следует все-таки непосредственно в законодательном акте закреплять соответствующее делегирование

¹ К слову, термин «ведомство» не используется в федеральных законах с начала 2000-х годов, в то время как признак «ведомственный» имеет весьма легальное закрепление и применяется в принимаемых законодательных актах.

² СЗ РФ. 1995. № 47. Ст. 4472 (с посл. изм.).

³ СЗ РФ. 2025. № 21. Ст. 2638.

⁴ СЗ РФ. 2023. № 30. Ст. 5678.

полномочий для придания легитимности такого рода нормотворческим подходам, как это имеет место в той же статье 8 Закона о прокуратуре применительно к регламентации координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью.

Законодательство о контрольно-надзорной деятельности с конца 2000-х годов, когда в нем только началось наделение прокуроров до того не известным инструментарием, также дает немало пищи для осмысления характера новых полномочий. Действительно, вопрос о позиционировании тех же полномочий по согласованию или отказу в согласовании сначала в проведении внеплановой проверки субъектов предпринимательской деятельности, а затем и органов местного самоуправления, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и должностных лиц указанных органов в принципе изначально склонялся к надзорному их характеру [9, с. 170], образуя четвертую, ранее акцентированно не выделяемую в классической триаде¹ полномочий группу, хотя примеры согласования (отказа в согласовании) были известны по тому же пункту 1 статьи 77 части первой Налогового кодекса Российской Федерации², где еще в 1998 году было закреплено обязательное санкционирование прокурором решения налогового или таможенного органа о наложении ареста на имущество недобросовестного налогоплательщика в качестве внесудебной обеспечительной меры.

Очевидно, нет особых сомнений в надзорной природе вытекающего из статьи 63 Федерального закона от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (далее – Закон № 248-ФЗ)³ и нашедшего развитие в

пункте 1¹ статьи 22 Закона о прокуратуре требования прокурора о проведении контрольного (надзорного) мероприятия, поскольку оно представляет собой осовремененный подход известного еще по статье 23 Закона СССР от 30.11.1979 № 1162-X «О прокуратуре СССР»⁴ требования о проведении проверок деятельности подконтрольных предприятий и учреждений, организаций как правового средства опосредованного участия прокурора в установлении факта нарушения закона либо его отсутствия.

Вместе с тем правомочия, связанные с формированием ежегодного сводного плана проверок на предстоящий календарный год, которые закреплены в статье 9 пока еще по непонятной причине не отправляемого законодателем в архив истории Федерального закона от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» (далее – Закон № 294-ФЗ)⁵, а в последующем воспроизведенные в федеральных законах 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах субъектов Российской Федерации» (статья 63)⁶ и от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах местного самоуправления в единой системе публичной власти» (ст. 41)⁷, явно выходят за рамки представления о надзоре и в большей степени отражают роль прокуратуры как координатора деятельности органов контроля (надзора), что, как известно, отмечал в одном из своих решений, посвященных правовому регулированию общенадзорной деятельности прокуратуры, Конституционный Суд Российской

¹ Полномочия: 1) по выявлению нарушений законов; 2) по устранению нарушений законов; 3) по предупреждению нарушений законов.

² СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3824 (с посл. изм.).

³ СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. 1). Ст. 5007 (с посл. изм.).

⁴ Ведомости ВС СССР. 1979. № 49. Ст. 843. Утратил силу.

⁵ СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6249 (с посл. изм.).

⁶ СЗ РФ. 2021. № 52 (ч. 1). Ст. 8973 (с посл. изм.).

⁷ СЗ РФ. 2025. № 12. Ст. 1200.

Федерации¹, однако, принимая во внимание, аккумулирующий соответствующие сведения характер прокурорской деятельности, мы отнесли ее к функции государственного учета, куда также входит и работа Генеральной прокуратуры Российской Федерации по исполнению полномочий оператора Единого реестра проверок (статья 13³ Закона № 294-ФЗ) и Единого реестра контрольных (надзорных) мероприятий (статья 19 Закона № 248-ФЗ), поскольку также ориентирована на сбор и дальнейшее сопровождение соответствующей информации [9, с. 535–539].

И вот в декабре 2024 года² законодатель поставил как перед правоприменителями, так и перед учеными новые задачи, введя в статье 90² Закона № 248-ФЗ институт *соглашения о надлежащем устранении выявленных нарушений обязательных требований*. Проблема для правоприменителей в основном состояла в том, что вступившие сразу после официального опубликования

новеллы не были конкретизированными на подзаконном уровне из них же вытекающими правовыми актами. Как известно, издание постановления Правительства Российской Федерации от 31.05.2025 № 829 «Об утверждении Правил заключения, изменения, продления, расторжения соглашения о надлежащем устранении выявленных нарушений обязательных требований» (далее – постановление № 829)³, а равно дополнение приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 02.06.2021 № 294 «О реализации Федерального закона от 31.07.2020 № 248-ФЗ "О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации"» (далее – приказ № 294)⁴ Порядком рассмотрения в органах прокуратуры Российской Федерации соглашений о надлежащем устранении выявленных нарушений обязательных требований произошло намного позже, что лишь отчасти можно вменить соответствующим субъектам делегированного нормотворчества, поскольку, во-первых, рассматриваемые законоположения появились лишь в декабре 2024 года в третьем чтении законопроекта, а, во-вторых, законодателю следовало установить отсроченную дату вступления новелл в силу, например, на 90 дней, что позволило бы подготовить соответствующую подзаконную базу и обеспечить методическое сопровождение процедурных вопросов, в том числе и в органах контроля (надзора).

Итак, при появлении новых полномочий ученые в первую очередь пытаются сопоставить их с уже имеющимися, а на ум приходит только введенное в 2009 году в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации досудебное соглашение о сотрудничестве, которое пополнило инструментарий прокуроров в части осуществляемого ими в досудебных стадиях уголовного преследования.

¹См.: По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 6, пункта 2 статьи 21 и пункта 1 статьи 22 Федерального закона "О прокуратуре Российской Федерации" в связи с жалобами межрегиональной ассоциации правозащитных общественных объединений "Агора", межрегиональной общественной организации "Правозащитный центр "Мемориал", международной общественной организации "Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество "Мемориал", региональной общественной благотворительной организации помощи беженцам и вынужденным переселенцам "Гражданское содействие", автономной некоммерческой организации правовых, информационных и экспертных услуг "Забайкальский правозащитный центр", регионального общественного фонда "Международный стандарт" в Республике Башкортостан и гражданки С.А. Ганнушкиной : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 февраля 2015 г. № 2-П // СЗ РФ. 2015. № 9. Ст. 1389.

² См.: О внесении изменений в Федеральный закон "О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации" : Федеральный закон от 28 декабря 2024 г. № 540-ФЗ // СЗ РФ. 2024. № 53 (ч. 1). Ст. 8550.

³ СЗ РФ. 2025. № 23. Ст. 3064.

⁴ Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

Очевидно, что на этом выискивать сравнительные параллели можно и прекратить, поскольку мы имеем дело в этом случае с договором в уголовно-процессуальной сфере, где прокурор является одной из сторон, призванных, по задумке законодателя, достигнуть согласия, имеющего в дальнейшем перспективы облегчить участь подсудимого, сменившего статус на подсудимого, при вынесении обвинительного приговора.

В рассматриваемой же нами новелле речь идет о разновидности давно известного ученым и практикам правового инструмента – административного договора [10, с. 2 ; 11, с. 249–252], одной из сторон которого является орган контроля (надзора), выявивший нарушение обязательных требований в деятельности определенного постановлением № 829 субъекта, который, в свою очередь, выступает второй стороной соглашения. Административным договор является по причине заключения его в сфере, относящейся к административно-правовому институту публичного контроля (надзора), который, как известно, предусматривает в своей основе соответствующий характер правоотношений, подпадающих под традиционную для них схему «власть → подчинение». И, к слову, правоотношения между прокурором и органом контроля (надзора) здесь также, если мы говорим о применении приведенных выше надзорных полномочий, будь то согласование (отказ в согласовании) контрольных (надзорных) мероприятий или требование о проведении таких мероприятий, строятся по приведенной схеме, где подчиняющейся стороной уже является контрольный (надзорный) орган, а прокурор, в свою очередь, олицетворяет власть. И в целом, если мы говорим о прокурорском надзоре во всем его отраслевом многообразии, кроме надзора за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия, речь по сути, идет об административно-правовом характере таких правоотношений, в чем можно

согласиться с учеными-административистами [12, с. 253–254 ; 13, с. 249–252], да и с Конституционным Судом Российской Федерации, который в выше приведенном постановлении отметил особое место прокуратуры среди органов контроля (надзора).

Однако вернемся к роли прокуратуры в реализации упомянутого соглашения. Орган прокуратуры не является ни инициатором его заключения, ни фактической его стороной, а статус его в этих правоотношениях обозначен как согласующий. То есть можно говорить о присутствии в этом не прямой, а весьма отдаленной аналогии с согласованием прокурором того же контрольного (надзорного) мероприятия, где основной стороной соответствующего правоотношения выступает орган контроля (надзора), а косвенной – контролируемое лицо, в отношении которого предполагается провести соответствующее мероприятие. В случае с соглашением присутствуют те же субъекты, но роль их меняется, поскольку основными здесь выступают, как уже подчеркивалось, контрольный (надзорный) орган и контролируемое им лицо. Будет ли в данном случае прокурор менять свой статус с надзорного на иной?

По своей сути орган прокуратуры, если использовать уместные аналогии, в данном случае следует рассматривать как удостоверяющее лицо, подтверждающее подобно нотариусу в гражданско-правовых договорных отношениях правомерность заключаемого соглашения по итогам предварительной проверки представленных ему материалов, которые должны отвечать требованиям статьи 90² Закона № 248-ФЗ¹ и постановления № 829¹

¹ О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации : Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ : с изм. и доп. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

по всем установленным этими правовыми актами критериям. Но поскольку речь в нашем случае идет об административно-правовых договорных отношениях, то, полагаем, что соответствующие правомочия выходят за рамки надзорных и переходят в разряд удостоверительных, поскольку группу согласовательных мы уже выше отнесли к надзорным. Назовем их так, потому что до настоящего времени представители как прокурорской, так и административной науки не дали четкой правовой оценки рассматриваемому феномену, как, собственно, не видно в целом публикационной активности по этому вопросу, что подтверждает проведенный нами безрезультатный анализ доступных правовых баз.

При этом отметим одну важную деталь, которую законодатель явно не продумал, предоставляя органу прокуратуры наряду с контрольным (надзорным) органом, а точнее даже в порядке первоочередности, правомочие по признанию соглашения неисполненным. Поскольку ранее в своих выступлениях мы уже обращали внимание на этот аспект², подчеркнем лишь, что здесь ни на уровне правового акта Правительства Российской Федерации, ни тем более приказа № 294 не

предусмотрено, каким имеющим правовые последствия документом должен быть зафиксирован в органе прокуратуры факт неисполнения контролируемым лицом условий договора. Не говоря уже о том, что для получения соответствующего вывода прокуроры обязаны, как минимум, провести проверку исполнения таким лицом соответствующих условий, что нам видится явно выходящим за рамки их компетенции, поскольку предполагает во многом изучение технологических вопросов, а не состояния исполнения законов.

По нашему мнению, на орган прокуратуры законодательно следовало бы возложить правомочия по согласованию факта расторжения соглашения после соответствующей проверки всех обстоятельств, приведших к принятию уполномоченным органом такого решения, то есть право удостоверить правомерность этого юридического факта. К слову, в пункте 8 утвержденного приказом № 294 Порядка рассмотрения в органах прокуратуры Российской Федерации соглашений о надлежащем устранении выявленных нарушений обязательных требований негодная по своей сути законодательная норма была, скажем так, «ювелирно» обойдена формулировкой о том, что «при выявлении в рамках реализации надзорных полномочий фактов неисполнения (контролируемым лицом – А. В.) соглашения органами прокуратуры принимаются меры реагирования для понуждения контрольного (надзорного) органа к его расторжению в одностороннем порядке». То есть тем самым прокурорская система сняла с себя обязанность по выполнению обладающего признаками дефектности правомочия, связанного с признанием непосредственно органом прокуратуры соглашения неисполненным до дня истечения срока его исполнения, однако акт прокурорского реагирования, в данном случае очевидно представление об устранении нарушений закона, не компенсирует, как нам думается, правовой пробел в части обязательности участия органа

¹ Об утверждении Правил заключения, изменения, продления, расторжения соглашения о надлежащем устранении выявленных нарушений обязательных требований : постановление Правительства Российской Федерации от 31 мая 2025 г. № 829. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». Документ не вступил в силу.

² Винокуров А. Ю. Доклад на тему: «Соглашение о надлежащем устранении нарушений обязательных требований и роль прокурора в его реализации» на круглом столе «Актуальные проблемы и перспективы деятельности прокурора в свете теоретико-исторических, государственно-правовых и уголовно-правовых наук», проведенном 27 февраля 2025 г. на Факультете подготовки научных кадров Университета прокуратуры Российской Федерации ; Винокуров А. Ю. Доклад на тему: «Новеллы Федерального закона от 31 июля 2020 года № 248-ФЗ в контексте прокурорской деятельности» на X Научно-практической конференции «Актуальные вопросы контроля и надзора в социально значимых сферах деятельности общества и государства», проведенной 5–6 июля 2025 г. в ННГУ им Н.И. Лобачевского.

прокуратуры в согласовании принятия органом контроля (надзора) решения о расторжении в одностороннем порядке соглашения.

И вот здесь, с учетом отсутствия оговоренной законодателем роли контролируемого лица в расторжении соглашения, если не считать его не отвечающие условиям соглашения действия и/или бездействие, которые, собственно, и привели к принятию прекращающего соглашение решения, на наш взгляд, правомерно было бы отнести соответствующее полномочие прокурора к числу согласовательных, то есть надзорных по своей правовой природе. Но, подчеркнем, что это было бы актуально в случае выбора законодателем правильного алгоритма в части признания соглашения неисполненным контролируемым лицом.

И еще один немаловажный аспект обращает на себя внимание в контексте действия соглашения. Утвержденные постановлением № 829 Правила в порядке делегирования законодателем полномочий предусматривают в том числе порядок изменения и продления соглашения, что инициируется контролируемым лицом по аналогии с ходатайством о заключении самого соглашения. Однако при этом игнорируется важнейший правовой принцип, предусматривающий, что коррективы в основной документ, имеющий правовые последствия, должны вноситься в том же порядке, что имели место при формировании базового документа. То есть в согласовании как изменений, так и продления срока действия соглашения обязаны участвовать органы прокуратуры, чего законодателем не предусмотрено в принципе.

В данной ситуации, учитывая явный правовой пробел, а также необходимость проверки законности как расторжения без инициативы прокуроров, так и внесения изменений в соглашение либо продление срока его исполнения, включается надзорный фактор, который выражается в организации в контрольном (надзорном) органе проверок законности принимаемых

им решений в рамках действия соглашения, включая его корректировку. Соответствующая информация может быть получена прокурором путем ознакомления с электронным паспортом соответствующего контрольного (надзорного) или профилактического мероприятия в едином реестре контрольных (надзорных) мероприятий, а также дополнительно истребована для изучения в рамках статьи 6 Закона о прокуратуре, а в случае выявления нарушений должны применяться меры реагирования в зависимости от характера установленных противоречий с требованиями закона, например, могут быть опротестованы те же решения о признании соглашения исполненным или неисполненным как односторонние волевые правовые акты уполномоченного органа, имеющие конкретные последствия.

Резюмируя сказанное, полагаем возможным подчеркнуть, что вынесенная нами в название статьи дилемма в большей мере является принципиальной для представителей науки о прокурорской деятельности в рамках дискуссий о правовой природе соответствующих полномочий, в то время как поднятые проблемы нормативного регулирования участия прокурора в реализации соглашения о надлежащем устранении выявленных нарушений обязательных требований имеют немаловажное значение непосредственно для правоприменителей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Мельников Р. В. Цифровая этика в прокурорской деятельности: проблемы регулирования // Современное право. 2025. № 2. С. 45–49. DOI: 10.25799/NI.2025.25.41.008. EDN: HXYIKN.
2. Михлина Н. В. Концепция устойчивого развития и климатическая повестка как аспекты новой парадигмы прокурорского надзора // Законность. 2025. № 1. С. 11–13. EDN: RAXSHK.
3. Ергашев Е. Р., Бакирова Д. С. О некоторых проблемах проведения прокурорских проверок // Российский юридический журнал. 2023. № 5. С. 127–

134. DOI: 10.34076/20713797_2023_5_127. EDN: YIZRYF.

4. Залужный А. Г., Аронин В. А. Вопросы эффективности прокурорской деятельности по надзору за исполнением налогового законодательства // Современное право. 2025. № 6. С. 12–15. DOI: 10.25799/NI.2025.55.95.002. EDN: COGPGZ.

5. Карпышева Ю. О. Место надзора за исполнением законов и надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина в системе функций органов прокуратуры // Байкальский вестник ДААД. 2021. № 1. С. 91–109. EDN: VSLVQF.

6. Винокуров А. Ю. Поправки к Конституции Российской Федерации в контексте закрепления статусных положений о прокуратуре // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 4. С. 31–34. DOI: 10.18572/1812-3767-2021-4-31-34. EDN: LGJUEQ.

7. Семенов А. С. К вопросу о месте государственного мониторинга вреда, причиненного иностранными источниками, в системе внешнефункциональной деятельности прокуратуры Российской Федерации // Университет прокуратуры Российской Федерации. 2025. № 6. С. 130–141. EDN: QFQAZJ.

8. Винокуров А. Ю. Представительство и защита интересов Российской Федерации в системе внешнефункциональной деятельности

прокуратуры // Проблемы обеспечения верховенства закона : сборник научных трудов по итогам Международной научно-практической конференции. Елецк : Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, 2021. С. 60–65. ISBN 978-5-00151-240-0.

9. Прокурорский надзор: учебник для вузов / Ю. Е. Винокуров, А. Ю. Винокуров ; под ред. Ю. Е. Винокурова. 17-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2025. 549 с. ISBN 978-5-534-20627-2.

10. Андреева Е. М. Административный договор в теории и практике государственного управления // Новый юридический журнал. 2013. № 1. С. 23–27. EDN: QBNCOD.

11. Старилов Ю. Н., Давыдов К. В. Административный договор в системе государственного управления: назначение, правовые условия, виды // Административное право и процесс. 2013. № 5. С. 4–9. EDN: QAVQVP.

12. Административное право Российской Федерации : учебник / коллектив авторов ; под ред. А. В. Мелехина. Москва : ЮСТИЦИЯ, 2018. 616 с. ISBN 978-5-4365-1717-9.

13. Административное право Российской Федерации : учебник для вузов / Ю. И. Мигачев, Л. Л. Попов, С. В. Тихомиров ; под ред. Л. Л. Попова. 5-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт. 456 с. ISBN 978-5-534-98218-0.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Винокуров Александр Юрьевич, заведующий отделом научного обеспечения проблем прокурорского надзора и укрепления законности в деятельности таможенных органов и на транспорте Научно-исследовательского института Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор (Российская Федерация, Москва, 2-я Звенигородская ул., д. 15), РИНЦ Author ID: 288578, e-mail: vinalexur@mail.ru.

Vinokurov Alexander Yurievich, Head of the Department of Scientific Support for Prosecutorial Supervision and Strengthening the Rule of Law in Customs and Transport Activities of Research Institute of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor (Russian Federation, 123022, Moscow), РИНЦ Author ID: 288578, e-mail: vinalexur@mail.ru.

УДК 347.963
EDN [RLJXIX](#)

УЧАСТИЕ ПРОКУРОРА В РАССМОТРЕНИИ СУДАМИ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ДЕЛ ОБ ОСПАРИВАНИИ РЕШЕНИЙ, ДЕЙСТВИЙ (БЕЗДЕЙСТВИЯ) ОРГАНОВ ВЛАСТИ: КОЛЛИЗИЯ СТАТУСОВ И ГАРАНТИИ ЗАКОННОСТИ

В. А. Демченко

Дальневосточный юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
Владивосток, Российская Федерация
e-mail: mail@vdemchenko.ru

А. В. Воронцов

Дальневосточный юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
Владивосток, Российская Федерация
e-mail: andrew70704@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена одному из наименее исследованных аспектов процессуального положения прокурора в административном судопроизводстве – его участию в качестве административного ответчика по делам об оспаривании решений, действий (бездействия) органов и должностных лиц самой прокуратуры. На основе анализа положений Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», актов официального толкования Верховного Суда Российской Федерации, а также судебной практики последних пяти лет авторы выявляют коллизию между участием прокурора в административном судопроизводстве как лица, направляющего заявления либо участвующего в процессе для дачи заключения, и ее процессуальным положением как субъекта, чьи акты подлежат судебному контролю. Обосновывается необходимость выработки четких критериев разграничения оспоримых и неоспоримых актов прокурорского реагирования, а также совершенствования положений статей 39 и 226 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в целях повышения гарантий законности при рассмотрении дел данной категории.

Ключевые слова: административное судопроизводство, прокурор, административный ответчик, органы прокуратуры, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации, судебный контроль, законность.

Для цитирования: Демченко В. А., Воронцов А. В. Участие прокурора в рассмотрении судами административных дел об оспаривании решений, действий (бездействия) органов власти: коллизия статусов и гарантии законности // Искусство правоведения. 2026. № 3. С. 61–70.

PROSECUTOR'S PARTICIPATION IN THE ADJUDICATION OF ADMINISTRATIVE CASES CHALLENGING DECISIONS, ACTIONS (INACTION) OF PUBLIC AUTHORITIES: COLLISION OF STATUSES AND GUARANTEES OF LEGALITY

V. A. Demchenko

Far Eastern Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation,
Vladivostok, Russian Federation
e-mail: mail@vdemchenko.ru

A. V. Vorontsov

Far Eastern Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation,
Vladivostok, Russian Federation
e-mail: andrew70704@mail.ru

Annotation. The article addresses one of the least studied aspects of the prosecutor's procedural status in administrative judicial proceedings, namely participation as an administrative defendant in cases challenging decisions, actions or omissions of the prosecutor's office itself and its officials. Drawing on the provisions of the Code of Administrative Judicial Procedure of the Russian Federation, the Federal Law "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation", the official interpretative acts of the Supreme Court of the Russian Federation, as well as case law of the last five years, the authors identify a collision between the supervisory function of the prosecutor's office and its procedural position as a subject whose acts are subject to judicial review. The article substantiates the need to develop clear criteria distinguishing contestable and non-contestable acts of prosecutorial response and to improve the wording of Articles 39 and 226 of the Code of Administrative Judicial Procedure of the Russian Federation in order to strengthen guarantees of legality in proceedings of this category.

Key words: administrative judicial procedure, prosecutor, administrative defendant, prosecutor's office, Code of Administrative Judicial Procedure of the Russian Federation, judicial review, legality.

For citation: Demchenko V. A., Vorontsov A. V. Prosecutor's Participation in the Adjudication of Administrative Cases Challenging Decisions, Actions (Inaction) of Public Authorities: Collision of Statutes and Guarantees of Legality // The Art of Law. 2026. № 3. С. 61–70.

Конституцией Российской Федерации¹ административное судопроизводство закреплено в качестве самостоятельной формы осуществления судебной власти наряду с конституционным, гражданским, арбитражным и уголовным судопроизводством (часть 2 статьи 118). Одно из центральных мест в его системе занимают дела об оспаривании решений,

действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления и их должностных лиц, рассматриваемые по правилам главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ)². Особая роль в этой категории дел принадлежит прокурору, который в силу статьи 129 Конституции Российской Федерации и статьи 1

¹ Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосов. 12 дек. 1993 г. с изм., одобр. в ходе общерос. голосов. 1 июля 2020 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации : Федеральный закон от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – Закон о прокуратуре)¹ осуществляет надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов.

Процессуальное положение прокурора в административном судопроизводстве традиционно раскрывается через две его формы участия – обращение в суд с административным иском (часть 1 статьи 39, часть 4 статьи 218 КАС РФ) и вступление в уже начатый процесс для дачи заключения по делу (часть 7 статьи 39 КАС РФ). Вместе с тем за пределами устоявшегося научного дискурса нередко остается третья, менее очевидная роль прокурора – роль административного ответчика по делам об оспаривании решений, действий (бездействия) самих органов прокуратуры. Как справедливо указывает В. А. Тюнин, участие прокурора в качестве ответчика в административном судопроизводстве имеет место именно в случаях, когда предметом оспаривания выступают акты и действия (бездействие) самой прокуратуры [1, с. 26-29]. Данное обстоятельство порождает системную коллизию – орган, призванный обеспечивать законность деятельности иных субъектов публичной власти путем инициирования судебного контроля, сам оказывается объектом такого контроля, что ставит перед наукой и практикой ряд неразрешенных до настоящего времени вопросов.

Цель настоящей статьи состоит в выявлении содержания указанной коллизии статусов, анализе судебной практики по делам, в которых органы прокуратуры выступают административными ответчиками, а также в формулировании предложений по совершенствованию законодательства, направленных на укрепление гарантий законности при рассмотрении данной категории административных дел.

¹ О прокуратуре Российской Федерации : Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

В силу положений статьи 37 КАС РФ прокурор относится к лицам, участвующим в деле, и обладает применительно к каждой из своих процессуальных ролей самостоятельным правовым статусом. Обращаясь в суд с административным иском (заявлением) в защиту прав, свобод и законных интересов граждан, неопределенного круга лиц либо публичных интересов, прокурор пользуется процессуальными правами административного истца, за исключением права на заключение соглашения о примирении и обязанности по уплате судебных расходов (часть 4 статьи 39 КАС РФ). Однако он не становится административным истцом в материально-правовом смысле, что имеет принципиальное значение при решении вопроса об отказе от административного иска – такой отказ, поданный прокурором в защиту прав другого лица, не влечет автоматического прекращения производства по делу, если само заинтересованное лицо не заявит об отказе от иска (часть 6 статьи 39 КАС РФ). Вступая же в уже начатое дело для дачи заключения, прокурор не является стороной спора и не вправе выполнять эту функцию по делу, возбужденному на основании его собственного административного искового заявления (часть 7 статьи 39 КАС РФ) – правило, прямо исключающее совмещение в одном лице функций инициатора процесса и субъекта, оценивающего законность заявленных требований.

Третья возможная роль прокурора (роль административного ответчика) принципиально отличается от двух названных тем, что здесь прокуратура утрачивает положение представителя публичного интереса, беспристрастно оценивающего законность чужих решений, и сама становится стороной, чьи решения, действия (бездействие) проверяются судом на предмет соответствия закону. Данная роль реализуется, когда различные субъекты правоотношений оспаривают в порядке главы 22 КАС РФ акты прокурорского реагирования, результаты

рассмотрения обращений либо результаты прокурорских проверок. Важное доктринальное уточнение процессуального статуса прокурора-ответчика содержится в пункте 3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.09.2016 № 36 «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации»: «прокурор, к которому предъявлен административный иск, участвует в административном судопроизводстве, обладая процессуальным статусом административного ответчика, при этом на него не распространяются положения статьи 39 и части 6 статьи 318 КАС РФ». Тем самым высшая судебная инстанция подтвердила, что процессуальные гарантии, установленные законодателем для прокурора-истца и прокурора, дающего заключение, неприменимы к прокурору, привлеченному к участию в деле в качестве ответчика, – в этом случае прокурор действует на общих основаниях, предусмотренных для административных ответчиков.

Подобная множественность процессуальных ролей прокурора не является исключительно теоретической проблемой. Она напрямую влияет на организацию работы органов прокуратуры, поскольку требует четкого разграничения ситуаций, в которых прокурор выступает представителем публичного интереса, от ситуаций, в которых прокуратура защищает совершенные ее работниками действия и принятые решения. Данное разграничение имеет значение и для доверия граждан к институту прокуратуры в целом: если по одним категориям дел прокуратура добивается признания незаконными решений иных органов власти, то по другим – сама оказывается стороной, чья законность действий ставится под сомнение, что предъявляет повышенные требования к качеству и обоснованности ее собственных решений.

Наиболее распространенной категорией дел, по которым органы прокуратуры привлекаются к участию в

качестве административных ответчиков, являются споры, связанные с оспариванием порядка рассмотрения обращений граждан и результатов проведенных по этим обращениям проверок. Как отмечает М. Н. Мирошниченко, действия (бездействие) органов прокуратуры при рассмотрении обращений граждан нередко становятся предметом судебного контроля, при этом заявители, как правило, не согласны с порядком рассмотрения обращений либо результатами проведенных проверок и полученными ответами [2, с. 79–84]. Рассмотрение органами прокуратуры обращений граждан осуществляется в порядке, установленном Федеральным законом «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»¹, а нарушение установленных этим законом требований, в том числе нарушение сроков рассмотрения обращения или ненаправление мотивированного ответа заявителю, может стать основанием для признания соответствующего бездействия органа прокуратуры незаконным.

Показательным в этом отношении является дело, рассмотренное Свердловским областным судом. Межрегиональная общественная организация обратилась с жалобой в региональную прокуратуру, просив проверить законность ведомственных актов территориального подразделения ФСИН России, ограничивающих свободу передвижения граждан во время длительных свиданий с осужденными. Начальник профильного отдела прокуратуры области направил данное обращение для рассмотрения в Главное управление ФСИН России по Свердловской области, тогда как заявитель настаивал на том, что проверка законности ведомственных нормативных актов относится к исключительным полномочиям самой прокуратуры и не

¹ О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации : Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

могла быть передана поднадзорному органу. Судебная коллегия по административным делам Свердловского областного суда апелляционным определением от 21.05.2020 по делу № 33а-5114/2020¹ признала действия соответствующего должностного лица прокуратуры незаконными, указав, что направление обращения о проверке законности ведомственных актов в тот же орган, чьи акты оспаривались, свидетельствует об уклонении прокуратуры от осуществления возложенных на нее надзорных функций. Данное дело наглядно демонстрирует, что коллизия статусов может проявляться не только в оценке содержания решений прокуратуры, но и в оценке того, надлежащим ли образом прокуратура реализовала собственные надзорные полномочия при рассмотрении обращения.

Практика последних лет подтверждает, что подобные споры носят не единичный, а системный характер.

Например, судом первой инстанции установлено, что 02.06.2021 в прокуратуру г. Заринска Алтайского края из следственного изолятора поступило обращение гражданина, в котором заявитель выражал несогласие с ответом должностного лица муниципального отдела внутренних дел, просил провести проверку и установить даты своего содержания под стражей в изоляторе временного содержания г. Заринска, которое осуществлялось в рамках уголовного дела по факту кражи. Проверив законность ответа руководителя органа внутренних дел, заместителем прокурора г. Заринска в адрес заявителя направлен ответ, из содержания которого следует, что нарушений федерального законодательства не усматривается. В части довода о сообщении даты содержания гражданина в изоляторе временного содержания в 2003 году,

должностным лицом прокуратуры разъяснено, что в соответствии с пунктом 2.1 Инструкции о порядке рассмотрения обращений и приема граждан в органах и организациях прокуратуры Российской Федерации прокуратурой разрешаются обращения, содержащие сведения о нарушениях законодательства, охраняемых законом прав и интересов человека и гражданина, интересов общества и государства. С учетом изложенного, оснований для принятия мер прокурорского реагирования заместитель прокурора г. Заринска не усматривает. Таким образом, прокурором при направлении заявителю ответа на поступившее обращение не дана оценка одному из доводов, содержащихся в нем. В этой связи бездействие прокурора в данной части признано незаконным (кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 08.12.2022 № 88А-22792/2022)².

Приведенные примеры позволяют сделать вывод о том, что участие органов прокуратуры в качестве административных ответчиков по спорам об обжаловании порядка рассмотрения обращений граждан и результатов прокурорских проверок в последние годы приобрело устойчивый и регулярно воспроизводимый в судебной практике различных регионов характер. Отдельного внимания заслуживает и вопрос о пределах судебного контроля за усмотрением прокурора при разрешении обращений: как показывает практика, суды исходят из того, что не вправе обязывать прокурора принять по итогам проверки то конкретное решение, которое, по мнению административного истца, является правильным, ограничиваясь оценкой соблюдения установленного порядка рассмотрения обращения.

Организация надлежащего представительства и защиты интересов

¹ Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Свердловского областного суда от 21 мая 2020 г. по делу № 33а-5114/2020. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 8 дек. 2022 г. по делу № 88а-22792/2022. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

прокуратуры в подобных делах имеет самостоятельное практическое значение и регламентируется приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 15.03.2018 № 144 «Об организации работы по обеспечению представительства и защите интересов органов и организаций прокуратуры Российской Федерации в судах». Как справедливо отмечают Т. И. Отческая, Д. В. Володина и И. Е. Отческий, качество организации представительства интересов прокуратуры в судах по такой категории дел напрямую влияет на эффективность реализации прокуратурой возложенных на нее функций [3, с. 12].

Проведенный анализ позволяет выделить три группы проблем, образующих содержание исследуемой коллизии статусов.

Во-первых, сохраняется объективное противоречие между ролью прокуратуры как органа, обеспечивающего законность путем инициирования судебного контроля за актами иных субъектов публичной власти, и ее собственным положением как органа, акты, решения и действия (бездействие) которого сами могут быть предметом судебного контроля. Данное противоречие наиболее ярко проявляется именно в делах об оспаривании порядка рассмотрения обращений граждан и результатов прокурорских проверок, поскольку в этих случаях прокуратура утрачивает функцию беспристрастного «контролера» и переходит в положение обычного административного ответчика, что, как обоснованно указывает М. В. Маматов, требует особого внимания к вопросам организации представительства ее интересов в суде [4].

Во-вторых, в законодательстве недостаточно четко определены критерии разграничения актов прокурорского реагирования, подлежащих оспариванию в порядке главы 22 КАС РФ, и актов, которые такому оспариванию не подлежат. Пленум Верховного Суда Российской Федерации в пункте 6 постановления от 28.06.2022 № 21 разъяснил, что о принятии

решения, порождающего правовые последствия и подлежащего судебному контролю, могут свидетельствовать, в частности, установление запрета определенного поведения, установление определенного порядка действий либо предоставление (отказ в предоставлении) права. Однако применительно именно к актам прокурорского реагирования – представлениям об устранении нарушений закона, протестам, предостережениям о недопустимости нарушения закона и др. – вопрос о том, какие из них порождают самостоятельные правовые последствия, а какие носят промежуточный, организационный характер и не подлежат отдельному судебному оспариванию, остается дискуссионным и решается судами преимущественно казуистически, в зависимости от конкретных обстоятельств дела.

В-третьих, не в полной мере урегулирован вопрос о пределах судебного контроля за усмотрением прокурора при осуществлении полномочий по рассмотрению обращений граждан и проведению прокурорских проверок. Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 17.02.2015 № 2-П¹ были сформулированы важные правовые позиции относительно пределов

¹ По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 6, пункта 2 статьи 21 и пункта 1 статьи 22 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с жалобами межрегиональной ассоциации правозащитных общественных объединений «Агора», межрегиональной общественной организации «Правозащитный центр «Мемориал», международной общественной организации «Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал», региональной общественной благотворительной организации помощи беженцам и вынужденным переселенцам «Гражданское содействие», автономной некоммерческой организации правовых, информационных и экспертных услуг «Забайкальский правозащитный центр», регионального общественного фонда «Международный стандарт» в Республике Башкортостан и гражданки С.А. Ганнушкиной : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 февраля 2015 г. № 2-П. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

полномочий прокурора при проведении проверок и гарантий прав проверяемых лиц, однако вопрос о степени детализации судебного контроля именно за организационно-распорядительной стороной деятельности прокурора – выбором конкретной формы реагирования, установлением сроков и порядка проверки – сохраняет открытый характер. Данная неопределенность подтверждается и современными исследованиями О. А. Гуреевой и Л. С. Булгаковой, посвященными процессуальным аспектам реализации полномочий прокурора в административном судопроизводстве и процессе, авторы которых обращают внимание на необходимость более четкой регламентации пределов усмотрения прокурора при реализации соответствующих полномочий [5, с. 180–190].

Указанные проблемы усугубляются общей асимметрией правового регулирования участия прокурора в административном судопроизводстве: если по делам об оспаривании нормативных правовых актов участие прокурора в судебном заседании является обязательным в силу части 4 статьи 213 КАС РФ, то по делам об оспаривании ненормативных решений, действий (бездействия) органов власти, местного самоуправления и их должностных лиц глава 22 КАС РФ подобного правила не содержит. На данную асимметрию обоснованно обращает внимание А. Ю. Кравцов применительно к процессуальному статусу прокурора по делам об оспаривании нормативных правовых актов [6, с. 55–65], а сохраняющаяся дискуссия Г. Н. Глуздак о процессуальном положении прокурора как заинтересованного лица по отдельным категориям административных дел лишь подтверждает недостаточную теоретическую и нормативную определенность его статуса в целом [7, с. 67].

Выявленная коллизия статусов не может быть устранена исключительно средствами правоприменительного

толкования, ее разрешение требует внесения точечных изменений в действующее законодательство [8, с. 153].

Так, в первую очередь, представляется необходимым устранить асимметрию правового регулирования участия прокурора по делам об оспаривании нормативных и ненормативных актов. Поскольку дела об оспаривании решений, действий (бездействия) органов власти нередко затрагивают существенные публичные интересы и права неопределенного круга лиц, а само по себе участие прокурора в их рассмотрении способно служить дополнительным источником информации о нарушениях закона в рамках осуществления надзорной деятельности, видится обоснованным дополнить статью 226 КАС РФ частью 4.1 следующего содержания: «Административное дело об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, иных органов, организаций, наделенных отдельными государственными или иными публичными полномочиями, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих рассматривается с участием прокурора. В случае, если административное дело возбуждено на основании административного искового заявления прокурора, он не дает заключение по этому административному делу. В случае, если административное дело возбуждено не на основании административного искового заявления прокурора, прокурор, вступивший в судебный процесс, дает заключение по этому административному делу».

Следующее предложение направлено на устранение доктринальной неопределенности правовой природы заключения прокурора, требований к его форме и содержанию. Действующая редакция части 7 статьи 39 КАС РФ ограничивается указанием на случаи, в которых прокурор вступает в процесс для дачи заключения, не раскрывая ни требований к содержанию такого заключения, ни порядка его представления

суду. Полагаем целесообразным изложить часть 7 статьи 39 КАС РФ в следующей редакции: «Прокурор вступает в судебный процесс и дает заключение по административному делу в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом и другими федеральными законами. Прокурор не дает заключение по административному делу, если административное дело возбуждено на основании его административного искового заявления. По окончании рассмотрения дела по существу суд предоставляет слово для заключения по делу прокурору. Заключение по делу является правовой оценкой прокурора о законности и обоснованности заявленных требований. Заключение по делу должно быть мотивированным, основанным на нормах материального и процессуального права, а также на доказательствах, которые были исследованы в судебном заседании. Не позднее трех рабочих дней со дня объявления судом резолютивной части решения по делу прокурор, участвующий в деле, либо вышестоящий по отношению к нему прокурор предоставляет в суд заключение, оформленное в соответствии с требованиями, установленными соответствующим организационно-распорядительным документом Генерального прокурора Российской Федерации».

Третье предложение непосредственно связано с исследуемой в настоящей статье коллизией статусов и заключается в необходимости выработки на уровне разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации четких критериев разграничения актов и решений органов прокуратуры, подлежащих и не подлежащих оспариванию в порядке главы 22 КАС РФ. Отсутствие таких критериев препятствует формированию единообразной судебной практики по делам, в которых прокуратура выступает административным ответчиком, и создает для граждан и организаций неопределенность относительно самой возможности судебной защиты их прав в подобных ситуациях.

Далее обратим внимание на необходимость закрепления в соответствующем организационно-распорядительном документе Генерального прокурора Российской Федерации критериев выбора прокурором судебной формы защиты публичных интересов по отношению к иным, внесудебным средствам прокурорского реагирования. Обращение прокурора в суд по своей природе носит субсидиарный характер и должно применяться в случаях, когда внесудебные средства реагирования не привели к устранению нарушений закона; закрепление подобных правил способствовало бы повышению эффективности прокурорской деятельности и единообразию правоприменительной практики.

Наконец, последнее предложение имеет системный характер и заключается в необходимости обеспечения согласованности норм КАС РФ и Закона о прокуратуре, устранении имеющихся между ними противоречий, а также систематизации ведомственного регулирования участия прокурора в административном судопроизводстве, в том числе в части регламентации порядка участия органов прокуратуры в качестве административного ответчика, включая вопросы определения надлежащего представителя прокуратуры в суде и организации защиты ее интересов. Реализация данного предложения, как видится, позволила бы устранить существующую в настоящее время фрагментарность правового регулирования, при которой соответствующие нормы рассредоточены по КАС РФ, Закону о прокуратуре и ведомственным приказам Генерального прокурора Российской Федерации.

Проведенное исследование позволяет прийти к выводу о том, что участие прокурора в качестве административного ответчика представляет собой самостоятельную и наименее исследованную составляющую его многогранного процессуального статуса в административном

судопроизводстве. В отличие от ролей административного истца и субъекта, дающего заключение по делу, в которых прокурор выступает представителем публичного интереса и надзорной функции государства, в роли административного ответчика прокуратура оказывается объектом того же самого судебного контроля, инициатором которого она выступает по иным категориям дел. Данная двойственность статуса не является исключительно теоретической конструкцией: судебная практика последних пяти лет подтверждает, что споры об оспаривании порядка рассмотрения обращений граждан и результатов прокурорских проверок приобрели устойчивый, регулярно воспроизводимый в различных регионах характер.

Разрешение выявленной коллизии статусов требует комплексного подхода, сочетающего совершенствование законодательства (в том числе путем дополнения статьи 226 и изменения части 7 статьи 39 КАС РФ), выработку разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по критериям разграничения оспоримых и неоспоримых актов прокурорского реагирования, а также систематизацию ведомственного регулирования организации представительства и защиты интересов прокуратуры в судах. Реализация предложенных мер способна не только повысить эффективность участия прокурора в административном судопроизводстве, но и укрепить доверие граждан к институту прокуратуры в целом, обеспечив ее последовательное соответствие конституционному предназначению как органа, стоящего на страже законности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Тюнин В. А. Участие прокурора в качестве ответчика в административном судопроизводстве // Законность. 2018. № 5. С. 26–29. EDN: XUKNVJ.
2. Мирошниченко М. Н. Проблемы правоприменения по делам об

оспаривании решений, действий (бездействия) органов прокуратуры при рассмотрении обращений // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2022. № 5 (91). С. 79–84. EDN: SYWNBМ.

3. Отческая Т. И., Володина Д. В., Отческий И. Е. Теория и практика участия прокурора в рассмотрении судами гражданских, административных и арбитражных дел : учебное пособие. Москва : Проспект, 2023. 224 с. ISBN 978-5-392-38943-8. EDN: BVWJBO.

4. Участие прокурора в административном судопроизводстве : коллективная монография / М. В. Маматов, Е. В. Кремнева, И. А. Маслов и др. ; Университет прокуратуры Российской Федерации. Москва : Городец, 2024. 416 с. ISBN 978-5-907762-36-7.

5. Гуреева О. А., Булгакова Л. С. Процессуальные аспекты реализации полномочий прокурора в административном судопроизводстве и процессе // Вопросы российского и международного права. 2025. Т. 15, № 2А. С. 180–190. EDN: VQQLZR.

6. Кравцов А. Ю. Особенности процессуального статуса прокурора по административным делам об оспаривании нормативных правовых актов // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2023. № 4 (107). С. 55–65. DOI: 10.55001/2312-3184.2023.10.37.005. EDN: BJPAХN.

7. Глуздал Г. Н. Об участии прокурора в административном судопроизводстве в качестве заинтересованного лица // NB: Административное право и практика администрирования. 2025. № 3. С. 66–74. DOI: 10.7256/2306-9945.2025.3.76729. EDN: CLJBXP.

8. Демченко В. А. Правовые критерии оценки законности принимаемых прокурором решений при осуществлении надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина // Вопросы российского и международного права. 2024. Т. 14, № 11-1. С. 149–155. EDN: KVLDOU.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Демченко Василий Александрович, старший преподаватель кафедры прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности и участия прокурора в уголовном судопроизводстве Дальневосточного юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации (Российская Федерация, 690091, г. Владивосток, ул. Суханова, 8), ORCID: 0000-0002-7869-0764, РИНЦ Author ID: 866873, e-mail: mail@vdemchenko.ru.

Воронцов Андрей Витальевич, студент 5 курса юридического факультета Дальневосточного юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации (Российская Федерация, 690091, г. Владивосток, ул. Суханова, 8), e-mail: andrew70704@mail.ru.

Demchenko Vasily Aleksandrovich, Senior Lecturer at the Department of Prosecutorial Supervision of Law Enforcement in Operational Investigative Activities and Prosecutor's Participation in Criminal Proceedings of the Far Eastern Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (Russian Federation, 690091, Vladivostok, Sukhanova st., 8), ORCID: 0000-0002-7869-0764, РИНЦ Author ID: 866873, e-mail: mail@vdemchenko.ru.

Vorontsov Andrey Vitalievich, 5th year student of the Law Faculty of the Far Eastern Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (Russian Federation, 690091, Vladivostok, Sukhanova st., 8), e-mail: andrew70704@mail.ru.

**ПУБЛИЧНО-ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕВЫПОЛНЕНИЕ
ЗАКОННЫХ ТРЕБОВАНИЙ ПРОКУРОРА: СТАТЬЯ 17.7 КОАП РФ И СТАТЬЯ 296
УК РФ В СВЕТЕ ОНТОЛОГИИ ПРАВОВОГО СТАТУСА ПРОКУРОРА****М. Ю. Попик**

Университет прокуратуры
Российской Федерации,
Москва, Российская Федерация
e-mail: Popik.m.u@gmail.com

Аннотация. В статье предпринята попытка отойти от сугубо функционального исследования роли прокуратуры и рассмотреть правовой статус прокурора через призму онтологии права. Автор исследует природу гарантий, предусмотренных статьями 17.7 КоАП РФ и статьей 296 УК РФ, и обосновывает тезис о том, что данные гарантии направлены на защиту не личности должностного лица, а общества в целом. В развитие этой концепции рассматривается новейшая законодательная инициатива Министерства юстиции РФ по ужесточению санкций статьи 296 УК РФ, что позволяет констатировать формирование новой доктрины государственно-правовой охраны органов прокуратуры как неотъемлемого элемента суверенной правовой системы. Автор приходит к выводу о практической востребованности комплексного и сравнительного исследования положений статьи 17.7 КоАП РФ с иными нормами, обеспечивающими административно-правовую и уголовную защиту функционирования публичных институтов власти.

Ключевые слова: онтология права, система разделения властей, правовой статус прокурора, гарантии законности, статья 17.7 КоАП РФ, статья 296 УК РФ, публичный интерес.

Для цитирования: Попик М. Ю. Публично-правовая природа ответственности за невыполнение законных требований прокурора: статья 17.7 КоАП РФ и статья 296 УК РФ в свете онтологии правового статуса прокурора // Искусство правове́дения. 2026. № 3. С. 71–77.

**THE PUBLIC-LAW NATURE OF LIABILITY FOR FAILURE TO COMPLY WITH
THE PROSECUTOR'S LAWFUL DEMANDS: ARTICLE 17.7 OF THE CODE OF
ADMINISTRATIVE OFFENCES OF THE RUSSIAN FEDERATION AND ARTICLE 296
OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION IN LIGHT OF THE
ONTOLOGY OF THE PROSECUTOR'S LEGAL STATUS****M. Yu. Popik**

University of the Prosecutor's Office
of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation
e-mail: Popik.m.u@gmail.com

Annotation. The article attempts to move beyond a purely functional analysis of the prosecutor's office role and examine the legal status of the prosecutor from the prospective of the ontology of law. The author explores the nature of the guarantees provided for in Article 17.7 of the

Code of Administrative Offences of the Russian Federation and Article 296 of the Criminal Code of the Russian Federation and substantiates the thesis that these guarantees are geared not at protecting the personality of the official, but at safeguarding the society as a whole. In furtherance of this concept, the latest legislative initiative of the Ministry of Justice of the Russian Federation to tighten the sanctions of Article 296 of the Criminal Code of the Russian Federation is examined, which makes it possible to state the formation of a new doctrine of state-legal protection of the prosecutor's office bodies as an integral element of a sovereign legal system. The author arrives at the conclusion that a comprehensive comparative study of Article 17.7 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation in conjunction with other provisions that provide administrative and criminal legal protection for the functioning of public institutions, is a matter of practical demand.

Key words: ontology of law, separation of powers, legal status of the prosecutor, guarantees of legality, Article 17.7 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation, Article 296 of the Criminal Code of the Russian Federation, public interest.

For citation: Popik M. Yu. The Public-Law Nature of Liability for Failure to Comply with the Prosecutor's Lawful Demands: Article 17.7 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation and Article 296 of the Criminal Code of the Russian Federation in Light of the Ontology of the Prosecutor's Legal Status // The Art of Law. 2026. № 3. С. 71–77.

Вне всяких сомнений любая признанная наука имеет в своей основе философские корни, и наука о прокурорской деятельности в этом смысле не является исключением [1, с. 154]. Философский фундамент задает мировоззренческие ориентиры любой сферы знаний, определяет ее методологию познания и позволяет выйти за пределы сугубо прикладных, инструментальных трактовок исследуемых явлений. Именно поэтому обращение к философским категориям в правовых исследованиях необходимо для постижения глубинной сущности правовых институтов, их предназначения и места в системе социального регулирования. В полной мере это относится и к институту прокуратуры, который, несмотря на многовековую историю своего существования и детальную нормативную регламентацию, остается предметом острых научных дискуссий, особенно в части определения места и роли прокуратуры в государственном аппарате. В настоящей работе предпринята попытка обратиться к категории правового статуса прокурора в системе властных отношений в его онтологическом аспекте, а также рассмотреть положения статьи 17.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от

30.12.2001 № 195-ФЗ и статьи 296 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ в качестве составных элементов особого правового статуса прокурора. Представляется, что именно онтологический ракурс на указанные категории дает возможность увидеть прокуратуру как системообразующий элемент в системе организации государственных органов, функционирующий на стыке различных ветвей власти и правовых режимов.

В современной юридической науке понятие «онтология права» рассматривается как учение о праве в его различении с законом, исследующее основания существования права, его характеристики и присущие исключительно ему свойства [2, с. 64]. Как отмечает В. С. Нерсисянц, онтология права обращается к фундаментальному вопросу о том, что есть право, как объективная идеальная сущность [3, с. 38].

Применительно к правовому статусу прокурора онтологический подход означает исследование его сущностных характеристик, обуславливающих роль и место прокуратуры в системе государственного устройства. Согласно постулатам общей теории права правовой статус государственного органа в широком

его понимании определяется как нормативно закрепленное положение субъекта в иерархически организованной системе публичной власти, которое включает в себя такие системообразующие элементы, как порядок создания и упразднения органа, его внутренняя организационная структура, иерархическое место в системе государственных институтов, закрепленные законом цели, задачи и функции, а также правовые механизмы их реализации и гарантии деятельности того или иного органа [4, с. 109 ; 5, с. 7–8]. В отношении правового статуса прокурора указанная теоретическая конструкция исследуется через призму полномочий, функций и гарантий его деятельности, закрепленных как в Конституции Российской Федерации, общепризнанных принципах и нормах международного права, международных договорах Российской Федерации и соответствующих специализированных нормативных правовых актах, в частности, в Федеральном законе от 17.01.1992 № 2202-І «О прокуратуре Российской Федерации», так и в организационно-распорядительных документах Генерального прокурора Российской Федерации [6, с. 36]. Однако говоря об онтологическом анализе правового статуса прокуратуры, необходимо выйти за рамки формального перечня признаков и обратиться к вопросу о том, почему правовой статус прокуратуры в современный период является именно таким и чем он характеризуется.

Правовой статус прокуратуры обусловлен свойствами правового и демократического государства, а также объективными потребностями обеспечения верховенства права и защиты прав и свобод человека и гражданина. Можно утверждать, что прокуратура выполняет системообразующую функцию и представляет собой независимую централизованную систему федеральных государственных органов, предназначенных для осуществления от имени Российской Федерации функций надзора за исполнением законов и

соблюдения прав и свобод человека и гражданина, уголовного преследования, а также выполняющих иные функции.

Тем не менее вопрос о принадлежности прокуратуры к одному из классических видов ветвей власти как в научных кругах, так и среди практиков остается дискуссионным. И хотя в современной российской науке сложилось несколько различных подходов к определению места прокуратуры в государственном устройстве [7, с. 202], остается очевидным тот факт, что ни одна из ветвей власти не раскрывает полностью всего объема полномочий, которыми наделен институт прокуратуры в Российской Федерации. Заслуживает критической оценки позиция ряда исследователей, рассматривающих прокуратуру в качестве особого органа *sui generis* [8, с. 100]. Так, анализируя данную проблему, С. Г. Рокитянский приходит к выводу, что действующий подход законодателя к определению статуса прокуратуры следует рассматривать как его осознанное решение и, следовательно, как ключевую характеристику статуса российской прокуратуры. В этом случае действительно принципиальное значение приобретает не место прокуратуры в системе разделения властей, а тот реальный правовой статус, которым наделен институт российской прокуратуры в целом и та роль, которую играет отдельно взятый прокурор в механизме реализации государственной воли. Указанный вывод и приводит к онтологическому взгляду на роль и место института прокуратуры. Таким образом, с онтологической точки зрения, отказ законодателя от однозначной привязки прокуратуры к определенной ветви власти свидетельствует о том, что властная природа этого института кроется не в институциональном соподчинении, а в его особом правовом статусе.

Такой подход позволяет сделать вывод о том, что в категориях онтологии права прокурор реализует возложенные на него государственно-властные полномочия не как частное лицо, а как носитель

определенного правового статуса, выражая при этом публичную императивную волю государства.

В контексте сказанного стоит отметить двойственность статуса прокурора, который перестает быть исключительно участником процесса и становится в некотором роде «гарантом» обеспечения законности и соблюдения прав и свобод человека и гражданина. Указанная двойственность также находит свое выражение в том, что, с одной стороны, прокурор обладает дискреционными властными полномочиями, включая право применения мер государственного принуждения; с другой – его деятельность строго регламентирована правовыми рамками. Данное обстоятельство определяет особый характер правоотношений, возникающих между прокурором и субъектами, чья деятельность подлежит надзору. В подобных правоотношениях прокурор выступает исключительно от имени государства, что придает его статусу публично-правовую природу. Представляется, что именно в этом находит свое отражение онтологический аспект правового статуса прокуратуры.

Изложенное позволяет предложить следующее определение онтологии правового статуса прокурора применительно к целям настоящего исследования. Под ней понимается сущностная характеристика, определяющая роль и место института прокуратуры в системе государственного устройства, которая проявляется в публично-правовой природе статуса прокурора, межотраслевом характере его полномочий и особом назначении установленных законом гарантий прокурорской деятельности. Указанные элементы находятся в системной взаимосвязи и в совокупности образуют содержательную основу статуса. Вместе с тем практическая реализация данного статуса невозможна без его адекватной защищенности, в связи с чем представляется необходимым обеспечение повышенного уровня охраны статуса

прокурора средствами как административно-правового, так и уголовно-правового характера.

В связи с этим возникает вопрос о публично-правовой природе гарантий, защищающих статус и роль прокурора как субъекта властных отношений. Статья 17.7 КоАП РФ, предусматривающая наказание за невыполнение законных требований прокурора, является одной из таких гарантий. Согласно традиционному подходу к толкованию положений статьи 17.7 КоАП РФ, указанная норма рассматривается в качестве административно-правового барьера, обеспечивающего дисциплину исполнения предписаний надзорного органа. В узком смысле эта норма действительно гарантирует реализацию отдельных полномочий прокурора в ходе проверок. В рамках онтологического анализа напротив обнаруживается принципиально иная плоскость: гарантии, заложенные в диспозиции и санкции статьи 17.7 КоАП РФ, защищают не саму личность прокурора, а общество в целом. Уклонение от исполнения требований прокурора таким образом посягает на сам принцип верховенства закона, ведь общество, делегируя государству право на оправданное и ограниченное правом применение силы [3, с. 103], заинтересовано в том, чтобы любые законные веления безусловно исполнялись. В этом смысле статья 17.7 КоАП РФ выполняет не столько охранительную, сколько стабилизирующую функцию – она удерживает систему от хаоса, возникающего при игнорировании публичных предписаний. Прокурор здесь выступает проводником государственной воли, а объектом посягательства, следовательно, является общественный правопорядок.

Онтологическая концепция о публично-правовой природе защищаемых интересов находит свое отражение и в наиболее актуальных новациях российского законодательства. В этой связи хотелось бы отметить последние

предложения по внесению изменений в статью 296 Уголовного кодекса РФ, представленные Министерством юстиции Российской Федерации.

Действующая редакция статьи 296 УК РФ предусматривает дифференцированную ответственность за угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью в зависимости от статуса потерпевшего. При этом налицо правовая коллизия: угроза в адрес судей, присяжных или прокуроров, классифицируемая в части 2 статьи 296 УК РФ, считается менее тяжким преступлением и предусматривает меньшие сроки наказания – до трех и двух лет соответственно, – в то время как угроза убийством любому иному должностному лицу, исполняющему служебные обязанности, наказывается лишением свободы на срок до пяти лет.

Этот дисбаланс приводит к ситуации, в которой лица, осуществляющие правосудие и прокурорский надзор, оказываются законодательно менее защищены, чем чиновники иных категорий [9, с. 85]. Подобная дифференциация вступает в некоторое противоречие с конституционным принципом равенства и, что более важно, онтологически искажает статус прокурора, подрывая его авторитет и публичную значимость.

Представленный Министерством юстиции Российской Федерации законопроект предлагает устранить эту коллизию и привести санкции по части 2 статьи 296 УК РФ в соответствие с более строгими нормами, установив единое максимальное наказание в виде лишения свободы на срок до пяти лет. Указанная корректива является не просто технической правкой, а важнейшим онтологическим маркером. Она свидетельствует о законодательном признании того, что угроза в адрес прокурора или судьи – это угроза не конкретной жизни или здоровью гражданина, а угроза государственному правопорядку как таковому.

Взятые во взаимосвязи статья 17.7 КоАП РФ и статья 296 УК РФ образуют часть единой онтологической основы правового статуса прокурора. Обе нормы, несмотря на различную отраслевую принадлежность, в онтологическом измерении защищают единый объект, а именно верховенство закона и стабильность правопорядка. Объединяет эти нормы тот факт, что в обоих случаях личность прокурора выступает не в качестве бенефициара защиты, а в качестве «объекта-символа» или проводника публичной воли государства. А конечным объектом защиты в этой связи является общество, заинтересованное в беспрепятственном функционировании механизма юридической ответственности.

Предложенное Минюстом России ужесточение санкций, таким образом, не просто повышает меру наказания, а в некоторой степени восстанавливает онтологическую справедливость, утверждая единый стандарт неприкосновенности всех лиц, наделенных публичными функциями правового надзора и правосудия. Можно даже утверждать, что подобный взгляд на концепцию гарантий правового статуса прокурора свидетельствует о переходе от персонифицированной охраны личности прокурора к системной охране порядка отправления публичной власти, а значит и о дальнейшем развитии публичного вектора правовой политики государства.

В перспективе развитие данного подхода может потребовать пересмотра ряда процессуальных институтов с целью обеспечения комплексной безопасности лиц, чьи профессиональные обязанности связаны с реализацией надзорных и судебных полномочий, что станет следующим шагом в укреплении правового государства и гражданского общества.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что онтология правового статуса прокурора предопределяет и особый характер мер государственного принуждения, направленных на обеспечение выполнения

законных требований прокурора. С этой точки зрения различные по своей отраслевой принадлежности статьи 17.7 КоАП РФ и 296 УК РФ выполняют одинаковую по своей сути задачу, обеспечивая единство и устойчивость государственной власти.

Между тем, в отношении указанных категорий в правоприменительной практике обнаруживается еще один аспект, не столь изученный в научной литературе: соотношение административной ответственности за невыполнение законных требований прокурора с иными мерами административно-правового обеспечения функционирования институтов государственной власти (гл. 17 КоАП РФ) и порядка управления (гл. 19 КоАП РФ), а также корреспондирующими уголовно-правовыми мерами охраны общественных отношений. Потенциальная вероятность возникновения коллизий и дублирования при квалификации конкретных деяний по указанным различным нормам заставляет задуматься о необходимости более глубокого изучения этой проблемы, представляющей не только научный, но и практический интерес. Представляется, что комплексный компаративный анализ необходим для подготовки теоретического фундамента, способного предоставить правоприменителю реальные и действующие механизмы для построения целостной системы правовых гарантий прокурорской деятельности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Винокуров А. Ю. Философские подходы к науке о прокурорской деятельности // Российский журнал правовых исследований. 2017. № 1(10). С. 151–154. EDN: ZTCYLN.
2. Тимошина Е. В. Разделительный тезис либертарно-юридической теории и основания действительности права //

Труды Института государства и права РАН = Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2018. Т. 13, № 4. С. 57–82. EDN: XZJAWD.

3. Нерсисянц В. С. Философия права. Москва : Норма, 2005. 656 с.

4. Бахрах Д. Н. Административное право России : учебник. Москва : Норма, 2010. 640 с. ISBN 978-5-699-40071-3. EDN: QRONUJ.

5. Шевердяев С. Н. Проблемы разработки конституционно-правовых основ статуса представителя власти. Москва : НОЦ КИМС, 2015. 47 с.

6. Прокурорский надзор за исполнением законов вне уголовно-правовой сферы: проблемы теории и практики : монография. Москва : Проспект, 2023. 400 с.

7. Рябцев В. П., Алексеев А. И., Бессарабов В. Г. Роль и место органов прокуратуры в системе государственных институтов Российской Федерации // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2023. № 3(95). EDN: WURYMG.

8. Рокитянский С. Г. Место прокуратуры в государственном механизме Российской Федерации: теоретический, исторический и нормативный аспекты // Право Журнал Высшей школы экономики. 2023. № 4. С. 81–102. DOI: 10.17323/2072-8166.2023.4.81.102. EDN: UBDXOS.

9. Яшин А. В. К вопросу о совершенствовании уголовной ответственности за угрозу или насильственные действия в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования // Общество: политика, экономика, право. 2021. № 1. С. 81–85. DOI: 10.24158/per.2021.1.15. EDN: GVARMP.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Попик Михаил Юрьевич, соискатель Университета прокуратуры Российской Федерации (Российская Федерация, 117638, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1), e-mail: Popik.m.u@gmail.com.

Popik Mikhail Yurievich, An applicant in the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (Russian Federation, 117638, Moscow Azovskaya st, b. 2, k. 1), e-mail: Popik.m.u@gmail.com.

**ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ МЕХАНИЗМА КВОТИРОВАНИЯ
РАБОЧИХ МЕСТ ДЛЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ****А. Ю. Усов**

Иркутский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
г. Иркутск, Российская Федерация
e-mail: alexus_555@mail.ru

А. Г. Гудкова

Иркутский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
г. Иркутск, Российская Федерация
e-mail: anna.gudkova.06@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется институт квотирования рабочих мест для несовершеннолетних в Российской Федерации. Выявлены пробелы в федеральном законодательстве, выражающиеся в отсутствии легального определения понятия «квота» и единых параметров квотирования для несовершеннолетних, что приводит к значительной дифференциации в региональном регулировании.

На основе сравнительно-правового анализа установлено, что действующая императивная модель квотирования демонстрирует ограниченную эффективность, сопровождается формальным выполнением работодателями обязанностей, фиктивным созданием рабочих мест, подменой трудовых договоров гражданско-правовыми. Рассмотрен зарубежный опыт, свидетельствующий о приоритете стимулирующих и образовательных механизмов перед карательно-распределительными.

Обоснована необходимость комплексного подхода, включающего: сохранение квотирования с усилением профориентационной составляющей; создание производственных кластеров в рамках национальных проектов для совмещения обучения и труда; внедрение налоговых льгот и субсидий для работодателей; масштабное развитие института наставничества. Предлагаемые меры коррелируют с национальными целями развития РФ и стратегическими задачами пространственного развития.

Ключевые слова: квотирование, несовершеннолетние работники, работодатель, правовое регулирование, занятость, труд, трудовые отношения.

Для цитирования: Усов А. Ю., Гудкова А. Г. Перспективы развития механизма квотирования рабочих мест для несовершеннолетних // Искусство правоведения. 2026. № 3. С. 78–86.

**PROSPECTS FOR DEVELOPING
A JOB QUOTA MECHANISM FOR MINORS****A. J. Ussov**

Irkutsk Law Institute (branch) of the University
of the Prosecutor's Office of the Russian Federation,
Irkutsk, Russian Federation
e-mail: alexus_555@mail.ru

A. G. Gudkova

Irkutsk Law Institute (branch) of the University
of the Prosecutor's Office of the Russian Federation,
Irkutsk, Russian Federation
e-mail: anna.gudkova.06@mail.ru

Annotation. The article analyzes the institution of job quotas for minors in the Russian Federation. Gaps in federal legislation have been identified, manifested in the absence of a legal definition of the term “quota” and uniform parameters for quota setting for minors, which leads to significant differentiation in regional regulation.

Based on a comparative legal analysis, it was established that the current imperative model of quota setting demonstrates limited effectiveness, accompanied by formal compliance by employers, fictitious creation of jobs, and substitution of labor contracts with civil law contracts. Foreign experience was examined, indicating the priority of incentive-based and educational mechanisms over punitive-distributive approaches.

The necessity of a comprehensive approach was substantiated, including: maintaining quotas while strengthening the career guidance component; creating industrial clusters within the framework of national projects to combine learning and work; introducing tax incentives and subsidies for employers; and large-scale development of the mentoring institution. The proposed measures correlate with the national development goals of the Russian Federation and the strategic tasks of spatial development.

Key words: job quotas, minor workers, employer, legal regulation, employment, labor, labor relations.

For citation: Ussov A. J. Gudkova A. G. Prospects for Developing a Job Quota Mechanism for Minors // The Art of Law. 2026. № 3. С. 78–86.

В процессе масштабных социально-экономических преобразований, осуществленных на рубеже XX–XXI веков на территории России, произошел переход от планово-распределительной системы хозяйствования к рыночной модели экономики. Эта трансформация оказала комплексное воздействие на все институты общественной жизни, включая сферу регулирования трудовых отношений. Либерализация экономического уклада устранила существовавшие ранее барьеры для осуществления предпринимательской деятельности, что привело к появлению значительного числа работодателей, не находящихся в прямой зависимости от государства. Изменение ситуации на рынке труда и усилившаяся социальная дифференциация способствовали увеличению количества случаев нарушения трудовых прав несовершеннолетних.

В этой связи стоит отметить, что до XIX века в России детский труд не регламентировался в законодательстве,

лишь к концу XIX века были приняты законы, которые официально его регулировали, и это стало шагом для последующего развития трудового законодательства уже в советской России. Постепенно появилось законодательство, которое обеспечивало лицам до 18 лет право на медицинский осмотр, кроме того, вводился запрет на сверхурочный и ночной труд, запрет работы в выходные дни. Конвенция о правах ребенка 1989 года определила границы прав несовершеннолетних, и стала главным международным документом, на который опиралось законодательство всех государств, к этой Конвенции присоединившихся [1. с. 231].

Необходимость особой защиты работников в возрасте до 18 лет обусловлена тем, что несовершеннолетние пока еще не обладают в полной мере дееспособностью, могут не осознавать правовых последствий некоторых своих действий, пренебрегать соблюдением своих трудовых прав (например, в сфере

охраны труда или социального и пенсионного страхования и пр.), и поэтому со стороны государства требуются дополнительные механизмы защиты, поддержки труда несовершеннолетних. Одной из государственных гарантий в сфере занятости несовершеннолетних является механизм квотирования рабочих мест. Целью настоящего исследования является анализ характерных нарушений в сфере квотирования рабочих мест для несовершеннолетних и выработка предложений по совершенствованию правового регулирования в данной области.

На сегодняшний день определение понятия «квота» на уровне федерального законодательства не встречается, но это понятие раскрывается в некоторых региональных законах. Так, согласно Закону Московской области «О квотировании рабочих мест», квота – это минимальное количество рабочих мест для определённых категорий граждан, которых работодатель обязан трудоустроить, включая количество рабочих мест, на которых уже работают лица указанных категорий¹. В Законе Нижегородской области от 13 ноября 2024 года №134-З, квота – это минимальное количество рабочих мест (должностей) в процентах от среднесписочной численности работников, на которые работодатель обязан трудоустроить граждан, испытывающих трудности в поиске работы².

Исходя из названных определений, в настоящей работе предлагается под квотой понимать установленное для работодателя минимальное количество рабочих мест, на которое он обязан трудоустроить определенную категорию

граждан, нуждающихся в дополнительных гарантиях занятости, и в которое включаются уже работающие сотрудники этих категорий. При этом квотирование рабочих мест, по нашему мнению, это деятельность работодателя, в ходе которой происходит трудоустройство особо нуждающихся в социальной защите и испытывающих трудности в поиске работы граждан на минимальное количество рабочих мест, установленное в процентном отношении к среднесписочной численности работников организации, граждан. Законодательное регулирование квотирования осуществляется, прежде всего, в федеральном законе № 565-ФЗ от 12 декабря 2023 г. «О занятости населения в Российской Федерации», который, вместе с тем, предусматривает обязательность квотирования рабочих мест исключительно для лиц с ограниченными возможностями. Так, при численности организации от 100 человек – от 2 до 4% от среднесписочной численности, а при численности 35–100 человек – до 3% от среднесписочной численности³.

При этом регулируя институт квотирования рабочих мест в отношении несовершеннолетних, законодатель применяет более размытую формулировку, что представляется не совсем корректным. Так, согласно части 2 статьи 11 Федерального закона от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», в случае приема на работу лиц в возрасте до 18 лет предоставляются гарантии и льготы при совмещении работы с обучением, а также в отношении них может осуществляться *резервирование* (курсив наш – А. Ю Усов, А. Г. Гудкова) отдельных видов работ (профессий) для трудоустройства граждан, особо нуждающихся в социальной защите, или определение числа рабочих мест для трудоустройства таких граждан, что фактически является квотированием

¹ О квотировании рабочих мест : закон Московской области от 25 апреля 2008 г. №53/2008-ОЗ : ред. от 04 июня 2025 г. URL: <https://docs.cntd.ru/document/819045940> (дата обращения: 23.12.2025).

² О квотировании рабочих мест : закон Нижегородской области от 13 ноября 2024 г. №134-З : ред. от 26 декабря 2025 г. URL: <https://docs.cntd.ru/document/407489955> (дата обращения: 25.12.2025).

³ О занятости населения в Российской Федерации : Федеральный закон от 12 дек. 2023 г. №565-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

рабочих мест¹. Детализация конкретных параметров квотирования рабочих мест для несовершеннолетних делегирована федеральным законодателем на уровень регионов, и, стоит отметить, что сравнительно-правовой анализ регионального законодательства выявляет существенные различия в подходах к установлению обязанностей работодателей по квотированию рабочих мест для несовершеннолетних в разных субъектах Российской Федерации.

Региональные различия по определению доли квотируемых мест обусловлены тем, что каждый субъект Российской Федерации самостоятельно определяет баланс между потребностями в защите прав молодежи в сфере занятости и возможностями работодателей по трудоустройству этой категории граждан. Регионы с преобладанием крупных предприятий устанавливают, как правило, большую квоту, но и более высокий порог численности работников, от которой определяется квота на трудоустройство несовершеннолетних, ориентируясь на возможности крупного бизнеса по созданию специализированных рабочих мест. Регионы с напряженной ситуацией на рынке труда либо с меньшим количеством крупных предприятий, чаще всего, устанавливают меньшую квоту и низкий порог численности работников, от которой определяется квота на трудоустройство несовершеннолетних, чтобы максимально увеличить количество работодателей, обязанных участвовать в программе квотирования. Например, согласно ч. 1 ст. 3 Закона г. Москвы от 22.12.2004 № 90 «О квотировании рабочих мест», обязанность по квотированию распространяется на организации, численность работников в которых составляет свыше 100 человек, при этом квота для несовершеннолетних устанавливается в размере 2% от среднесписочной численности работников.

В отличие от Закона г. Москвы, ч. 1 ст. 2 Закона Иркутской области от 6 марта 2014 года № 22-ОЗ «О квотировании рабочих мест для несовершеннолетних» устанавливает, что квота для приема на работу несовершеннолетних устанавливается в размере 1% к среднесписочной численности работников для организаций и индивидуальных предпринимателей, осуществляющих деятельность на территории Иркутской области и имеющих среднесписочную численность работников более 100 человек². Исходя из вышесказанного, дифференциация в регулировании квотирования рабочих мест отражает экономические особенности и социальные приоритеты каждого региона при отсутствии единых параметров квотирования рабочих мест для несовершеннолетних.

В настоящее время реализация квотирования рабочих мест для несовершеннолетних сопровождается целым комплексом проблем и нарушений со стороны работодателей. Так, А. Ю. Усов и Н. А. Нестерова отмечают, что прокурорами на регулярной основе выявляются нарушения регионального законодательства о квотировании рабочих мест для несовершеннолетних, выражающиеся в невыполнении (формальном выполнении) работодателем обязанности по квотированию, в необоснованном отказе от трудоустройства в рамках квоты, непредставлении информации о квотировании и заполнении рабочих мест, отсутствии контроля со стороны центров занятости населения и прочих нарушениях. При этом авторы констатируют, что, несмотря на принимаемые прокурорами меры, во многих регионах остаются нерешенными вопросы фактического трудоустройства

¹ Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации : Федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О квотировании рабочих мест для несовершеннолетних : закон Иркутской области от 6 марта 2014 г. №22-ОЗ : ред. от 25 декабря 2024 г. URL: <https://docs.cntd.ru/document/460281032> (дата обращения: 25.12.2025).

несовершеннолетних на квотируемые рабочие места [2, с. 44].

Одним из наиболее серьезных нарушений в исследуемой сфере является формальное создание работодателем квотируемых рабочих мест, сопровождающееся незаконным и необоснованным получением государственной субсидии на эти цели. Так, в 2020 году директора одной из общественных организаций г. Волгограда привлекли к уголовной ответственности в связи фиктивным созданием рабочих мест, получением государственной субсидии без фактического трудоустройства несовершеннолетних на специально оборудованные рабочие места. Суд признал директора виновным в совершении преступлений, предусмотренных частью 3 статьи 159² Уголовного кодекса (мошенничество при получении выплат с использованием служебного положения) и ч. 1 ст. 327 УК РФ (подделка документов)¹.

Процесс квотирования рабочих мест нередко сопровождается неправильным толкованием работодателем норм закона относительно того, какие рабочие места необходимо учитывать при осуществлении квотирования. Например, в апелляционном определении Иркутского областного суда от 03.12.2019 № 33а-10076/2019 суд признал, что работодатель при расчёте квоты неправомерно учитывал только те рабочие места, на которых могут работать несовершеннолетние, тогда как при расчёте квоты необходимо учитывать и места, на которых труд этих лиц запрещён (вредная работа), а также должности, требующие наличия соответствующих знаний и

квалификации², поскольку законодательство на сегодняшний день таких исключений не предусматривает.

Нарушения законодательства в сфере квотирования рабочих мест зачастую сопровождается получившей широкое распространение практикой заключения с несовершеннолетних не трудовых договоров, а гражданско-правовых. При этом работодатели стремятся минимизировать свои обязательства, лишив молодых работников гарантий, установленных Трудовым кодексом Российской Федерации (далее – ТК РФ).

Кроме того, стремительное внедрение платформенной занятости (работы через цифровые платформы, приложения, агрегаторы) ставит перед институтом квотирования новые вызовы. Так, несовершеннолетние все чаще вовлекаются в интерактивные формы трудовой деятельности, однако действующее законодательство не содержит механизмов квотирования дистанционных рабочих мест. Как отмечает А. Ю. Рожкова, государственная политика должна быть направлена на разработку порядка квотирования именно удаленного труда. Для этого необходимо внести изменения в трудовое законодательство, а также создать цифровые платформы и внедрить реестровые модели правоприменения, позволяющие вести учет квотируемых удаленных рабочих мест и контролировать трудоустройство несовершеннолетних в рамках установленных квот [3, с. 69–70].

Выявленные системные нарушения свидетельствуют о том, что действующая в России модель императивного квотирования, при всех её благих намерениях, демонстрирует ограниченную эффективность в отношении несовершеннолетних. Это обусловлено еще и тем, что трудовая деятельность

¹ В Волгоградской области вынесен приговор по факту фиктивного трудоустройства несовершеннолетних руководителем общественной организации: новости // Прокуратура Волгоградской области от 5 июня 2020 года : сайт: URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_34/massmedia/news/main/e3561390/?ysclid=miyramvb6c872789535 (дата обращения: 29.11.2025).

² Апелляционное определение Иркутского областного суда от 3 декабря 2019 года по делу № 33а-10076/2019. URL: <https://судебныерешения.рф/46697688?ysclid=mgwekjfbma830147386> (дата обращения: 01.12.2025).

несовершеннолетних бывает, как правило, непродолжительной (к примеру, на период каникул), в связи с чем работодатели крайне не заинтересованы в надлежащем оформлении несовершеннолетних.

Стоит обратиться к анализу российского и зарубежного опыта. Прежде всего, нужно отметить, что прямое законодательное квотирование рабочих мест именно для несовершеннолетних, аналогичное российскому, в мировой практике практически не встречается.

Прямым прототипом современного российского квотирования рабочих мест является система, возникшая в Германии после Первой мировой войны. В 1917 году Рейхстаг принял «Законодательное предписание о найме инвалидов войны» (Verordnung ueber die Beschaeftigung Schwerbeschaeftigter) [4, с. 115]. Этот документ установил обязанность для работодателей нанимать как минимум одного ветерана с физическими недостатками на каждые пять человек, принятых на работу. Данная модель с установлением обязательного процента рабочих мест для социально уязвимых категорий граждан затем распространилась во Франции, Австрии и других странах континентальной Европы. Вместе с тем, в настоящее время, в отличие от российской модели квотирования рабочих мест для несовершеннолетних, в зарубежной практике в отношении несовершеннолетних преобладают стимулирующие механизмы и образовательные программы. Речь идет о системе профессионального обучения (например, немецкая «дуальная система», сочетающая обучение на предприятии и в профессиональной школе), налоговых льгот и субсидиях работодателям, принимающим на стажировку и работу молодежь, а также о деятельности служб профориентации и карьерного консультирования. Исходя из вышесказанного, международная практика не отрицает необходимости государственного вмешательства для защиты молодежи на рынке труда, но и предлагает другие методы. Этот опыт

свидетельствует о том, что эффективная политика в данной сфере должна быть не карательно-распределительной, а направленной на повышение конкурентоспособности самого молодого работника и формирование у работодателя реальной заинтересованности в его трудоустройстве.

Положительный опыт в этой сфере имеется и в Российской Федерации. Так, в России с 2019 года работает крупнейший производственно-образовательный центр «Алабуга», который готовит будущих предпринимателей и специалистов, совмещая образовательный процесс с реальной проектной деятельностью. Для этого применяется механизм ученического и целевого договоров. Эта модель, нацеленная на формирование практических навыков и предпринимательского мышления, может служить одним из прототипов для создания аналогичных региональных программ, ориентированных на будущее трудоустройство и профессиональное становление несовершеннолетних¹. Стоит отметить, что согласно Указу Президента РФ от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»² предусматривается реализация федеральных проектов «Управление рынком труда», «Образование для рынка труда», «Активные меры содействия занятости», в рамках которых в частности установлены следующие целевые

¹ Алабуга Политех : официальный сайт. URL: https://polytech.alabuga.ru/?utm_source=yandex_ads&utm_medium=cpc&utm_campaign=118259479&utm_content=phid%7C54333814411%7Crid%7C54333814411%7Ccfid%7C0%7Ccid%7C118259479%7Cgid%7C5543182307%7Caid%7C16855017659%7Cadr%7Cno%7Cpos%7Cpremium1%7Csrc%7Csearchnone%7Cdv%7Cdesktop%7Ccreo%7Czp&utm_term=алабугаполитех&etext=&yclid=17471722531332554751&utm_uid=uid-8f0fe219121 (дата обращения: 02.12.2025).

² О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года : указ Президента Российской Федерации // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542/print> (дата обращения: 10.02.2025).

показатели: увеличение к 2030 году доли молодых людей, участвующих в проектах и программах, направленных на профессиональное, личностное развитие и патриотическое воспитание, не менее чем до 75%; обеспечение к 2030 г. функционирования эффективной системы выявления, поддержки и развития способностей и талантов детей и молодежи, основанной на принципах ответственности, справедливости, всеобщности и направленной на самоопределение и профессиональную ориентацию 100% обучающихся и др. [5, с. 93–94]. Предлагаемые меры по трансформации механизма квотирования в систему стимулирования и профессиональной подготовки напрямую соответствуют национальным целям развития РФ, сфокусированным на реализации потенциала молодежи и ее профессиональном самоопределении.

Кроме того, с 1 марта 2025 года вступила в силу ст. 351⁸ ТК РФ¹, которая закрепила особенности регулирования труда наставников. В задачи наставника, как правило, входят следующие обязанности: заниматься развитием умений и навыков управления, улучшать статус наставляемого в компании, помогать улучшать репутацию и налаживать доверие своих коллег к своему ученику, участвовать в составлении профессионального коллектива, что имеет особую значимость, так как из эффективности работы каждого члена команды складывается общая эффективность команды; работник, в свою очередь, получает сопровождение на этапе адаптации, что позволяет значительно быстрее освоиться в организации, получить помощь и содействие в решении трудных задач, профессиональной подготовленности [6, с. 58–60]. Так, новый институт наставничества может стать эффективным дополнением к системе целевого обучения и ученических

договоров, обеспечивая персональное сопровождение и ускоренное профессиональное становление молодых кадров.

А. Ю. Кальная и С. Т. Рашмаджян считают целесообразным разработку и принятие федерального закона «О квотировании рабочих мест для трудоустройства отдельных категорий молодежи», который должен предусматривать единый механизм квотирования на всей территории страны с учетом регионально-дифференцированного подхода. Авторами предлагается расширить групповой признак «граждане, испытывающие трудности при поиске работы», причислив к нему выпускников учреждений начального и среднего профессионального образования от 20 до 24 лет, а также выпускников учреждений высшего образования от 21 до 29 лет, впервые ищущих работу. Регионы авторы делят на шесть групп по уровню безработицы среди молодежи в возрасте от 20 до 29 лет: 1-я группа (уровень безработицы более 16%) с квотой 3%, 2-я группа (от 13 до 15%) с квотой 2%, 3-я группа (от 10 до 12%) с квотой 1%, а для регионов 4-6 групп (уровень безработицы ниже 9%) квотирование остается на усмотрение региона. Закон должен обязать субъекты, относящиеся к 1, 2 и 3 группам, создавать квотируемые места за счет собственных средств работодателей со среднесписочной численностью сотрудников более 100 человек, при этом размер квоты дифференцирован от 1 до 3% в зависимости от группы. Учет работодателей для целей квотирования должны вести местные центры занятости, а работодателей предлагается обязать ежемесячно представлять органам службы занятости информацию о наличии свободных рабочих мест и вакантных должностей для целей квотирования. Работодателям, осуществляющим мероприятия по созданию квотируемых рабочих мест, могут предоставляться налоговые и иные льготы в соответствии с нормативными правовыми актами

¹ Трудовой кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ : в ред. от 29 сентября 2025 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

субъектов РФ. Представляется, что разработанная авторами корреляционно-регрессионная модель демонстрирует высокую и прямую связь между общим уровнем безработицы и уровнем молодежной безработицы. Предлагаемый механизм существенно облегчит ситуацию на рынке труда, обеспечив молодежи возможность обретения практических навыков и стабильность при первом трудоустройстве [7, с. 312].

Эти предложения приобретают особую актуальность и в контексте новых стратегических задач пространственного развития Российской Федерации. Так, озвученная секретарем Совета Безопасности Российской Федерации, С. К. Шойгу, инициатива по «сибиризации» России предполагает масштабное освоение восточных территорий, создание новых производственных кластеров и, как следствие, сотен тысяч рабочих мест. Данный геостратегический курс создает спрос на молодые, легко адаптирующиеся к новым условиям и квалифицированные кадры. В этом контексте эффективная политика занятости несовершеннолетних, включающая их раннюю профориентацию и освоение профессий, закладывает фундамент для будущего кадрового обеспечения масштабных проектов «сибиризации» России и закрепления населения в этих регионах¹.

Таким образом, для улучшения ситуации предлагается, сохраняя механизм квотирования рабочих мест для несовершеннолетних, усилить акцент на профессиональной ориентации подростков, чтобы квотирование не осуществлялось формально, а вело к осознанному выбору профессии. Также нам представляется целесообразным создавать производственные кластеры, в том числе – в рамках национальных проектов, в ходе реализации которых

молодые люди смогут одновременно учиться и работать, приобретая практические навыки. Кроме того, перспективным представляется внедрение системы стимулов для работодателей (налоговые льготы, субсидии, компенсации затрат на рабочие места) и масштабное развитие института наставничества, позволяющего передавать профессиональный опыт и поддерживать подростков на рабочем месте. Полагаем, что только объединение исследованных в настоящей статье механизмов позволит эффективно обеспечить занятость несовершеннолетних, желающих приступить к трудовой деятельности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Чашин А. Н. Теория государства и права : учебник / 3-е изд., перераб. и доп. Москва : Эксмо, 2019. 512 с. (Российское юридическое образование).
2. Усов А. Ю., Нестерова Н. А. О роли прокурора в защите трудовых прав несовершеннолетних // Политика и общество. 2024. № 4. С. 40–54. DOI: 10.7256/2454-0684.2024.4.72589. EDN: WIXQVK.
3. Рожкова А. Ю. К вопросу о квотировании рабочих мест труда молодежи при внедрении платформенной занятости // Торговля, сервис, индустрия питания. Trade, service, food industry. 2024. Т. 4, № 1. С. 59–74. EDN: VEJDMG.
4. Пономарёва О. Правовая основа положения людей с ограниченными возможностями в Германии // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Юридические науки. 2014. № 2. С. 114–122. EDN: UXNHSX.
5. Халмакшинова А. Конституционная норма о гарантировании уважения человека труда, как вектор для развития трудового законодательства Российской Федерации // Искусство правоведения. The art of law. 2025. № 3 (15). С. 89–95. EDN: KILOCA.
6. Брод Р. Коучинг и наставничество в профессиональном развитии менеджеров: проблемы и возможности // Университетское

¹ Шойгу заявил о необходимости "сибиризации" России: новости // RG.RU от 07 ноября 2025 года : сайт: URL: <https://rg.ru/2025/11/07/shojgu-zaiavil-o-neobhodimosti-sibirizacii-rossii.html> (дата обращения: 29.11.2025).

управление: практика и анализ. 2005. № 7. С. 57–64. EDN: HVQVFJ.

7. Кальная А. Ю., Рашмаджян С. Т. Механизм квотирования рабочих мест для молодежи на основе регионально-дифференцированного подхода // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2020. № 12 (2). С. 307–313. DOI: 10.17513/vaael.1512. EDN: MSGDGF.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Усов Алексей Юрьевич, заведующий кафедрой прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении гражданских и арбитражных дел Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент (Российская Федерация, 664003, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1), ORCID 0000-0002-9549-1564, e-mail: alexus_555@mail.ru.

Гудкова Анна Григорьевна, студент Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (Российская Федерация, 664003, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1), e-mail: anna.gudkova.06@mail.ru.

Ussov Alexey Jurjevich, Head of the Department of Prosecutor's Supervision and Participation in Civil and Arbitration Cases at the Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor (Russian Federation, 664003, Irkutsk, Shevtsova st., 1), ORCID 0000-0002-9549-1564, e-mail: alexus_555@mail.ru.

Gudkova Anna Grigorievna, student Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (Russian Federation, 664003, Irkutsk, Shevtsova st., 1), e-mail: anna.gudkova.06@mail.ru.

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ)
НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ)УДК 347.772
EDN [UYWTUL](#)ТРЕБОВАНИЯ К ТОВАРНОМУ ЗНАКУ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
И НЕКОТОРЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ**Т. В. Жиленкова**

Восточно-Сибирский филиал,
Российский государственный университет
правосудия имени В.М. Лебедева,
г. Иркутск, Российская Федерация
e-mail: pravo-tv@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются императивные нормы национального законодательства Российской Федерации и некоторых государств-участников Парижской конвенции по охране промышленной собственности 1883 года (Франции, Германии, Китая, Соединенных Штатов Америки), устанавливающие требования к товарным знакам, сформулированные через основания для отказа в государственной регистрации товарных знаков, а также алгоритмы экспертизы обозначений на предмет их соответствия требованиям.

Целью исследования является выявление общих закономерностей установления императивных требований к товарным знакам, формирование представления о возможности структурирования требований по признаку их направленности на объект правовой охраны.

При проведении исследования применены общенаучные методы анализа и обобщения, а также частнонаучные методы: сравнительно-правовой, формально-юридический и метод толкования.

В результате проведенного исследования автор приходит к выводу, что национальное законодательство Российской Федерации, Франции, Германии, Китая, Соединенных Штатов Америки формулируют сходные императивные требования к товарным знакам. Также выявлена закономерность в компетенции регистрирующего органа по объему проведения экспертизы заявленных на регистрацию обозначений. Предложено уточнение классификационного критерия для признаваемой в доктрине классификации оснований для отказа в государственной регистрации товарного знака на относительные и абсолютные с позиции превалирующего интереса в условиях непротивопоставимости частных и публичных интересов в гражданском праве.

Ключевые слова: товарный знак, регистрация товарного знака, отказ в государственной регистрации товарного знака, частные интересы, публичные интересы.

Для цитирования: Жиленкова Т. В. Требования к товарному знаку в Российской Федерации и некоторых зарубежных странах // Искусство правовеждения. 2026. № 3. С. 87–95.

TRADEMARK REQUIREMENTS IN THE RUSSIAN FEDERATION
AND SOME FOREIGN COUNTRIES

T. V. Zhilenkova

East Siberian Branch,
Russian State University
of Justice named after V. M. Lebedev,
Irkutsk, Russian Federation
e-mail: pravo-tv@mail.ru

Annotation. The article analyzes the mandatory rules of the national legislation of the Russian Federation and some States parties to the Paris Convention for the Protection of Industrial Property of 1983 (France, Germany, China, and the United States of America), which establish trademark requirements formulated through grounds for refusal of state registration of trademarks, as well as algorithms for examining designations for their compliance. requirements.

The purpose of the study is to identify general patterns of establishing mandatory requirements for trademarks, and to form an idea of the possibility of structuring requirements based on their focus on the object of legal protection.

The research uses general scientific methods of analysis and generalization, as well as private scientific methods: comparative law, formal law and the method of interpretation.

As a result of the conducted research, the author came to the conclusion that the national legislation of the Russian Federation, France, Germany, China, and the United States of America formulated similar mandatory requirements for trademarks. A pattern has also been identified in the competence of the registering authority in terms of the scope of the examination of the designations applied for registration. It was proposed to clarify the classification criterion for the classification of grounds for refusal of state registration of a trademark into relative and absolute recognized in the doctrine from the position of prevailing interest in the context of the incompatibility of private and public interests in civil law.

Key words: trademark, trademark registration, refusal of state trademark registration, private interests, public interests

For citation: Zhilenkova T. V. Trademark Requirements in the Russian Federation and Some Foreign Countries // The Art of Law. 2026. № 3. С. 87–95.

Конвенция по охране промышленной собственности¹ (далее – Парижская конвенция) не устанавливает исчерпывающего перечня требований, которым должно соответствовать обозначение, претендующее на приобретение правовой охраны в качестве товарного знака, безусловно признавая положения национального законодательства государств-участников, в том числе относительно административных процедур и компетентности органов. Также в статье 6^a провозглашается принцип: «в отношении

подачи заявок и регистрации товарных знаков заявитель может испрашивать «национальный режим» [1, с. 124].

Государства-участники Парижской конвенции самостоятельно в национальном законодательстве устанавливают императивные требования, которым должен соответствовать товарный знак, блокируя таким образом предоставление правовой охраны обозначениям, использование которых способно нанести вред разного рода интересам как частного, так и публичного порядка. На нормативном уровне данные императивные требования сформулированы в формате запретов на регистрацию и оснований для отказа в регистрации товарного знака. После регистрации эти же требования имеют

¹ Конвенция по охране промышленной собственности : заключена в Париже 20 марта 1883 г. : ред. от 02 октября 1979 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

значение для сохранения правовой охраны товарного знака.

В законодательстве Российской Федерации требования к товарному знаку зафиксированы в положениях ст. 1483 Гражданского кодекса Российской Федерации¹ (далее – ГК РФ) в форме оснований для отказа в государственной регистрации товарного знака и предполагают невозможность предоставления правовой охраны (а в случае предоставления таковой являются материально-правовыми основаниями для оспаривания и признания недействительным предоставления правовой охраны) товарным знакам. В содержании указанных требований прослеживается преемственность с ранее действовавшим законодательством в сфере предоставления правовой охраны товарных знаков. Так, в ст. 6 и ст. 7 Закона Российской Федерации «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров» от 23.09.1992 № 3520-1² явно фиксируется деление оснований для отказа в государственной регистрации товарных знаков на абсолютные и прочие (относительные). Данное деление не поддержано в ГК РФ.

Цивилистические исследования, проводимые после вступления в действие части 4 ГК РФ, поддерживающие классификацию оснований для отказа в государственной регистрации товарного знака на абсолютные и относительные, в качестве критерия выделяют интерес, обеспечиваемый тем или иным требованием, блокирующим регистрацию обозначений в качестве товарных знаков: абсолютные основания для отказа, обеспечивали публичный интерес, иные (относительные) – частный. Абсолютные

основания для отказа в государственной регистрации препятствуют товарному знаку в выполнении его функций, в то время как относительные связаны с противопоставлением регистрации обозначения правам третьих лиц [2, с. 215]. По мнению С. В. Бутенко, основания для отказа в регистрации товарного знака, зафиксированные в ГК РФ, могут быть соотнесены с абсолютными и относительными следующим образом: абсолютными основаниями для отказа в государственной регистрации товарных знаков названы основания, предусмотренные пп. 1-5 ст. 1483 ГК РФ, относительными – пп. 6-10 ст. 1483 ГК РФ [3, с. 73]. Исследования, посвященные отдельным основаниям для отказа в государственной регистрации товарного знака, также оперировали рассматриваемой классификацией как аксиомой. Так, Е. М. Тиллинг относит требование положений п. 10 ст. 1483 ГК РФ к группе относительных оснований для отказа в регистрации товарного знака [4, с. 195]. Классификация воспринята и судебной практикой³.

Обозначенная ранее классификация требований к товарному знаку находит отражение во многих иностранных национальных правовых актах. Так, Книга Седьмая Кодекса интеллектуальной собственности Франции в L. 711-2 и L. 711-3 содержит перечень абсолютных и относительных оснований для отказа в регистрации товарного знака или признания ее недействительной, в том числе недобросовестность заявителя в качестве абсолютного основания. Анализ

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 18 дек. 2006 г. № 230-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2006. № 52 (1 ч.). Ст. 5496.

² О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров : Федеральный закон от 23 сентября 1992 г. № 3520-1. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». Утратил силу.

³ Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 25.04.2024 № С01-605/2024 по делу № СИП-960/2023 ; Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 21.10.2022 № С01-1756/2022 по делу № СИП-162/2022 ; Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 02.09.2021 № С01-999/2021 по делу № СИП-883/2020 ; Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 05.08.2021 № С01-1107/2021 по делу № СИП-929/2020 ; Решение Суда по интеллектуальным правам от 13 ноября 2020 № СИП-843/2019. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

содержания требований обеих групп позволяет говорить о том, что их группировка так же, как и в ГК РФ, подчиняется критериям обеспечиваемых интересов (публичные и частные интересы). Абсолютные основания связаны с отсутствием у обозначения различительной способности и смешением с публично-правовыми и общественно-значимыми атрибутами, относительные – с противопоставлением правам третьих лиц.

Уполномоченное ведомство Франции компетентно проводить экспертизу на предмет соответствия заявленного обозначения и может отказать в регистрации при нарушении абсолютных и относительных по характеру требований к товарному знаку. Также любое лицо может подать возражение в течение двух месяцев с даты публикации заявки, то есть до момента регистрации товарного знака, для воспрепятствования регистрации обозначения [5, с. 8].

Законом об охране товарных знаков и других обозначений¹ Германии аналогичная классификация оснований для отказа в регистрации товарного знака легитимирована в § 8 и § 9 – абсолютные и относительные препятствия для защиты, соответственно. Перечень требований в целом созвучен с требованиями французского законодательства, при этом относительные препятствия охватывают только противопоставление ранее зарегистрированным товарным знакам.

Согласно § 37 Закона об охране товарных знаков и других обозначений Немецкое ведомство по патентам и товарным знакам (Deutsche Patent- und Markenamt, DPMA) осуществляет проверку на соответствие обозначения требованиям и обладает полномочиями отказать в регистрации. Также возражения до регистрации могут подать «физические или юридические лица, а также ассоциации производителей, подрядчиков,

дилеров и потребителей услуг». После регистрации товарного знака возражения могут быть поданы в течение трех месяцев заинтересованными лицами.

Закон Соединенных Штатов Америки (далее – США) О товарных знаках в разделе «Товарные знаки, подлежащие регистрации в Основном реестре; Одновременная регистрация» предусматривает особенности в предоставлении правовой охраны обозначению, которые заключаются в том, что на регистрацию может быть представлено только обозначение, уже используемое заявителем или планируемое к использованию, с предоставлением соответствующих подтверждений. В последнем случае заявителю необходимо предоставить не только доказательства совершения приготовлений к использованию обозначения, но и доказательства добросовестности действий по приобретению правовой охраны. Таким образом, возможно предположить, что требование об использовании обозначения до регистрации позволяет блокировать возможность регистрации товарных знаков, которые могут быть противопоставлены уже зарегистрированным или используемым обозначениям со стороны правообладателей последних. Полагаем, что приобретаемая в процессе использования различительная способность обозначения представляет ценность для правообладателя, соответственно, от него разумно ожидать совершения действий, направленных на защиту своих интересов и недопущения неправомерного использования обозначения, тем более его регистрации.

Основания для отказа в регистрации товарного знака в законе «О товарных знаках»² в США представлены единым перечнем, включающим как основания, связанные с противоречием обозначения государственным или общественным

¹ Gesetz über den Schutz von Marken und sonstigen Kennzeichen (Markengesetz - MarkenG) : Verabschiedet am 25. Oktober 1994. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/22454> (дата обращения: 02.02.2026).

² Trademarks Law, 15 U.S.C. §§ 1051 et seq. (Consolidated Trademark Law as of December 13, 2003). URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/3940> (дата обращения: 02.02.2026).

интересам, невозможностью выполнения товарным знаком его функций, так и основания, связанные с противопоставлением интересам третьих лиц.

Проверка на соответствие обозначения требованиям осуществляется Ведомством по патентам и товарным знакам, однако любое лицо в течение 30 дней после публикации заявки может обратиться с возражениями. Если препятствий к регистрации не установлено, а также не поступили возражения, обозначение может быть зарегистрировано.

Иной подход к легитимации требований к товарным знакам и процедуре проверки их соблюдения сформирован в Китайской Народной Республике. Закон о товарных знаках Китайской Народной Республики¹ (далее – Закон о товарных знаках КНР) также содержит ряд императивных требований к обозначению, претендующему на регистрацию в качестве товарного знака, сформулированных в ряде последовательных норм (статьи 10-15 Закон о товарных знаках КНР). Логика объединения императивных требований совершенно иная, нежели в рассмотренных выше правовых порядках. Если пользоваться терминологией классификации требований к товарным знакам (абсолютные и относительные), то перечисленные в Законе о товарных знаках КНР требования можно в большей степени отнести к категории абсолютных, в том числе положения ст. 13, позволяющие отклонить заявку в случае, если заявленное обозначение является воспроизведением, имитацией или переводом товарного знака другого лица, не зарегистрированного в Китае, в отношении идентичных и сходных товаров, а также общеизвестного товарного знака, зарегистрированного в Китае, в отношении неоднородных

товаров, если такая регистрация способна вызвать путаницу или ввести общественность в заблуждение. Направленность на обеспечение публичного интереса данному положению придает оговорка «если такая регистрация способна вызвать путаницу или ввести общественность в заблуждение», свидетельствующая о том, что данное ограничение призвано обеспечить интересы лиц, ориентирующихся на информационную функцию товарного знака.

Также представляет интерес механизм регистрации товарного знака по законодательству Китая. Так, согласно ст. 27, Ведомство по товарным знакам Китая осуществляет проверку соответствия обозначения требованиям Закона о товарных знаках КНР и, в случае принятия положительного для заявителя решения, предварительно утверждает товарный знак и публикует информацию об этом. Напомним, речь идет только о публично-правовых требованиях. Далее любое лицо может в течение трех месяцев со дня публикации подать возражение против товарного знака, который был предварительно одобрен. При отсутствии возражений регистрация считается одобренной, выдается свидетельство о регистрации товарного знака.

Рассмотренные примеры легитимации требований к товарным знакам и компетенции государственного органа по их проверке позволяют констатировать факт, что национальные правовые порядки иностранных государств стремятся к формированию сбалансированной системы норм, позволяющей обеспечить охрану прав всех участников экономических отношений, включенных в процесс использования товарных знаков.

Как ранее было отмечено, в ст. 1483 ГК РФ на уровне юридической техники не отражено видовое разделение оснований для отказа в государственной регистрации товарного знака на абсолютные и относительные основания. Полагаем, что такой подход выбран не случайно и

¹О товарных знаках : Закон Китайской Народной Республики : с изменениями, внесенными Решением Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей от 30 августа 2013 г. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/13198> (дата обращения: 02.02.2026).

призван отразить тот факт, что каждое из перечисленных требований к обозначению, заявленному на регистрацию в качестве товарного знака, содержит в себе направленность как на обеспечение частных, так и публичных интересов одновременно.

Следует оговориться, что современные цивилистические исследования публичного интереса неоднократно обращали внимание на специфику проявления публичных интересов в общественных отношениях, входящих в предмет гражданского права, и их регулировании. Специфика заключается в том, что частные и публичные интересы не противопоставляются [6, с. 22 ; 7, с. 24] (в контексте невозможности одновременного правового обеспечения как частного, так и публичного интереса), а взаимодополняют друг друга и «представляют собой единое целое в случаях высокой общественной значимости, характерной для отношений, связанных с обеспечением действий по своему усмотрению, особенно в связи с установлением прав на вещи, результаты интеллектуальной деятельности, охраной личных неимущественных прав» [8, с. 110]. Объединяющей характеристикой публичных интересов выступает то, что это интересы общности людей в сохранении жизнедеятельности и удовлетворении наиболее важных потребностей данной общности и лиц, ее составляющих. Публичный интерес представляется как некое общее благо, способное удовлетворить значимые потребности, обеспечиваемые правом, при этом он не является совокупностью частных интересов.

Например, согласно п. 1 ст. 1483 ГК РФ «не допускается государственная регистрация в качестве товарных знаков обозначений, не обладающих различительной способностью...» и далее дается конкретизирующий перечень. На наш взгляд, в основу данного запрета положена невозможность реализации таким обозначением основной функции товарного знака – индивидуализирующей

функции. Соответственно, существование подобного обозначения, во-первых, не сможет удовлетворить интерес потребителей, во-вторых, правообладатель получит необоснованную функциями исключительного права юридическую монополию на обозначение и сможет защищать данную монополию, что негативно скажется на конкурентной ситуации. Наконец, отсутствие различительной способности обозначения приведет к невозможности достижения положительного эффекта, на который рассчитывает правообладатель, поскольку не будут реализованы функции товарного знака и исключительного права. Как мы видим, приведенный в качестве примера запрет обеспечивает как частные, так и публичные интересы, которые взаимосвязаны между собой. При этом в данном запрете очевидно превалирование публичного интереса, которому необходима самостоятельная защита даже в том случае, когда отсутствует частное лицо, чьи интересы ущемлены в связи с нарушением представленного требования к товарному знаку.

Другое основание для отказа в регистрации товарного знака, напротив, в большей степени обеспечивает частный интерес правообладателя, хотя защита публичного интереса также присутствует. Например, согласно пп. 2 п. 6 ст. 1483 ГК РФ не могут быть зарегистрированы в качестве товарных знаков в отношении однородных товаров обозначения, сходные до степени смешения с ранее зарегистрированными товарными знаками. Вместе с тем данный запрет может быть преодолен согласием правообладателя «старшего» товарного знака, если такая регистрация не приведет к введению потребителей в заблуждение. В данном ограничении в первую очередь видится забота об интересах правообладателя уже зарегистрированного товарного знака и о возможности этого правообладателя в полной мере воспользоваться всеми преимуществами исключительного права. Вместе с тем проявляются и интересы публичного характера: интересы

неопределенного круга потребителей и поддержания конкуренции на товарных рынках. Интересы потребителей обеспечиваются тем, что потребители не будут введены в заблуждение относительно характеристик товара, его изготовителя и источника происхождения товара, которое возможно при одновременном существовании сходных до степени смешения товарных знаков в отношении однородных товаров. Интерес поддержания конкуренции проявляется в том, что правообладатели не смогут использовать преимущества сходного до степени смешения товарного знака, зарегистрированного за другим правообладателем. Правда интерес поддержания конкуренции ослаблен возможностью подобной регистрации с согласия правообладателя, но при условии, что такая регистрация не может явиться причиной введения потребителей в заблуждение. Таким образом, в представленном основании для отказа в государственной регистрации товарного знака охрана публичных интересов также заложены, но публичные интересы не могут получить защиту самостоятельно без защиты интереса правообладателя.

На наш взгляд, частно-публичный характер требований к товарному знаку проявляется во всех основаниях для отказа в государственной регистрации товарного знака (они же материально-правовые основания для оспаривания предоставления правовой охраны). При этом все требования сами по себе разные по характеру, который формируется на основе преобладающего интереса и самостоятельной возможности получить судебную защиту. Исходя из этого допустимо предложить классификацию оснований для отказа товарному знаку в государственной регистрации, в основу которой положен критерий доминирования охраняемого интереса и возможность его самостоятельной защиты. Данное основание, в отличие от используемого сегодня в цивилистической литературе и судебной практике, во-первых, не проводит кардинальной сегрегации всех

оснований для отказа в регистрации на те, которые обеспечивают только публичные или только частные интересы. Во-вторых, предложенное основание классификации отражает непротивопоставимость частных и публичных интересов, а также возможность удовлетворения одних за счет правомерного достижения других. В-третьих, оно более соответствует юридической технике легитимации оснований для отказа товарному знаку в государственной регистрации, где отсутствует их нормативное разделение. И, наконец, предложенное основание позволяет на основе группирования конкретных оснований для отказа в государственной регистрации товарного знака выявить закономерности их применения, что, в свою очередь, позволит определить лиц, заинтересованных в оспаривании уже состоявшейся регистрации товарного знака.

В силу предложенного классификационного критерия все основания для отказа в государственной регистрации товарного знака можно разделить на две группы. В первую группу следует включить те основания, которые охраняют и позволяют обеспечить самостоятельную защиту публичным интересам разного порядка. В данную группу возможно включить требования, сформулированные в п. 1-5 ст. 1483 ГК РФ.

Во вторую группу оснований для отказа в государственной регистрации допустимо выделить те основания, которые в первую очередь направлены на обеспечение интересов частного характера, то есть интересов правообладателей иных охраняемых частью четвертой ГК РФ объектов, а также некоторых личных неимущественных прав, соответственно, подлежащие защите в связи с обращением заинтересованного лица в своем частном интересе, но опосредованно обеспечивающие, в том числе, публичные интересы, имманентно заложенные в установленные требования. Это основания, предусмотренные пп. 6, 7, 8, 9, 10 ст. 1483 ГК РФ.

На первый взгляд, требования второй группы видятся запретами, введенными в законодательство для обеспечения частных интересов. Однако довольно частое упоминание в данных нормах об интересах потребителей в контексте оговорки, блокирующей исключения из императивных запретов, позволяет говорить о том, что публичные интересы здесь не только обеспечиваются, но и способны блокировать возможность частного лица относительно регистрации обозначения в качестве товарного знака и приобретения исключительного права на него.

Данную группу требований можно, в свою очередь, разделить на две подгруппы по критерию возможности преодоления запрета через установление факта не нарушения публичного интереса (а именно отсутствия введения потребителей в заблуждение относительно источника происхождения товара), а в ряде случаев через согласие носителя некоторых личных неимущественных прав или исключительного права на иные охраняемые частью четвертой ГК РФ объекты.

В первую подгруппу допустимо отнести запреты для регистрации обозначения в качестве товарного знака, допускающие возможность их преодоления посредством получения согласия при условии недопущения ущемления общественного интереса, а именно – интересов потребителей. Это основания, предусмотренные п. 6 (за исключением обозначений, заявленных на регистрацию в качестве общеизвестного товарного знака (пп. 3 п. 6 ст. 1483 ГК РФ), при одновременном наличии согласия правообладателей с более ранней датой приоритета), пп. 2 п. 7 (при одновременном отсутствии ущемления интересов правообладателей), п. 9 (за исключением промышленного образца, знака соответствия (пп. 3 п. 9 ст. 1483 ГК РФ), при одновременном наличии согласия правообладателей или носителей некоторых личных неимущественных прав), п. 10 ст. 1483 ГК РФ

(при одновременном согласии правообладателей или носителей некоторых личных неимущественных прав).

Вторая подгруппа данной группы оснований для отказа в государственной регистрации товарного знака (оснований для оспаривания предоставления правовой охраны) включает в себя такие основания, где на первый план выходит необходимость защиты частных интересов, а наличие и потребность в защите публичного интереса в норме не отражены, хотя публичный интерес присутствует, при этом данные запреты не могут быть преодолены через установление факта не нарушения публичного интереса (а именно интересов потребителей). Сюда следует отнести основания для отказа, зафиксированные в пп. 3 п. 6, пп. 1 п. 7, п. 8, пп. 3 п. 9 ст. 1483 ГК РФ. Во всех приведенных случаях логика норм подсказывает, что регистрация в качестве товарных знаков обозначений с подобными характеристиками не только ущемляет интересы правообладателей, но и, безусловно, будет противоречить публичным интересам.

В целом, следует констатировать, что рассмотренные выше нормы национального законодательства государств-участников Парижской конвенции формулируют сходные императивные требования к товарным знакам. Во всех рассмотренных правовых системах уполномоченные ведомства по умолчанию осуществляют проверку обозначения на соответствие так называемым абсолютным основаниям для отказа в регистрации товарного знака, независимо от того, выделены эти основания на нормативном уровне в отдельную группу или нет. К проверке на соответствие обозначения иным основаниям иностранные правовые порядки относятся по-разному: от патерналистического подхода с компетенцией уполномоченного органа на полную проверку до передачи данной функции в сферу частноправовую, где

только правообладателя своими действиями способны блокировать регистрацию сходного обозначения.

На основании анализа требований к товарному знаку в ГК РФ предложено уточнение классификационного критерия для признаваемой в доктрине классификации оснований для отказа в государственной регистрации товарного знака на относительные и абсолютные с позиции превалирующего интереса в условиях непротивопоставимости частных и публичных интересов в гражданском праве. Полагаем, что предложенное структурирование оснований для отказа в государственной регистрации товарного знака позволяет скорректировать существующую классификацию как с позиции критерия деления, так и характеристики ее видовых элементов, что позволит выявить круг отношений, включенных в процесс использования товарного знака и осуществления правообладателем исключительного права на него, а также определить круг лиц, чьи интересы затрагиваются неправомерными действиями.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Боденхаузен Г. Парижская конвенция по охране промышленной собственности: комментарий. Москва : Прогресс, 1977. 306 с.
2. Право интеллектуальной собственности : учебник для вузов / под редакцией Л. А. Новоселовой. 3-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2026. 353 с.

3. Бутенко С. В. Введение потребителя в заблуждение как абсолютное основание для отказа в предоставлении правовой охраны товарному знаку : дис.... канд. юрид. наук. Москва, 2013. 212 с. EDN: SVANVL.

4. Тиллинг Е. М. Проблема составных товарных знаков: практика применения положений п. 10 ст. 1483 ГК РФ в актах Суда по интеллектуальным правам и Роспатента // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2023. № 2 (40). С. 193–204. DOI: 10.58741/23134852_2023_2_193. EDN: ZEVNJI.

5. Базир Я. Переложение директивы № 2015/2436 во французское законодательство: аспекты материального права // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2021. № 3 (33). С. 5–20. EDN: VGWPDJ.

6. Щенникова Л. В. Гражданско-правовое регулирование: публичные интересы, общие пользы, добрые нравы. Москва, 2022. 144 с.

7. Яценко Т. С. Гражданско-правовая охрана публичных интересов : автореф. дис.... д-ра юрид. наук. Москва, 2016. 51 с. EDN: ZQCKZL.

8. Родионова О. М. Публичные и частные интересы в меняющемся гражданском праве России: единство в многообразии // Вестник университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 5. С. 101–111. DOI: 10.17803/2311-5998.2023.105.5.101-111. EDN: PUYSQQ.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Жиленкова Татьяна Валерьевна, доцент кафедры гражданского права Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия им. В. М. Лебедева (Российская Федерация, 664074, г. Иркутск, ул. Ивана Франко 23а), ORCID: 0000-0002-3048-5809, PИИЦ Author ID: 884511, e-mail: pravo-tv@mail.ru.

Zhilenkova Tatiana V., Associate Professor of the Department of Civil Law of the East Siberian Branch of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev (Russian Federation, 664074, Irkutsk, st. Ivan Franko, 23a), ORCID: 0000-0002-3048-5809, PИИЦ Author ID: 884511, e-mail: pravo-tv@mail.ru.

**КОНЦЕССИОННЫЕ СОГЛАШЕНИЯ В ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОЙ СФЕРЕ:
ОТ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ К РЕАЛЬНЫМ РЕЗУЛЬТАТАМ****Е. М. Ксенофонтова**

Иркутский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
г. Иркутск, Российская Федерация
e-mail: evg-suranova@yandex.ru

Аннотация. Исследуются актуальные проблемы реализации концессионных соглашений в жилищно-коммунальной сфере как основного механизма привлечения частных инвестиций в модернизацию коммунальной инфраструктуры. Анализируются правовые и организационные препятствия, снижающие эффективность концессионного механизма, включая недостаточную информационную открытость, неудовлетворительное состояние объектов коммунального комплекса, отсутствие единых подходов к государственной поддержке инвесторов и низкое качество концессионных соглашений. Сформулированы предложения, направленные на повышение инвестиционной привлекательности концессий в сфере ЖКХ.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство, концессионное соглашение, жилищно-коммунальное хозяйство, коммунальная инфраструктура, аренда, унитарные предприятия, инвестиции.

Для цитирования: Ксенофонтова Е. М. Концессионные соглашения в жилищно-коммунальной сфере: от инвестиционных возможностей к реальным результатам // Искусство правоведения. 2026. № 3. С. 96–104.

**CONCESSION AGREEMENTS IN THE HOUSING AND COMMUNAL SERVICES
SECTOR: FROM INVESTMENT OPPORTUNITIES TO REAL RESULTS****E. M. Ksenofontova**

Irkutsk Law Institute (branch) University
of the Prosecutor's Office of the Russian Federation,
Irkutsk, Russian Federation
e-mail: evg-suranova@yandex.ru

Annotation. The current problems of the implementation of concession agreements in the housing and communal services sector as the main mechanism for attracting private investment are investigated. The obstacles that reduce the effectiveness of the concession mechanism are analyzed, including insufficient information transparency, poor condition of facilities, lack of unified measures to support investors and poor quality of concession agreements. Proposals have been formulated to improve concession agreements.

Key words: public-private partnership, concession agreement, housing and communal services, communal infrastructure, lease, unitary enterprises, investments.

For citation: Ksenofontova E. M. Concession Agreements in the Housing and Communal Services Sector: from Investment Opportunities to Real Results // The Art of Law. 2026. № 3. С. 96–104.

Введение

В соответствии со Стратегией развития строительной отрасли и жилищно-коммунального хозяйства до 2030 года одним из ключевых инструментов привлечения внебюджетных средств на обновление объектов коммунальной инфраструктуры являются концессионные соглашения¹. На сферу жилищно-коммунального хозяйства (далее – ЖКХ) приходится свыше 85% всех заключенных концессионных соглашений [1, с. 3], а объем инвестиций составляет около 1,5 трлн рублей².

Использование иных инструментов и механизмов на данном направлении зачастую является менее эффективным и даже невозможным в силу требований действующего законодательства. Так, заключение договора аренды допустимо только в отношении объектов, период между вводом в эксплуатацию которых и размещением конкурсной документации на их передачу не превышает 5 лет, при том что количество таких объектов крайне невелико, а сами арендные отношения не предполагают системного и существенного вложения денежных средств частных лиц в публичную собственность. Деятельность уже существующих или создание новых муниципальных унитарных предприятий с целью эксплуатации объектов коммунального комплекса на сегодняшний день также существенно ограничено законодательством о защите конкуренции. Иными словами, концессионный механизм стал если не единственным, то ключевым

инструментом привлечения частных инвестиций в экономику. При этом на фоне неблагоприятных внешнеполитических и экономических факторов, высокой степени изношенности инфраструктуры и необходимости ее реконструкции и обновления его значимость трудно переоценить.

Значимость концессионного механизма подтверждается возросшим количеством научных исследований по данной проблематике [2 ; 3 ; 4 ; 5 ; 6]. Вопросы заключения и эффективной реализации концессий не остаются без внимания и со стороны органов государственной власти и иных структур. Так, 3 июня 2026 года состоялось заседание Совета по вопросам жилищного строительства и содействия развитию жилищно-коммунального комплекса при Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации на тему «Механизм концессионных соглашений как инструмент привлечения инвестиций в сферу жилищно-коммунального хозяйства»³.

Вместе с тем приходится констатировать, что реализация концессионного механизма сопровождается рядом трудностей. В. Г. Варнавский еще в 2012 году отмечал, что «Закон реализуется крайне медленно», а «количество заключенных концессионных соглашений исчисляется единицами» [7]. На сегодняшний день ситуация изменилась, но – с учетом более 20-летнего срока действия Федерального закона от 21 июля 2005 г. № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» (далее –

¹ Стратегия развития строительной отрасли и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2035 года : распоряжение Правительства Российской Федерации от 31 октября 2022 г. № 3268-р : ред. от 23 октября 2025 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Минстрой рекомендует регионам укрупнять ресурсоснабжающие организации. URL: <https://www.interfax-russia.ru/index.php/realty/news/minstroy-rekomenduet-regionam-ukрупnyat-resursosnazhayushchie-organizacii> (дата обращения: 07.06.2026).

³ Материалы заседаний. Официальный сайт Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации. URL: <http://council.gov.ru/structure/docs/59231/> (дата обращения: 07.06.2026) ; Заседание Совета по вопросам жилищного строительства и содействия развитию жилищно-коммунального комплекса при Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации «Механизм концессионных соглашений как инструмент привлечения инвестиций в сферу жилищно-коммунального хозяйства». URL: <https://rutube.ru/video/4e9b0bc815c7c006d8eb710cf76127c8/> (дата обращения: 07.06.2026).

Закон № 115-ФЗ) – некоренным образом. Так, в отдельных регионах доля объектов коммунальной инфраструктуры, переданных по соглашениям, составляет менее 10% [8, с. 12], а заключенные и реализуемые концессии нередко характеризуются низким уровнем инвестиций и перекладываем основного финансового бремени на концедента.

В рамках настоящего исследования нами будет предпринята попытка выделения актуальных проблем в сфере реализации механизма концессионных соглашений в отношении объектов ЖКХ и поиска их решения.

Основная часть исследования

Согласно части 3 статьи 4 Закона № 115-ФЗ органы местного самоуправления каждый год до 1 февраля текущего календарного года обязаны утверждать перечень объектов, в отношении которых планируется заключение концессионных соглашений. Указанный перечень подлежит размещению на официальном сайте для размещения информации о проведении торгов, а также на официальном сайте концедента. На органы местного самоуправления возложена обязанность обеспечивать полноту, достоверность и своевременность внесения сведений о планируемых к заключению, реализуемых и реализованных концессионных соглашениях. Минэкономразвития России размещает на своем официальном сайте реестр концессионных соглашений на территории Российской Федерации. Вместе с тем до настоящего времени имеют место факты *отсутствия достоверной и полной информации* об объектах, которые подлежат передаче на основании концессионных соглашений, что не обеспечивает должного информирования потенциальных концессионеров.

Помимо отсутствия информации о планируемых к передаче по концессии объектах жилищно-коммунального хозяйства или ее неполноты следует выделить и такую проблему как их *неудовлетворительное состояние*. В ряде

регионов темпы роста износа основных коммунальных фондов опережают скорость их реконструкции и замены, в связи с чем не обеспечивается их безаварийная эксплуатация. В целях повышения привлекательности концессионного механизма органами власти должны приниматься меры по приведению объектов, подлежащих передаче по концессионным соглашениям, в соответствии с требованиями закона. Речь идет не о дорогостоящей модернизации или полном обновлении инфраструктуры, поскольку в таком случае концессионный механизм утратил бы смысл, а о ее приведении в минимальное нормативное состояние.

В качестве альтернативного пути решения данной проблемы высказывается мнение о возможности установления *переходного периода*, в течение которого следует считать недопустимым предъявление к концессионерам избыточных требований по качеству предоставляемых услуг и состоянию объекта. В соответствующий период предлагается установить недопустимость выдачи концессионерам предписаний об устранении в короткие сроки нарушений, допущенных иными лицами до передачи объектов в концессию, и невозможность привлечения концессионеров за такие нарушения к административной и (или) уголовной ответственности [1, с. 23 ; 7, с. 16].

Одним из способов увеличения привлекательности концессионного механизма считается установление *налоговых преференций для концессионеров*. Так, по сведениям Счетной палаты Российской Федерации, в 30 регионах установлены налоговые льготы для инвестиционных проектов, реализуемых в сфере ЖКХ, из них: в 23 субъектах Российской Федерации предусматривается освобождение от уплаты налога на имущество организаций; в 5 – пониженная ставка налога на имущество организаций; в 2 – инвестиционный налоговый вычет; еще в 2 регионах применяется пониженная

ставка налога на прибыль, зачисляемого в региональные бюджеты [1, с. 33].

По инициативе прокуратуры Новосибирской области с целью дополнительного вовлечения средств частных лиц в концессионный механизм в Закон Новосибирской области от 16 октября 2003 г. № 142-ОЗ «О налогах и особенностях налогообложения отдельных категорий налогоплательщиков в Новосибирской области» внесены изменения, предусматривающие льготу по налогу на имущество для концессионеров, реализующих мероприятия по развитию объектов ЖКХ¹. Так, согласно ч. 17 ст. 8.11 указанного Закона от уплаты налога на имущество организаций освобождаются концессионеры в отношении объектов жилищно-коммунального хозяйства; при этом основанием применения налоговой льготы является представление налоговой декларации, концессионного соглашения и акта приема-передачи объекта, в отношении которого заявлена льгота.

Указанная практика представляется положительной, вместе с тем, точечная реализация отдельными регионами подобных мер представляется недостаточной. Более того, видится недопустимой и практика предоставления каких-либо льгот тем концессионерам, которые допустили нарушения принятых на себя инвестиционных и иных обязательств. С учетом сказанного, полагаем необходимым выработку и установление *перечня системы мер поддержки частных инвесторов на федеральном уровне*, оснований и условий их предоставления с правом регионов их уточнять, конкретизировать или дополнять. Обсуждения требует и вопрос освобождения от уплаты государственной пошлины концедента, обращающегося за государственной регистрацией прав владения и (или) пользования объектом

концессионера, а также предоставления льгот при ее уплате собственно концессионерами². Представляется, что данное предложение в целом соответствует законодательным трендам, направленным на поощрение добросовестных инвесторов, в частности, путем установления возможности перезаключения концессии на новый срок без проведения конкурсных процедур, что позволяет обеспечить непрерывность эксплуатации объектов ЖКХ.

Не решена и проблема *низкого качества заключаемых концессионных соглашений*, непроработанности их условий, их несоответствия требованиям закона и т. п. В связи с чем считаем возможным ввести *обязательную оценку проектов концессионных соглашений* антимонопольными органами либо специально создаваемыми комиссиями, в состав которых могли бы быть включены представители антимонопольных органов, органов государственной власти и местного самоуправления, контрольно-счетных органов, органов прокуратуры, бизнес-сообщества, экономистов и т. п. Безусловно, обсуждение подобных инициатив должно осуществляться с учетом недопустимости излишнего затягивания процесса включения имущества в концессионный оборот, с одной стороны, и недопустимости слепого увеличения количественных показателей по заключению концессий в ущерб их качеству, с другой.

Говоря о качестве концессионных соглашений, невозможно обойти вопрос о соответствии их существенных условий требованиям закона, касающихся, в

¹ По поручению Генерального прокурора Российской Федерации Игоря Краснова продолжаются системные надзорные проверки соблюдения законодательства о концессионных соглашениях. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-media/news/main/e5995942/> (дата обращения: 07.06.2026).

² См.: Об уплате государственной пошлины при обращении органа государственной власти или органа местного самоуправления за государственной регистрацией права хозяйственного ведения на недвижимое имущество : письмо Департамента налоговой политики Минфина России от 26 февраля 2026 г. № 03-05-04-03/14762 ; По вопросу отсутствия оснований для применения льготы, установленной подпунктом 4 части 1 статьи 333.35 НК РФ : письмо Росреестра от 10 марта 2026 г. № 14-2376-ЛЛ/26. Доступ к документам из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

частности, *финансового участия концедента и вклада концессионера*. Согласно части 1 статьи 10, статье 42 Закона № 115-ФЗ концессионное соглашение должно содержать такие существенные условия как размер концессионной платы, форму или формы, порядок и сроки ее внесения, размер и (или) порядок определения размера и условия финансового участия концедента, а также предельный размер расходов на создание и (или) реконструкцию объекта концессионного соглашения, которые предполагается осуществлять в течение всего срока действия концессионного соглашения концессионером. Значимость перечисленных условий сложно переоценить, поскольку от того, насколько качество они сформулированы, зависит эффективность конкретного концессионного проекта.

В качестве цели механизма концессионного соглашения статья 1 Закона № 115-ФЗ называет привлечение инвестиций в экономику Российской Федерации, обеспечение эффективного использования имущества, находящегося в государственной или муниципальной собственности, и повышение качества товаров, работ, услуг, предоставляемых потребителям. Указанное возможно при адекватном соотношении вложений концедента и концессионера, исключении фактов финансирования концессионных соглашений исключительно за счет бюджетных источников. В целях более подробного регламентирования участия бюджета в концессионных соглашениях в июле 2023 года Закон № 115-ФЗ был дополнен статьей 10.1, которая предусматривает возможные формы финансового участия концедента (капитальный грант, плата концедента, возмещение недополученных концессионером доходов от использования объекта) и требования к размеру такого участия.

Вместе с тем, имеющиеся предписания видятся недостаточными, поскольку фактически порядок и размер участия определяются сторонами

самостоятельно, без эффективного и качественного контроля извне. Полномочия региона по согласованию проектов концессионных соглашений с начала 2025 года были существенно ограничены собственно региональными полномочиями в части тарифного регулирования и выплаты выпадающих доходов. По данным Счетной палаты Российской Федерации 60,8% концессий представляют собой соглашения с инвестициями менее 10 млн рублей, в связи с чем имеется реальный риск ухудшения состояния передаваемого имущества в связи с недостаточностью или отсутствием финансирования [1, с. 40–43]. Весьма высоким остается и риск заключения концессий – «пустышек» с нулевым объемом инвестиций, фиктивных соглашений, подменяющих договоры аренды или даже безвозмездного пользования.

Несоответствие соглашения цели концессионного механизма, нарушение баланса между частным и публичным финансированием является одной из наиболее распространенных причин их оспаривания. Так, согласно решению суда, концессионное соглашение в отношении объектов водоснабжения признано недействительным по иску администрации района в связи несоответствием целям закона, а именно цели привлечения инвестора, заинтересованного в длительной эксплуатации муниципального имущества, вкладывающего денежные средства в его развитие. В соответствии с оспариваемым соглашением концессионер обязан поддерживать объект в исправном состоянии, производить за счет концедента текущий и аварийные ремонты системы водоснабжения, а также выполнять работы за счет средств концедента, не предусмотренные концессионным соглашением. Указанные условия влекут ущемление интересов муниципального образования¹.

¹ Решение Арбитражного суда Челябинской области от 15 июня 2023 г. по делу № А76-4656/2022. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

В другом споре удовлетворены требования о признании недействительным концессионного соглашения о передаче в пользование с целью реконструкции, обслуживания и эксплуатации муниципального имущества (очистные сооружения) и о возврате объекта муниципальному образованию. Установлено, что в соглашении обязательство концессионера по созданию и (или) реконструкции объектов концессионного соглашения замещено обязательством по проведению их текущего ремонта, не отражены технико-экономические показатели объекта соглашения. Также спорным соглашением не предусмотрена концессионная плата, при этом для концедента и концессионера предусмотрен равный объем вложений (расходов) в текущий ремонт очистных сооружений, тогда как доходы от использования переданного имущества полностью отнесены к собственности концессионера. Объекты концессионного соглашения переданы ответчику в пользование с целью извлечения прибыли фактически на безвозмездной основе лишь за счет определенной доли участия в текущем ремонте очистных сооружений, что очевидно свидетельствует о несоразмерности инвестиций концессионера, нарушении принципа эффективного и рационального использования публичного имущества¹.

В некоторых случаях соглашения могут содержать условия, позволяющие концессионерам расходовать денежные средства, полученные от концедента, на затраты, не связанные со строительством, эксплуатацией или ремонтом переданного имущества. К примеру, решением суда признан недействительным пункт соглашения, предусматривающий возможность использования концессионером платы концедента, в том числе, на уплату или возмещение расходов

по уплате процентов за пользование заемными денежными средствами².

Таким образом, важным является недопущение заключения концессионных соглашений с минимальным или нулевым объемом частных вложений, а также с преобладающей долей финансового участия публичной стороны. Сказанное предопределяет необходимость обсуждения вопроса об установлении *минимальных пороговых значений размера инвестиционных обязательств концессионера в сфере ЖКХ* по отношению, к примеру, к его годовому доходу, выработки единых и эффективных подходов к финансово-экономической модели концессионного механизма.

При этом, как справедливо отмечается, весьма серьезным объективным препятствием к эффективной реализации института концессий является «низкий уровень подготовки кадров в системе государственного и муниципального управления, способных квалифицированно подготавливать и заключать договоры концессий» [6]. Названная проблема является особенно острой в жилищной и жилищно-коммунальной сферах, что обусловлено многочисленностью нормативно-правовых актов в этой сфере, их сложностью, наличием пробелов и коллизий в нормативном материале, социальной значимостью указанных сфер и иными обстоятельствами. На сегодняшний день все чаще высказываются мнения о необходимости научного сопровождения жилищной и жилищно-коммунальной сфер, не является исключением, на наш взгляд, и институт концессий.

Еще одной проблемой остается *непринятие мер органами местного самоуправления к передаче объектов жилищно-коммунального хозяйства по концессионным соглашениям*. До настоящего времени встречаются факты передачи объектов коммунальной

¹ Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 27 марта 2024 г. по делу № А38-1798/2023. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Решение Четвертого арбитражного апелляционного суда от 24 января 2024 г. по делу № А58-10768/2022. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

инфраструктуры по договорам аренды или безвозмездного пользования в нарушение требований закона, отмечается неполнота реализации концессионного механизма в жилищно-коммунальной сфере. С целью преодоления указанных нарушений прокурорами принимается комплекс мер реагирования. В частности, по требованиям прокуроров в судебном порядке признается незаконным бездействие органов власти на этом направлении, органы местного самоуправления понуждаются к размещению предложений о заключении концессии, оспариваются сделки о передаче коммунальной инфраструктуры в обход концессии по договорам аренды и т. п.

Вместе с тем при оценке деятельности концедентов на данном направлении следует учитывать, какие конкретно меры принял орган местного самоуправления по передаче объектов ЖКХ по концессионному соглашению, опубликован ли перечень объектов, проводились ли конкурсы, каковы причины признания их несостоявшимися, в каком состоянии находятся соответствующие объекты и т. п. Как верно отмечается судами, отсутствие заявок для участия в конкурсе может быть обусловлено «не бездействием администрации, а отсутствием предприятий, осуществляющих деятельность на территории муниципального образования, способных взять на себя долгосрочные обязательства по модернизации коммунальной инфраструктуры, требующих значительные финансовые вложения»¹. Нельзя игнорировать наличие таких населенных пунктов и территорий, где численность населения незначительна, а конкуренция в сфере ЖКХ не развита.

¹ Апелляционное определение Хабаровского краевого суда от 15 апреля 2025 г. № 33-2039/2025 ; Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 19 августа 2025 г. № 88-6471/2025. Доступ к документам из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

С учетом сказанного видятся довольно справедливыми предложения относительно возможности передачи объектов коммунальной инфраструктуры, находящихся в государственной или муниципальной собственности, по *договору аренды*, если конкурс на заключение концессионного соглашения признан несостоявшимся в связи с отсутствием заявок². Полагаем, однако, что установление такого правила требует крайне осторожного подхода. Такое представляется допустимым лишь в населенных пунктах с низкой численностью и (или) плотностью населения и по согласованию с антимонопольными органами. Кроме того, заключаемый в таком случае договор аренды должен быть отличным от классической структуры арендных отношений, к примеру, путем возложения на арендатора минимальных инвестиционных обязательств, установления ограничения срока действия такого договора и т. п. Альтернативным способом решения данной проблемы видится допустимость функционирования института унитарных предприятий в такого рода случаях.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что концессионные соглашения являются ключевым механизмом привлечения внебюджетных инвестиций в жилищно-коммунальную сферу и важнейшим инструментом модернизации объектов коммунальной инфраструктуры. Вместе с тем существенными препятствиями для эффективной реализации концессионного механизма являются недостаточная открытость и полнота информации о планируемых к передаче объектах, высокий уровень износа коммунальной инфраструктуры, отсутствие единых подходов к мерам поддержки инвесторов, низкое качество отдельных концессионных

² Заседание Совета по вопросам жилищного строительства и содействия развитию жилищно-коммунального комплекса при Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации...

соглашений и их проектов, а также дефицит квалифицированных кадров, способных обеспечивать правовое и экономическое сопровождение концессионных проектов.

В целях повышения эффективности концессионного механизма представляется необходимым, в частности, установление на федеральном уровне системы мер поддержки добросовестных инвесторов, введение дополнительных механизмов предварительной оценки качества проектов концессионных соглашений, обсуждение возможности закрепления минимальных инвестиционных обязательств концессионеров в сфере ЖКХ. Кроме того, развитие концессионного механизма требует дифференцированного подхода к муниципальным образованиям с низкой численностью / плотностью населения и ограниченным инвестиционным потенциалом. В таких случаях допустимо рассмотрение альтернативных моделей эксплуатации объектов коммунальной инфраструктуры, включая арендные отношения либо институт унитарных предприятий.

Таким образом, дальнейшее совершенствование института концессии в жилищно-коммунальной сфере должно быть направлено не на формальное увеличение количества заключаемых соглашений, а на повышение их качества, инвестиционной наполненности и реальной способности обеспечивать устойчивое развитие коммунальной инфраструктуры и защиту интересов потребителей коммунальных услуг.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Концессии в ЖКХ // Бюллетень Счетной палаты Российской Федерации. 2025. № 5. 141 с.

2. Дубинчина С. В. Существенные условия концессионных соглашений: что важно учитывать при формулировании условий долгосрочных обязательств сторон // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2017. № 10. С. 87–94. EDN: ZMYVEX.

3. Катышевцев В. А. Актуальные вопросы теории и практики капитального гранта в концессионном соглашении // Вестник Российской правовой академии. 2025. № 5. С. 143–150. DOI: 10.33874/2072-9936-2025-0-5-143-150 EDN: EMXCON.

4. Катышевцев В. А. Концессионное соглашение и офсетная закупка // Вестник Российской правовой академии. 2025. № 6. С. 112–120. DOI: 10.33874/2072-9936-2025-0-6-112-120 EDN: VMBOVD.

5. Качкин Д. В., Репин Р. Р. Соглашение о государственно-частном партнерстве как гражданско-правовой договор // Закон. 2015. № 10. С. 147–156. EDN: VBRPRN.

6. Баженов А. Ю. Концессии и соглашения о публично-частном партнерстве: сравнительный анализ и вопросы права собственности // Правосудие. 2025. № 2. С. 96–112. DOI: 10.37399/2686-9241.2025.2.96-112. EDN: IWPZHN.

7. Варнавский В. Г. Использование механизмов доверительного управления и концессий для повышения эффективности управления государственной и муниципальной собственностью // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2012. № 5. С. 19–29. EDN: OXUJFN.

8. Актуальные вопросы развития концессионных соглашений в сфере ЖКХ. Адвокатское бюро "Качкин и Партнеры", 2025. 60 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ксенофонтова Евгения Михайловна, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент (Российская Федерация, 664003, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1), ORCID 0000000182921193, e-mail: evg-suranova@yandex.ru.

Ksenofontova Evgeniya Mikhailovna, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Irkutsk Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Ph.D. in Jurisprudence, Associate Professor (Russian Federation, 664003, Irkutsk, Shevtsova st., 1), ORCID 0000000182921193, e-mail: evg-suranova@yandex.ru.

**ВЛИЯНИЕ ЧАСТНОПРАВОВОГО ПРИНЦИПА ДОБРОСОВЕСТНОСТИ
НА РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ****А. В. Яровой**

Иркутский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
Иркутск, Российская Федерация
e-mail: jam98@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена определению юридической природы принципа добросовестности и возможность его применения в сфере публичного права. Анализируются тенденции развития законодательства и судебной практики по применению правил о добросовестности и защите от злоупотребления правом в различных отраслях права. Приводится анализ зарубежных источников определения сферы применения принципа добросовестности и его критериев применения. Предпринята попытка обоснования целесообразности применения принципа добросовестности при правовом регулировании частных и публичных отношений.

Ключевые слова: принцип добросовестности, злоупотребление правом, публичное право, частное право.

Для цитирования: Яровой А. В. Влияние частноправового принципа добросовестности на регулирование общественных отношений // Искусство правове́дения. 2026. № 3. С. 105–111.

**THE INFLUENCE OF THE PRIVATE LAW PRINCIPLE
OF GOOD FAITH ON THE REGULATION OF SOCIAL RELATIONS****A. V. Iarovoi**

Irkutsk Law Institute (branch) of the University
of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
Irkutsk, Russian Federation
e-mail: jam98@yandex.ru

Annotation. The article is devoted to defining the legal nature of the good faith principle and the possibility of its application in public law. The article analyzes the trends in the development of legislation and judicial practice on the application of the rules on good faith and protection against abuse of rights in various branches of law. It provides an analysis of foreign sources on the definition of the scope of application of the principle of good faith and its criteria of application. This study argues for the applicability of the good faith principle to both private and public law relations.

Key words: principle of good faith, abuse of rights, public law, private law.

For citation: Iarovoi A. V. The Influence of the Private Law Principle of Good Faith on the Regulation of Social Relations // The Art of Law. 2026. № 3. С. 105–111.

Понятие, классификация принципов права несмотря на основополагающее значение для законодательства, судебной и правоприменительной практики весьма дискуссионны [1, с. 9–13]. Следует согласиться с мнением Е. Г. Комиссаровой, что принцип права является результатом «определенного обобщения, продуктом сознательного творчества ученых, их воззрения на сформировавшиеся явления общественной жизни» [2, с. 16]. Формирование принципа должно происходить на основании изучения всех аспектов общественных отношений, выработки критериев применения в судебной практике. Принципы позволяют добиваться целей правового регулирования. В большинстве своем они имеют отраслевой характер и должны соответствовать типу правового регулирования. Только некоторые принципы носят общеотраслевой характер и могут применяться к регулированию отношений в сфере частного и публичного права. Традиционно, принцип добросовестности воспринимается как краеугольный камень частного права, «каучуковая» норма, позволяющая суду корректировать несправедливое поведение участника имущественных отношений. Для гражданского права характерно широта усмотрения участников, что можно отнести к необходимому условию соблюдения автономии воли субъектов гражданского права. Обратной стороной проявления необходимой автономии воли может стать злоупотребление правами каким-либо участником гражданских правоотношений. В ГК РФ весьма абстрактно определены возможные случаи злоупотребления правом и одним из его проявления установлено, совершение действий в обход закона (п. 3. ст. 10). Действия при этом соответствуют требованиям закона, но их результат исходя из свободы волеизъявления позволяет участнику (участникам) обойти установленные законодательные предписания или приводит к иному несправедливому результату. Бесспорно, преобладающие в гражданском праве

диспозитивные нормы необходимы для предоставления правовой инициативы участникам [3, с. 122], однако влияют на увеличение возможности злоупотреблений со стороны их участников. Представляется, что принцип добросовестности позволяет защитить субъекта отношений от возможного несправедливого поведения другого участника гражданского правоотношения при реализации им автономии воли. Применение судом принципа добросовестности существенно расширяет границы судебной дискреции и несет риск отказа от применения правовых предписаний, если поведение лица не соответствует моральным представлениям о разумности, справедливости. Юридическая деятельность судейского корпуса характеризуется высокой квалификацией и безупречными общечеловеческими качествами судей, что позволяет минимизировать риски и выработать критерии добросовестности для конкретных спорных отношений. Оправданно мнение о сходстве юридической деятельности с искусством [4, с. 10]. Для публичного права характерно преобладание императивных норм и четкое определение границ поведения. Возможность личного усмотрения весьма минимальна. Вопрос о возможности применения принципа добросовестности за пределами частного права практически не поднимался. Однако за последнее десятилетие мы наблюдаем тектонический сдвиг: благодаря практике Конституционного Суда РФ (КС РФ) категория добросовестности обретает публично-правовое измерение и конституционное содержание. Дуализм права остается основным делением исходя из юридической природы, регулируемых отношений [5, с. 52–56]. Цель настоящей статьи – оценить значение принципа добросовестности для публичных правоотношений.

Конституционализация принципа добросовестности. Прямого закрепления в тексте Конституции РФ нет, но идея формирования конституционного

принципа добросовестности четко прослеживается.

Статью 15 (ч. 4) можно характеризовать как проводник естественного права. Конституция РФ интегрировала общепризнанные принципы международного права в национальную систему. Добросовестность (*bona fides*) следует отнести к признанному общему принципу широко распространенному и применяемому известными правовыми порядками. Следовательно, через ч. 4 ст. 15 он обретает силу на территории России как конституционный (межотраслевой) принцип.

Запрет злоупотребления правом (ст. 17, ч. 3). Это «зеркальное» отражение добросовестности. Норма о том, что осуществление прав не должно нарушать права других лиц, содержит негативный императив, обращенный ко всем субъектам — и к частным лицам, и к государству.

Принцип поддержания доверия к закону и действиям государства. Важнейшая правовая позиция КС РФ (впервые выражена в постановлении от 24 мая 2001 г. и многократно повторена). Конституционный Суд РФ вывел из преамбулы и статей о правовом государстве требование разумной стабильности правового регулирования. Невозможно произвольно распространить новые правила правового регулирования на прошлое время. Думается, что «*bona fides*» в публичной сфере — защита законных ожиданий.

Через системное толкование норм высшей юридической силы благодаря судебной практике Конституционного Суда РФ де-факто принцип добросовестности получил легитимацию в конституционном праве.

Догматическая проблема заключается в том, можно ли механически перенести цивилистическую категорию «знал — не знал, мог — не мог, должен был знать» на отношения, построенные на действии точных правовых предписаний с незначительным объемом самостоятельного волеизъявления.

Природа отношений, подчиняющихся принципу дозволистского правового регулирования, не предусматривает отклонений от четких моделей поведения с однозначным распределением прав и обязанностей. Тем не менее применение принципа добросовестности к отношениям, урегулированным публичным правом, становится весьма распространенным [6, с. 99–100].

Принцип добросовестности применен в целях противодействия коррупции и этот случай можно отнести к одному из самых ярких примеров относительно рассмотрения судами так называемых «антикоррупционных исков». В соответствии с Федеральным законом от 03.12.2012 № 230-ФЗ прокурор наделен полномочиями изъятия имущества в случае несоответствия расходов государственного (муниципального) служащего его доходам с учетом состава семьи. В Постановлении Конституционного Суда РФ от 31.10.2024 № 49-ФЗ суд сделал вывод, что граждане, добровольно избирая профессиональную деятельность, предполагающую выполнение публичных функций, соглашаются с ограничениями, связанными с приобретаемым им статусом, «вопреки общеправовым принципам добросовестности и недопущения злоупотребления правом, граждане извлекают преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения».

Другим примером может служить применение в КоАП РФ принципа вины юридического лица (ст. 2.1). Он сформулирован объективно: лицо признается виновным, если у него имелась возможность соблюсти правила, но оно не предприняло всех зависящих от него мер. Что можно рассматривать публично-правовым выражением принципа добросовестности как должной осмотрительности. Частноправовая логика поведения «разумного участника оборота» проникла в сферу отношений «власти-подчинения».

Применение в гражданском процессуальном законодательстве эстоппеля как процессуальной честности можно соотнести в судебной практике с реализацией принципа добросовестности. В последние годы Верховный Суд Российской Федерации активно внедряет правило «эстоппель» (никто не может противоречить своему предыдущему поведению в ущерб контрагенту). Это проявление принципа «*venire contra factum proprium*». Если сторона процесса ранее признавала факт, она теряет право его оспаривать. Это не просто процессуальная экономия, это запрет недобросовестного процессуального поведения (злоупотребления правом на защиту).

Еще одним примером может служить указание на недопустимость злоупотребления правом (статья 11) в Федеральном законе РФ от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации».

Сложилось мнение о возможности применения добросовестности при оценке поведения налогоплательщика [7, с. 86–90].

Наличие гражданско-правового принципа добросовестности оправдано диспозитивностью правового регулирования. Необходимо предоставить судебную дискрецию для наиболее полной защиты прав и законных интересов участников гражданских отношений. В публичном праве должна применяться санкция за нарушение прямого запрета публичного права и использование частных правовых средств защиты приводит к мысли у ученых-исследователей о применении законодателем смешенного способа защиты прав и свобод.

Принцип добросовестности – это принцип применимый в частном праве и насчитывающих не одно тысячелетие. Применение принципа добросовестности подразумевает руководство иными социальными нормами, чем правовые. Нарушение норм публичного права должно влечь определенную

ответственность, не установленную моральными постулатами.

Насколько обоснованным является применение принципа добросовестности в сфере публичного права? Обратимся к международному опыту применения категории добросовестности. Принцип добросовестности является одним из важнейших принципов, лежащих в основе договора в большинстве правовых систем, как гражданского, так и общего права, включая немецкое, французское и американское, хотя его определение и сфера применения действительно сложны. Тем не менее, в английском праве продолжают дебаты о признании добросовестности как общего принципа. Принцип добросовестности был введен в рамках недавно принятых унифицированных законов, таких как Конвенция Организации Объединенных Наций о международной купле-продаже товаров (CISG), Принципы УНИДРУА в отношении международных коммерческих договоров (Принципы УНИДРУА) и Принципы европейского договорного права (PECL). Хотя CISG не содержит четкого указания на добросовестность как на общий принцип, лежащий в основе Конвенции, два других регламента прямо указывают, что стороны договора должны действовать добросовестно.

Принцип добросовестности в американском корпоративном праве включает в себя общую базовую концепцию и конкретные обязательства, вытекающие из этой концепции. Базовая концепция состоит из четырех элементов: субъективная честность, или искренность; соблюдение общепринятых норм приличия, применимых к ведению бизнеса; соблюдение общепринятых базовых корпоративных норм; добросовестное исполнение должностных обязанностей. К конкретным обязательствам, вытекающим из базовой концепции, относятся обязательство не допускать, чтобы корпорация сознательно нарушала закон, и обязательство быть честным даже в ситуациях, когда это не отвечает личным интересам.

Дискуссия о понятии добросовестности в зарубежной юридической литературе, обычно имеет три измерения: «во-первых, содержательное измерение обоснования обязанностей добросовестности, например, с точки зрения договорной этики; во-вторых, формальное измерение, касающееся его структуры как расплывчатого стандарта; и, наконец, измерение институциональной компетентности, поднимающее вопрос о свободе и ограниченности судебной власти при вынесении решений на основе открытых стандартов, таких как добросовестность». Таким образом, дискуссия состоит из «противоречий между индивидуалистической этикой свободы договора и противоположной альтруистической ценностью межличностной ответственности, между опасностью судебного произвола и требованием справедливой гибкости, и, наконец, между легитимностью судебного законотворчества и настаиванием на судебной сдержанности.

В Германском гражданском уложении понятие «добросовестно» (*in gutem Glauben*) применяется по всему тексту с одинаковой точностью и в одном и том же смысле [8, с. 152].

В традициях латинских стран наблюдается тенденция ограничивать функцию добросовестности первым измерением, а само понятие - этическим понятием: добросовестность выражает моральное правило, а точнее, альтруистическую мораль, в той мере, в какой это допускают формальные нормы права. Содержание добросовестности может быть окрашено более субъективно, как в традиционном французском взгляде, сводящем добросовестность к отсутствию недобросовестности в субъективном смысле; оно может быть окрашено более объективно, как в статье 1175 Гражданского кодекса Италии о правилах добросовестности. С другой стороны, некоторые авторы разработали теорию, согласно которой добросовестность вообще не имеет содержательного смысла,

что между так называемыми правилами добросовестности нет внутренней согласованности и что любое правило может быть основано на ней. В этом представлении добросовестность – это всего лишь сумма всех дополнений и исправлений к старой традиции, внесенных судьями, независимо от их содержания, подобно тому как «право справедливости» в английском праве состоит из дополнений и исправлений к старому общему праву, и право преторов в классическом римском праве. Таким образом, единственная роль пункта о добросовестности заключается в том, чтобы напоминать, что судьи создают закон.

Следует констатировать, что в позитивном праве добросовестность по-прежнему имеет содержательное измерение, хотя и очень широкое (добросовестность как очень открытая норма, но все же норма), содержательное измерение, отрицательно ограниченное двумя другими измерениями. В позитивном договорном праве решение будет рассматриваться как применение принципа добросовестности, если (и только если): оно положительно соответствует открытой норме (содержательное измерение) и не вытекает уже из другой твердо установленной нормы (формальное и/или институциональное измерение). Как только более конкретная норма твердо установлена, добросовестность больше не является необходимым условием для обоснования этого правила, но это не означает, что содержание открытой нормы добросовестности может быть когда-либо исчерпано в более конкретные нормы («herunterkonkretisiert»).

Что касается третьего измерения французская идеология запрещает судье создавать законы, но в исключительных случаях позволяет ему судить в соответствии с тем, что требует справедливость в конкретном случае; но всякий раз, когда судья формулирует правило, не признанное законом или традицией в качестве правового правила,

чтобы оправдать свое решение, он рассматривается как нарушающий свои полномочия. Швейцарский гражданский кодекс обязывает судью сформулировать правило, а именно правило, которое он сформулировал бы, будучи законодателем, и принимать решение в соответствии с этим правилом. В швейцарском праве формальный аспект (а именно, ориентация на правила, а не просто на справедливость) преобладает над аргументами институционального характера, используемыми во Франции.

В литературе предпринимались попытки определить добросовестность с помощью таких понятий, как справедливость, честное поведение, разумные стандарты добросовестного обращения, порядочность, разумность, достойное поведение, здравый этический смысл, дух солидарности, общественные стандарты справедливости, честность. Таким образом, простое объяснение добросовестности заключается в том, что это принцип, требующий от сторон договора быть справедливыми, разумными и честными, соблюдать стандарты добросовестного ведения дел, а также ожидания и интересы другой стороны.

Добросовестность как принцип не имеет и не должен иметь четкого содержания. По своей сути он является абстрактным и требует конкретизации судом при каждом рассмотрении дела. Судебным актом должны определяться обоснованные выводы признания поведения недобросовестным по объективным критериям. Абстрактность принципа одновременно обладает преимуществами, так как позволяет адаптировать правовое регулирование к развивающимся общественным отношениям и конкретным ситуациям.

Полагаем обоснованным применение принципа добросовестности только в сфере регулирования частных отношений, где велика степень свободы усмотрения в поведении субъектов. Добросовестность обладает характеристиками универсальности (т. е. относится не только к сфере

осуществления гражданских прав, но и к исполнению обязанностей), всеобщности (распространяет свое действие на все институты в рамках отрасли гражданского права, однако выработка устойчивых критериев отнесения поведения к недобросовестному отнесена к прерогативе суда). В публичном праве должны действовать четкие предписания (санкции) за нарушения прямого запрета или ограничения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кузнецова О. А. Нормы-принципы российского гражданского права. Москва : Статут, 2006. 269 с. ISBN 5-8354-0350-X. EDN: TDAATD.
2. Комиссарова Е. Г. Об основных началах гражданского законодательства // Журнал российского права. 2001. № 5. С. 13–20.
3. Яковлев В. Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. Москва : Статут, 2006. 240 с. ISBN 5-8354-0339-9. EDN: QXARYJ.
4. Юрковский А. В. К вопросу об искусстве, праве и искусстве правоведа // Искусство правоведа 2022. № 2. EDN: RLZZRV.
5. Рудых С. Н., Дондоков Ж. Д. О системе частного права: от прошлого к будущему // Искусство правоведа 2023. № 4. EDN: NEPMET.
6. Мяханова А. Н., Коновалова З. А., Синьков Д. В. Некоторые аспекты противодействия коррупции в сфере закупок: сравнительный опыт Российской Федерации и Китая // Искусство правоведа 2025. № 1. EDN: XCWPSN.
7. Седаев П. В. «Добросовестность налогоплательщика», как один из основных критериев в понимании «Необоснованной налоговой выгоды» // Экономика и управление: анализ тенденций и перспектив развития. 2015. № 20. С. 181–185.
8. Цвайгерт К., Кётц Х. Сравнительное частное право. В 2 т. Том I. Основы; Том II. Договор. Неосновательное обогащение. Деликт. Москва : Международные отношения, 2024. 728 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Яровой Александр Валерьевич, декан факультета профессиональной переподготовки и повышения квалификации Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации кандидат юридических наук, доцент (Российская Федерация, 664003, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1), Author ID: 7929-0448, e-mail: jam98@yandex.

Iarovoi Aleksandr Valerievich, Dean of the Faculty of Professional Retraining and Advanced Training of the Irkutsk Law Institute (Branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation Candidate of Legal Sciences, Associate Professor (Russian Federation, 664003, Irkutsk, Shevtsova st., 1), Author ID: 7929-0448, e-mail: jam98@yandex.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ
(ЮРИДИЧЕСКИЕ)УДК 343.234
EDN [ECRNON](#)ПРИЗНАНИЕ БЕРЕМЕННОСТИ
СМЯГЧАЮЩИМ НАКАЗАНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВОМ**М. В. Винокуров**Иркутский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
Иркутск, Российская Федерация
e-mail: Rayndl@bk.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию уголовно-правового значения беременности как обстоятельства, смягчающего наказание (п. «в» ч. 1 ст. 61 УК РФ). Автор анализирует правовую природу данного обстоятельства, его обусловленность принципом гуманизма и особым психоэмоциональным состоянием женщины в период беременности. В работе рассматриваются дискуссионные вопросы, возникающие в правоприменительной практике: момент возникновения беременности, подлежащий учёту (на стадии совершения преступления, вынесения приговора или после); возможность признания смягчающим обстоятельством беременности, наступившей после совершения преступления; учёт аморального образа жизни виновной; а также возможность признания беременности супруги (сожительницы) осуждённого мужчины иным смягчающим обстоятельством.

На основе анализа доктринальных позиций и судебной практики (в том числе решений Верховного Суда Российской Федерации и кассационных судов) автор приходит к выводу, что в действующем уголовном законодательстве, в отличие от предшествовавшего уголовного законодательства советского периода, отсутствует критерий хронологической связи беременности с моментом совершения преступления. Это дает суду право применять соответствующую норму как к случаям беременности на момент инкриминируемого деяния, так и к ситуациям, когда она была установлена после судебного решения, но до его вступления приговора в законную силу. При этом обосновывается нецелесообразность учёта беременности, возникшей после вступления приговора в законную силу, и отмечается, что аморальный образ жизни женщины не является основанием для отказа в учете беременности как смягчающего наказание обстоятельства. В работе также рассматривается проблема совмещения двух смягчающих обстоятельств: факта беременности в период совершения деяния и наличия малолетних иждивенцев на этапе постановления приговора. Автор аргументированно доказывает, что подобное сочетание не образует двойного зачёта одного и того же признака, поскольку данные обстоятельства опираются на различные нормативные основания и хронологически относятся к разным процессуальным отрезкам времени.

Ключевые слова: беременность, смягчающие наказание обстоятельства, индивидуализация наказания, принцип гуманизма, судебная практика, учёт личности виновного, момент возникновения беременности, аморальный образ жизни, ст. 61 УК РФ.

Для цитирования: Винокуров М. В. Признание беременности смягчающим наказанием обстоятельством // Искусство правоведения. 2026. № 3. С. 112–121.

RECOGNITION OF PREGNANCY AS A CIRCUMSTANCE MITIGATING PUNISHMENT

M. V. Vinokurov

Irkutsk Law Institute (branch) of the University
of the Prosecutor's Office of the Russian Federation,
Irkutsk, Russian Federation
e-mail: Rayndl@bk.ru

Annotation. The article is devoted to the study of the criminal-legal significance of pregnancy as a mitigating circumstance (clause “с”, part 1, article 61 of the Criminal Code of the Russian Federation). The author analyzes the legal nature of this circumstance, how it derives from the principle of humanism and the special psycho-emotional state of a pregnant woman. The paper examines controversial issues that arise in law enforcement practice: the moment at which pregnancy becomes relevant (at the stage of committing the crime, passing the sentence, or after); the possibility of recognizing pregnancy that occurs after the commission of a crime as a mitigating circumstance; the consideration of the perpetrator’s immoral lifestyle; and the possibility of recognizing the pregnancy of a convicted man’s wife (or cohabitant) as another mitigating circumstance.

Based on an analysis of doctrinal positions and judicial practice (including decisions of the Supreme Court of the Russian Federation and cassation courts), the author concludes that the current criminal legislation (unlike the 1960 Criminal Code of the RSFSR) does not link the consideration of pregnancy to the moment of its occurrence, which allows courts to recognize it as a mitigating circumstance not only when a crime is committed during pregnancy, but also in cases where pregnancy occurs after the crime has been committed and even after the verdict has been pronounced – until it enters into legal force. At the same time, the inadvisability of taking into account a pregnancy that occurs after the verdict has entered into legal force is substantiated, and it is noted that a woman’s immoral lifestyle is not a basis for excluding pregnancy from the list of mitigating circumstances, although it may influence the degree of punishment mitigation. Special attention is paid to the question of the possibility of simultaneously taking into account pregnancy at the time the crime was committed and the presence of young children at the time the verdict is issued, which does not constitute double counting due to the difference in legal grounds and the time periods for their assessment.

Key words: pregnancy, mitigating circumstances, individualization of punishment, principle of humanism, judicial practice, consideration of the offender’s personality, moment when pregnancy occurs, immoral lifestyle, Article 61 of the Criminal Code of the Russian Federation.

For citation: Vinokurov M. V. Recognition of Pregnancy as a Circumstance Mitigating Punishment // The Art of Law. 2026. № 3. С. 112–121.

Институт обстоятельств, смягчающих наказание, является одним из ключевых механизмов индивидуализации уголовной ответственности. Среди обстоятельств, предусмотренных ч. 1 ст. 61 УК РФ, особое место занимает беременность виновной (п. «в»). Это единственное смягчающее обстоятельство, обусловленное исключительно физиологическими особенностями личности и напрямую связанное с реализацией принципа гуманизма.

Несмотря на, казалось бы, четкую законодательную регламентацию, правоприменительная практика сталкивается с множеством дискуссионных вопросов: насколько правомерно признание смягчающим обстоятельством беременности, возникшей уже после окончания преступного посяательства; как быть с ситуациями, когда беременность прерывается или когда женщина ведет аморальный образ жизни, ставящий под угрозу здоровье будущего ребенка. Наконец, существуют ли

основания для признания в качестве смягчающего обстоятельства беременности супруги (сожительницы) осужденного мужчины.

Для правильного разрешения поставленных вопросов необходимо установить правовую природу и основания выделения беременности в качестве смягчающего наказания обстоятельства, а также определить, чем именно обусловлен его учёт при назначении наказания.

Учитывая, что беременность является состоянием, характерным исключительно для женщин, смягчающее обстоятельство, предусмотренное п. «в» ч. 1 ст. 61 УК РФ, применяется только к лицам женского пола. При решении вопроса о назначении наказания мужчине состояние беременности его супруги (сожительницы) может быть принято во внимание в качестве иного смягчающего обстоятельства¹ в соответствии с ч. 2 ст. 61 УК РФ, в том числе когда сведения о беременности сообщены суду после провозглашения приговора².

В доктрине уголовного права преобладает позиция, согласно которой отнесение беременности подсудимой к числу смягчающих обстоятельств обусловлено, в первую очередь, реализацией принципа гуманизма. При этом исследователи обращают внимание на то, что данное физиологическое состояние нередко сопровождается повышенной эмоциональной лабильностью, импульсивностью реакций, мнительностью, вспыльчивостью, а также иными временными отклонениями в психическом и физическом статусе женщины, способными влиять на её поведение [1, с. 106].

Придерживаясь указанной точки зрения, М. Н. Становский более подробно обосновывает данную позицию, считая,

что при беременности нередко появляется повышенная раздражительность, переменчивость в настроении, возбудимость, вспыльчивость. Эти особенности могут толкнуть женщину на совершение необдуманных поступков, вызвать повышенную, а иногда и неадекватную реакцию на те или иные внешние факторы. Именно поэтому законодатель и предусмотрел указанное состояние женщины в качестве обстоятельства, смягчающего наказание [2, с. 209].

Г. З. Анашкин утверждает, что совершение преступления женщиной в состоянии беременности является обстоятельством, смягчающим ответственность и наказание, поскольку этот физиологический процесс вызывает в организме женщины ряд изменений. При этом ее психика становится более ранимой [3, с. 23].

Из приведённых доктринальных позиций следует, что состояние беременности рассматривается авторами в контексте мотивационной сферы преступного поведения. Однако такой подход порождает ряд неразрешённых вопросов: подлежит ли применению данная смягчающая норма в ситуациях, когда женщина на момент деяния не знала о своей беременности; обязательно ли установление причинно-следственной связи между физиологическим состоянием и мотивацией содеянного; и наконец, допустимо ли признание беременности смягчающим обстоятельством при неосторожных формах вины, где мотив как конструктивный признак отсутствует.

Представляется, что осознание женщиной факта беременности на момент совершения преступления не является обязательным условием для признания данного обстоятельства смягчающим, поскольку его правовое значение обусловлено не столько мотивацией сохранения будущего ребенка, сколько изменённым психоэмоциональным состоянием, характерным для периода беременности. Указанной позиции

¹ Апелляционное постановление Московского городского суда от 16.03.2026 по делу № 10-3338/2026. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Апелляционное определение Краснодарского краевого суда от 15.09.2022 по делу № 22-6048/2022. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

придерживается и действующая судебная практика.

Так, Верховным судом признаны законными решения нижестоящих судов о признании беременности в качестве смягчающего наказание обстоятельства. Согласно пункту "в" части 1 статьи 61 УК РФ суд посчитал возможным признать смягчающим наказание обстоятельством совершение преступления женщиной, находящейся в состоянии беременности несмотря на то, что Ш. о своей беременности на момент совершения преступления не знала¹.

Более того, исходя из конструкции п. «в» ч. 1 ст. 61 УК РФ для учета беременности в качестве смягчающего не требуется устанавливать каких-либо дополнительных условий, в том числе каким образом состояние беременности повлияло на принятое решение о его совершении.

Так, судебной коллегией изменен приговор Амурского городского суда Хабаровского края в отношении Р., осужденной по ч. 4 ст. 111 УК РФ к шести годам лишения свободы, наказание смягчено до пяти лет лишения свободы. В определении коллегия указала, что согласно протоколу судебного заседания, при установлении личности подсудимой она сообщила о своей беременности и ее сроках. О наличии беременности Р. заявляла и в период предварительного расследования. В соответствии с приговором преступление совершено Р. в состоянии беременности. Согласно ст. 61 УК РФ беременность признается обстоятельством, смягчающим наказание. Судом первой инстанции установлено нахождение Р. в состоянии беременности во время совершения преступления, однако вопрос о признании данного

обстоятельства смягчающим наказание судом не рассматривался².

Таким образом, учет беременности в качестве смягчающего наказание обстоятельства не ставится в зависимость от того, повлияло ли данное состояние на мотивацию преступного поведения. Юридическое значение имеет лишь подтверждение самого факта беременности. Соответственно, совершение неосторожных преступлений в состоянии беременности также порождает необходимость учета данного смягчающего наказания обстоятельства.

Указанная позиция разделяется и учеными-правоведами. Так в своем учебном пособии А. В. Зарубин указывает, что «при признании состояния беременности смягчающим обстоятельством не учитывается: срок беременности, нормально или же болезненно она протекает, известен ли факт беременности самой виновной и другим лицам, а также характер совершенного преступления» [4, с. 36].

Также интересным представляется вопрос о возможности учета рассматриваемого смягчающего обстоятельства в тех случаях, когда женщина ведет аморальный образ жизни, демонстрирует нежелание дальнейшего воспитания ребенка. Большинство авторов, рассматривающих данный вопрос, склоняются к точке зрения того, что учитывать данное обстоятельство в качестве смягчающего в таких условиях неправильно.

Например, М. И. Качан указывает, что «нельзя признавать беременность в качестве обстоятельства, смягчающего наказание, если виновная не заботится о здоровье своего будущего ребёнка, ведёт аморальный образ жизни, употребляет спиртные напитки, наркотические средства или психотропные вещества» [5, с. 4]. Также данной точки зрения

¹ См. п. 38: Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 за 2025 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Обзор надзорной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за 2008 год. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

придерживаются Г. И. Чечель [6, с. 130], С. А. Разумовов [7, с. 121] и др. авторы.

Вместе с тем, как было продемонстрировано выше, сложившаяся судебная практика идет по пути учета данного смягчающего наказание обстоятельства исходя из установленного факта беременности виновной, независимо от иных факторов, в том числе образа жизни, который ведет виновная.

Следующим дискуссионным вопросом в доктрине уголовного права является возможность учета в качестве смягчающего наказание обстоятельства беременности, возникшей после совершения преступления.

Так, П. П. Серков полагает, что состояние беременности как смягчающее обстоятельство подлежит учёту лишь в том случае, если преступление совершено в период беременности. Следовательно, беременность, возникшая после совершения преступления, по его мнению, не может быть учтена судом при назначении наказания по п. "в" ч. 1 ст. 61 УК РФ [8, с. 17].

Разделяя данную точку зрения, Г. И. Чечель указывает, что, если женщина совершает преступление и затем специально беременеет, чтобы уйти от уголовной ответственности, в данном случае вряд ли имеется основание для смягчения наказания [6, с. 130].

Также разделяет данную точку зрения К. В. Дядюн указывая, что «безусловное признание состояния беременности в качестве обстоятельства, смягчающего наказание, способно повлечь злоупотребления со стороны виновных, которые будут оправдывать совершение общественно опасных деяний влиянием состояния беременности независимо от того, соответствует ли это действительности» [9, с. 19].

Указанный подход продиктован в первую очередь тем, что названные правоведы опираются на уголовное законодательство советского периода, в котором данное смягчающее обстоятельство было закреплено в следующем виде: «совершение

преступления женщиной в состоянии беременности» (п. 8 ст. 38 Уголовного кодекса РСФСР 1960 г.¹). То есть уголовное законодательство советского периода прямо устанавливало в качестве условия учёта данного смягчающего обстоятельства совершение преступления именно в период беременности виновной.

В 1996 году на смену УК РСФСР пришел современный уголовный кодекс, в п. "в" ч. 1 ст. 61 УК РФ данное обстоятельство закреплено одним словом «беременность». Таким образом, можно констатировать, что законодатель постсоветского периода намеренно расширил возможность применения данного смягчающего обстоятельства, убрав указание на то, что именно преступление должно быть совершено в период или в состоянии беременности. Такой подход согласуется и с современной судебной практикой.

Так при рассмотрении апелляционной жалобы потерпевшего Орловский областной суд занял следующую позицию: «Вопреки доводам апелляционной жалобы, пунктом "в" ч. 1 ст. 61 УК РФ прямо предусмотрено признание беременности обстоятельством, смягчающим наказание, которое не ограничивается теми или иными условиями. При этом по смыслу уголовного закона суд вправе признать беременность подсудимой смягчающим наказание обстоятельством и в тех случаях, когда она возникла после совершения преступления»².

Многие современные ученые также поддерживают точку зрения о том, что беременность как смягчающее наказание обстоятельство может быть учтено и тогда, когда эта беременность наступила после совершения преступления.

В комментарии к Уголовному кодексу Российской Федерации под ред.

¹ Уголовный кодекс РСФСР : утв. ВС РСФСР 27 октября 1960 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». Утратил силу.

² Апелляционное постановление Орловского областного суда от 29.04.2026 по делу № 22-379/2026. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

А. А. Чекалина, В. Т. Томина, В. В. Сверчкова указывается, что «на признание смягчающим обстоятельством состояния беременности не оказывают решающего влияния ни ее срок, ни степень ее воздействия на принятое женщиной решение о совершении преступления, ни момент возникновения состояния беременности (в период посягательства либо же после него, но до вынесения приговора)» [10, с. 184].

В комментарии к Уголовному кодексу Российской Федерации под ред. В. М. Лебедева указано, что «беременность признается обстоятельством, смягчающим наказание виновной, прежде всего исходя из принципов гуманизма, что диктуется заботой о здоровье ребенка и самой женщины. Смягчающим наказанием обстоятельством является сам по себе факт нахождения женщины в состоянии беременности не только в момент совершения преступления, но и в момент вынесения приговора, вне зависимости от ее фактических последствий» [11, с. 189].

Соглашаясь с позицией указанных правоведов и современной судебной практикой, приходим к выводу, что закрепление такого смягчающего наказания обстоятельства как беременность продиктовано не только особым психоэмоциональным состоянием женщины и влиянием этого состояния на причины совершенного преступления, но и стремлением государства обеспечить более комфортные условия будущей роженицы и ребенку.

Анализ судебной практики свидетельствует о том, что беременность учитывается судами в качестве смягчающего наказания обстоятельства и в тех случаях, когда она наступила не только после совершения преступления, а даже после провозглашения приговора. Так, например апелляционным судом, с учетом представленных стороной защиты доказательств в суд апелляционной инстанции, изменил приговор нижестоящего суда и признал беременность в качестве смягчающего

наказание обстоятельства¹. При рассмотрении уголовного дела в апелляционном порядке в отношении Б. Е. стороной защиты предоставлены сведения о беременности осужденной, полученные после провозглашения приговора. С учетом указанных сведений судом апелляционной инстанции беременность учтена как смягчающее наказание обстоятельство².

Исходя из представленной справки начальника гинекологического отделения филиала "Больница" ФКУЗ МСЧ-74 ФСИН России от 25 декабря 2025 года Б. состоит на диспансерном учете с Беременностью 27-28 недель. В судебном заседании суда апелляционной инстанции осужденная и сторона защиты заявляли о беременности Б., однако указанное обстоятельство учтено не было³.

В суд апелляционной инстанции стороной защиты были представлены сведения, подтверждающие то обстоятельство, что осужденная находится в состоянии беременности, что необходимо учесть в качестве смягчающего обстоятельства. Данные обстоятельства не были известны суду первой инстанции при вынесении приговора, ввиду чего не могли быть учтены при назначении осужденной наказания⁴.

Представляется, что при решении вопроса о назначении осужденной наказания, данное обстоятельство подлежит учету в качестве смягчающего, поскольку в соответствии с п. 1 ст. 49

¹ Апелляционное определение Третьего апелляционного суда общей юрисдикции от 24.09.2025 по делу № 55-460/2025. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Апелляционное определение Ставропольского краевого суда от 17.07.2024 по делу № 22-2764/2024. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 10.02.2026 № 7У-7763/2025. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Апелляционное определение Краснодарского краевого суда от 10.12.2024 по делу № 22-8055/2024. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

Конституции РФ, каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном Федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда. В связи с чем, состояние беременности, возникшей до вступления приговора в законную силу, следует признать смягчающим, в силу п. "в" ч. 1 ст. 61 УК РФ, смягчив срок назначенного П. наказания¹.

Как видно из приведенных примеров, беременность как смягчающее наказание обстоятельство учитывается судом и в тех случаях, когда она возникла после совершения преступления, и даже после провозглашения приговора, но до момента его вступления в законную силу.

По нашему мнению, беременность, возникшая после вступления приговора в законную силу, не может являться основанием для пересмотра приговора в порядке глав 471 и 481 УПК и снижения наказания. При возникновении указанных обстоятельств необходимо руководствоваться нормами уголовно-исполнительного законодательства.

Примечательно, что даже в случае, если подсудимой не сообщается сведений о состоянии беременности на момент вынесения приговора, или даже сообщаются обратные сведения, то суд все равно должен учесть фактическую беременность при назначении наказания, как в качестве смягчающего наказание обстоятельства, так и при выборе вида наказания. Так кассационным судом изменен приговор мирового судьи в отношении К., состояние беременности признано смягчающим наказание обстоятельством, изменен вид назначенного наказания². С учетом изложенного, видится рациональным, при

рассмотрении уголовных дел о преступлениях, совершенных лицами женского пола, запрашивать в министерстве здравоохранения информацию о наличии или отсутствии сведений о состоянии беременности подсудимой.

Вопрос о возможности учёта беременности как смягчающего обстоятельства возникает в ситуациях, когда женщина совершила преступление в состоянии беременности, но к моменту вынесения приговора уже родила. Учитывая, что законодатель, доктрина и судебная практика исходят из особого психоэмоционального состояния беременной, данное обстоятельство подлежит учёту, поскольку оно оказало влияние на поведение женщины в момент совершения преступления, независимо от того, сохранилось ли оно на момент приговора. Таким образом, суд при вынесении приговора в качестве смягчающих наказание обстоятельств может одновременно учесть и беременность, и наличие малолетних детей у виновной. Подобное сочетание смягчающих наказание обстоятельств, которое на первый взгляд может показаться их двойным учётом, не противоречит уголовному закону, поскольку беременность оценивается применительно к моменту совершения преступления, тогда как сведения о личности — на момент вынесения приговора. Аналогичный подход необходимо применять при выкидыше или искусственном прерывании беременности — смягчающее значение имеет сам факт беременности на момент совершения преступления, соответственно беременность необходимо учитывать в качестве смягчающего наказание обстоятельства.

Если беременность наступила после совершения преступления и не сохранилась к моменту вынесения приговора, то её учёт в качестве смягчающего обстоятельства представляется нецелесообразным, поскольку она не оказывала воздействия

¹ Кассационное постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 22.05.2025 № 77-1116/2025. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Кассационное постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 18.11.2025 № 77-3049/2025. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

на поведение виновной в момент преступления, а к моменту назначения наказания утратила своё значение. В случае рождения ребёнка до провозглашения приговора данное обстоятельство подлежит самостоятельному учёту в качестве другого смягчающего наказание обстоятельства (п. «г» ч. 1 ст. 61 УК РФ).

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Правовая природа беременности как смягчающего наказание обстоятельства. Беременность виновной (п. «в» ч. 1 ст. 61 УК РФ) является единственным смягчающим обстоятельством, обусловленным исключительно физиологическими особенностями личности. Его правовое значение имеет двойственную природу: с одной стороны, она связана с особым психоэмоциональным состоянием женщины, влияющее на поведение в момент совершения преступления; с другой – с принципом гуманизма, диктующий заботу о здоровье матери и будущего ребёнка. Указанные предпосылки определяют особенности его применения.

2. Учёт беременности в доктрине и судебной практике. Осознание женщиной факта беременности на момент совершения преступления не является обязательным условием для признания данного обстоятельства смягчающим (позиция Верховного Суда РФ). Также не требуется устанавливать наличие причинно-следственной связи между беременностью и мотивами совершённого преступления, в том числе при совершении неосторожных преступлений. Юридическое значение имеет сам факт беременности. Действующая судебная практика последовательно исходит из того, что для признания беременности смягчающим обстоятельством достаточно подтверждения самого факта беременности. При этом поведение женщины (в том числе аморальный образ жизни, злоупотребление спиртным,

пренебрежение здоровьем будущего ребёнка) может влиять на степень смягчения наказания, однако не является основанием для исключения беременности из перечня смягчающих обстоятельств.

3. Возникновение беременности после совершения преступления. В отличие от советского уголовного законодательства (УК РСФСР 1960 г.), в котором смягчающим обстоятельством признавалось именно «совершение преступления женщиной в состоянии беременности», современный УК РФ (п. «в» ч. 1 ст. 61) закрепляет беременность как самостоятельное обстоятельство без указания на момент её возникновения. Это позволяет судам учитывать беременность, наступившую не только после совершения преступления, но и после провозглашения приговора – до момента его вступления в законную силу. Данный подход разделяется доктриной и подтверждается судебной практикой. Однако беременность, возникшая после вступления приговора в законную силу, не может служить основанием для его пересмотра; в таком случае вопросы разрешаются в рамках уголовно-исполнительного законодательства (например, отсрочка отбывания наказания).

4. Временные границы учёта беременности. Если женщина совершила преступление в состоянии беременности, но к моменту вынесения приговора родила, то беременность подлежит учёту в качестве смягчающего обстоятельства, поскольку она оказала влияние на поведение виновной в момент совершения преступления. При этом суд вправе одновременно признать смягчающими как беременность на момент преступления (п. «в» ч. 1 ст. 61 УК РФ), так и наличие малолетних детей на момент вынесения приговора (п. «г» ч. 1 ст. 61 УК РФ). Такое сочетание не является двойным учётом, поскольку эти обстоятельства относятся к разным временным периодам и имеют самостоятельные правовые основания. Аналогичный подход применяется в случаях выкидыша или искусственного

прерывания беременности – смягчающее значение имеет сам факт беременности на момент совершения преступления. Если же беременность наступила после совершения преступления и не сохранилась к моменту вынесения приговора, её учёт в качестве смягчающего обстоятельства представляется нецелесообразным, поскольку она не оказывала воздействия на поведение виновной в момент совершения преступления и утратила своё значение к моменту назначения наказания.

5. Учёт беременности супруги (сожительницы) мужчины. Поскольку беременность является состоянием, характерным исключительно для женщин, смягчающее обстоятельство, предусмотренное п. «в» ч. 1 ст. 61 УК РФ, применяется только к лицам женского пола. При решении вопроса о назначении наказания мужчине состояние беременности его супруги (сожительницы) может быть принято во внимание в качестве иного смягчающего обстоятельства на основании ч. 2 ст. 61 УК РФ, в том числе если сведения о беременности представлены в суд апелляционной инстанции после провозглашения приговора.

Таким образом, беременность как смягчающее наказание обстоятельство является сложной и многогранной правовой категорией, применение которой требует учёта как законодательных предписаний, так и сформировавшихся подходов доктрины и судебной практики. Наиболее дискуссионными остаются вопросы об учёте беременности, возникшей в «промежуточный» период между совершением преступления и вступлением приговора в законную силу, а также о влиянии аморального образа жизни виновной на признание беременности смягчающим обстоятельством. Представляется, что дальнейшее развитие правоприменительной практики и доктринальных подходов должно быть направлено на формирование единых критериев учёта данного обстоятельства,

обеспечивающих баланс между принципами гуманизма и неотвратимости ответственности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: постатейный: 2-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. В. И. Радченко ; науч. ред. А. С. Михлин, В. А. Казакова. Москва : Проспект, 2008. 699 с.
2. Становский М. Н. Назначение наказания. Санкт-Петербург, 1999. 480 с.
3. Анашкин Г. З. Обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность // Советская юстиция. 1980. № 16. С. 22–24.
4. Зарубин А. В. Смягчающие обстоятельства в уголовном праве России : учебное пособие. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2022. 101 с.
5. Качан М. И. Обстоятельства, смягчающие наказание, характеризующие личность виновного // Концепт. 2014. № S24. С. 6. EDN: SWLIBJ.
6. Чечель Г. И. Беременность как обстоятельство, смягчающее наказание // Общество и право. 2012. № 3(40). С. 127–130. EDN: PYTSBH.
7. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. Ю. А. Скуратова, В. М. Лебедева. Москва, 1999. 880 с.
8. Серков П. П. Смягчающие и отягчающие обстоятельства как средства обеспечения индивидуализации наказания : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2003. 27 с. EDN: NJPCCD.
9. Дядюн К. В. Беременность как обстоятельство, смягчающее наказание, в уголовном законодательстве России и зарубежных стран // Научный вестник Омской академии МВД России. 2014. № 3 (54). С. 18–23. EDN: SNXAND.
10. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: постатейный. 4-е изд., перераб. и доп. / под ред. А. А. Чекалина, В. Т. Томина, В. В.

Сверчкова. Москва : Юрайт-Издат, 2007. 1264 с.

11. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : в 4 т.: постатейный / отв. ред. В. М. Лебедев. Москва : Юрайт, 2017. Т. 1 : Общая часть. 316 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Винокуров Максим Владимирович, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент (Российская Федерация, 664003, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1), SPIN-код: 5577-4407, AuthorID: 1199877, e-mail: Rayndl@bk.ru.

Vinokurov Maxim Vladimirovich, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor at the Department of Criminal Law Disciplines Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, candidate of legal sciences, Associate Professor (Russian Federation, 664003, Irkutsk, Shevtsova st., 1), SPIN code: 5577-4407, AuthorID: 1199877, e-mail: Rayndl@bk.ru.

ОСОБЕННОСТИ ПОДГОТОВКИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ К УЧАСТИЮ В СУДЕБНОМ РАЗБИРАТЕЛЬСТВЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ ОБ АВИАЦИОННЫХ КРУШЕНИЯХ

В. А. Ермаченко

Сибирский колледж
транспорта и строительства,
Иркутский государственный университет
путей сообщения,
г. Иркутск, Российская Федерация
e-mail: ErmachenkoVit@mail.ru

Аннотация. В статье указывается, что обеспечение авиационной безопасности – ключевой приоритет государства, напрямую связанный с защитой жизни и здоровья граждан, устойчивостью транспортной системы и доверием к авиаперевозкам. Принцип неотвратимости наказания за нарушения в этой сфере выступает не просто карательной мерой, а системным инструментом профилактики и поддержания высокого уровня безопасности.

Учитывая изложенное, в статье рассматриваются условия эффективного поддержания государственного обвинения по уголовным делам в сфере нарушения правил эксплуатации авиационного транспорта, возможного лишь при условии глубокого понимания как юридических, так и технических аспектов авиационной безопасности. Автором систематизированы ключевые этапы и методические приёмы подготовки государственного обвинителя к судебному разбирательству по указанной категории дел, выявлены типичные проблемы и предложены пути их решения.

Ключевые слова: государственный обвинитель, авиационное крушение, судебное разбирательство, доказывание, экспертные заключения, процессуальная подготовка.

Для цитирования: Ермаченко В. А. Особенности подготовки государственного обвинителя к участию в судебном разбирательстве по уголовным делам об авиационных крушениях // Искусство правоведения. 2026. № 3. С. 122–129.

FEATURES OF PREPARING A PUBLIC PROSECUTOR TO PARTICIPATE IN A CRIMINAL TRIAL ON AVIATION ACCIDENTS

V. A. Ermachenko

Siberian College of Transport
and Construction,
Irkutsk State Transport University,
Irkutsk, Russian Federation
e-mail: ErmachenkoVit@mail.ru

Annotation. The article states that ensuring aviation security is a key priority for the state, as it is directly related to protecting the lives and health of citizens, ensuring the stability of the transport system, and maintaining trust in air transportation. The principle of inevitability of punishment for violations in this area is not just a punitive measure, but a systematic tool for prevention and maintaining a high level of security.

Taking into account the above, the article discusses the conditions for effectively supporting the state prosecution in criminal cases involving violations of aviation regulations, which can only be achieved through a deep understanding of both the legal and technical aspects of aviation security. The author systematizes the key stages and methods of preparing the state prosecutor for trials in this category of cases, identifies typical problems, and suggests ways to address them.

Key words: public prosecutor, aviation crash, trial, proof, expert opinions, procedural preparation.

For citation: Ermachenko V. A. Features of Preparing a Public Prosecutor to Participate in a Criminal Trial on Aviation Accidents // The Art of Law. 2026. № 3. С. 122–129.

Статистика свидетельствует о нарастании техногенных угроз в РФ: аварии на производстве, транспортные катастрофы, пожары и взрывы происходят всё чаще. Цена таких инцидентов – жизни людей, колоссальные экономические потери и неизгладимые психологические травмы. Особенно заметен рост авиационных происшествий: согласно отчету Межгосударственного авиационного комитета в 2024 году погибло 64 человека (40 случаев), в 2025 – уже 73 жертвы (27 случаев), что превышает количество жертв в 2023 году более чем в три раза (в 21 происшествии погибло 20 человек)¹. Особую тревогу вызывает систематическое несоблюдение требований нормативных правовых актов (в том числе правил техники безопасности и эксплуатации), которое нередко становится причиной авиационных происшествий [1, с. 12].

Уголовные дела о нарушениях правил безопасности эксплуатации воздушного транспорта (ст. 263 УК РФ) относятся к категории особо сложных в силу нескольких причин. Таких как, высокая техническая составляющая – необходимость разбираться в устройстве воздушных судов, принципах навигации, метеорологии, системах управления полётами; множественности нормативных актов – совокупности международных, федеральных и ведомственных

документов, нередко содержащих отсылочные нормы; необходимости привлечения узкопрофильных специалистов – авиационных инженеров, пилотов, диспетчеров, метеорологов, чьи заключения критически важны для установления истины; повышенной общественной значимости происшествий – авиакатастрофы вызывают широкий резонанс, требуют от обвинителя особой взвешенности и аргументированности позиции.

В своей статье Г. Г. Непеин отмечает: «Преступления, связанные с нарушением правил безопасности движения и эксплуатации воздушного транспорта, являются сложным объектом познания. Авиационное происшествие зачастую представляет собой скоротечное событие, вызываемое не только непосредственными причинами, имеющими технический характер (столкновение летательного аппарата с препятствием, сбой в работе бортового компьютера и систем безопасности, навигационных систем, отказ двигателей, неполадки в узлах и агрегатах и т. д.), но и рядом факторов, которые могли способствовать его наступлению» [2, с. 60]. Хотя статья указанного автора посвящена досудебному этапу проверки уголовного дела прокурором, она подчёркивает сложность анализа таких дел из-за технической составляющей и множества факторов, что актуально и для подготовки к судебному разбирательству.

Сложность данной категории дел обуславливает необходимость специальной подготовки государственного обвинителя, выходящей за рамки стандартной уголовно-процессуальной

¹ Состояние безопасности полетов в гражданской авиации государств-участников соглашения о гражданской авиации и об использовании воздушного пространства в 2025 г. : отчет Международного авиационного комитета. URL: <https://mak-iac.org/upload/iblock/198/mls23hsftpjj0js245du914ibaxed5k7/bp-25.pdf> (дата обращения: 11.08.2026).

компетенции. А качество подготовки государственного обвинителя к судебному процессу выступает одним из решающих факторов эффективности уголовного судопроизводства.

Соблюдение принципов законности, справедливости и неотвратимости наказания напрямую зависит от глубины проработки позиции прокурора, полноты исследования им собранных органами расследования доказательств, от выбранной тактики поддержания обвинения.

Как ключевой участник уголовного процесса государственный обвинитель гарантирует реализацию принципа законности и защиту общественных интересов. От качества его работы зависят как уровень отправления правосудия, так и доверие граждан к правовой системе.

Правовое положение государственного обвинителя регламентируется: Уголовно-процессуальным кодексом РФ¹ (далее – УПК РФ), Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации»², приказами Генерального прокурора РФ, в том числе от 30.06.2021 № 376 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства».

В соответствии с УПК РФ (ст.ст. 37, 246) государственный обвинитель наделён следующими ключевыми полномочиями: участие в судебном разбирательстве уголовных дел публичного и частно-публичного обвинения; представление доказательств и участие в их исследовании; изложение своего мнения по существу обвинения и применению уголовного закона; обжалование судебных решений.

Е. Р. Ергашев выделяет 4 принципа, раскрывающих содержание деятельности участия прокурора в суде первой

инстанции: содействие в осуществлении правосудия, опосредованность действий, обязательное участие в рассмотрении уголовных дел, диспозитивность [3, с. 33].

Подготовка к поддержанию государственного обвинения – фундаментальный этап деятельности прокурора, определяющий эффективность его работы в суде первой инстанции. От качества этой подготовки напрямую зависит, насколько полно и аргументировано будут представлены доказательства стороны обвинения.

Согласно п. 1.4 приказа Генерального прокурора РФ от 30.06.2021 № 376 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства», назначение государственных обвинителей должно происходить заблаговременно, с целью обеспечить реальную возможность надлежащим образом подготовиться к судебному процессу. Формально поручение о поддержании обвинения выдаётся в письменном виде. Однако на практике ситуация зачастую выглядит иначе: прокуроры нередко получают поручение за 1 день до заседания. Это критически сокращает время на изучение материалов дела и чревато следующими рисками: поверхностное знакомство с обстоятельствами дела; недостаточная проработка доказательной базы; слабая аргументация в суде.

Многие обвинители уделяют подготовительной стадии недостаточно внимания, недооценивая значимость данного этапа. Это обусловлено высокой загруженностью: у работника может не хватать времени на детальное изучение материалов, и некоторые прокуроры считают, что материалов надзорного производства достаточно для успешного выполнения процессуальных задач.

Однако, чтобы обеспечить всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств дела и установить истину, прокурор должен глубоко изучить материалы уголовного дела; чётко понимать фактические обстоятельства происшествия; разработать

¹Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ : в ред. от 15 декабря 2025 г. № 472-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс»

²О прокуратуре Российской Федерации : Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 : в ред. от 15 декабря 2025 г. № 486-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс»

продуманную тактику поддержания обвинения.

Нельзя не согласиться с мнением Г. И. Налимова о том, что «... за аксиому... необходимо принять одно требование: прокурор, готовящийся к процессу, не может и не имеет права появляться в суде, если он не знает материалов уголовного дела до мелочей: какие данные есть по тому или иному вопросу, где они находятся и в какой форме представлены» [4, с. 181].

Эффективность содействия суду в постановлении законного, обоснованного и справедливого приговора напрямую зависит от полноты и глубины предварительного исследования материалов уголовного дела. Систематический анализ доказательственной базы до начала судебного разбирательства обеспечивает оценку юридической силы каждого отдельного доказательства; проверку соответствия доказательств требованиям процессуального законодательства; определение достаточности совокупности доказательств для поддержания обвинения; формирование у прокурора внутренне обоснованной позиции по делу.

Сопоставляя позицию лица, проводившего расследование, и позицию прокурора, изложенную в обвинительном заключении, с собственными выводами по делу обвинитель формирует внутреннее убеждение, перспективную модель предстоящего поддержания обвинения в суде [5, с. 33].

Как указывал в своей значимой для всех государственных обвинителей работе А. Р. Ратинов: «Внутреннее убеждение должно представлять собой категорический однозначный вывод из материалов дела, не допускающий никаких сомнений. При итоговой оценке наличие сомнений, свидетельствуя об отсутствии внутреннего убеждения, делает невозможным принятие позитивного решения по делу» [6, с. 223]. Безусловно, недопустимо поддерживать государственное обвинение при наличии сомнений, тем более добиваться

вынесения судом обвинительного приговора.

В практике сложились два основных тактических подхода к анализу материалов уголовного дела. Хронологический метод предполагает последовательное изучение документов от постановления о возбуждении уголовного дела до обвинительного заключения (акта, постановления). Это позволяет провести объективный анализ доказательств, сформировать независимую позицию на основе собственной оценки доказательств и выработать собственные выводы и наметить процессуальные решения. Этот подход позволяет прокурору не зависеть от процессуальной позиции следователя и самостоятельно оценить доказательственную базу.

Системный метод начинается с изучения обвинительного заключения (акта, постановления), после чего прокурор переходит к материалам дела. Плюсами метода являются быстрое понимание сути дела, чёткое осознание объёма обвинения и доказательственной базы. Однако у этого подхода есть существенный недостаток: прокурор невольно принимает позицию следователя как исходную, что затрудняет формирование собственного независимого мнения о полноте и объективности расследования.

В работе И. К. Севастьяника и Е. Б. Серовой верно отражается, что участвующий в судебных стадиях уголовного процесса прокурор должен не только знать требования уголовного и уголовно-процессуального закона, но и уметь организовать свою деятельность, анализировать материалы уголовного дела с учётом обстоятельств, входящих в предмет доказывания по делу, видеть следственные ошибки и пути их устранения. Каждый государственный обвинитель должен своевременно готовиться к судебному заседанию, беспристрастно оценивать совокупность имеющихся доказательств, продумывать тактику своих действий [7, с. 5]. Это положение применимо и к делам о

нарушениях правил безопасности авиаперелётов, где требуется глубокий анализ технических и правовых аспектов.

Нормативная база, обязательная к изучению государственным обвинителем по уголовным делам данной категории, включает в себя, кроме Уголовного кодекса РФ, Воздушный кодекс РФ, Федеральные правила использования воздушного пространства, Федеральные авиационные правила, международные конвенции (Чикагская конвенция, Варшавская конвенция), ведомственные приказы Минтранса и Росавиации.

Такая градация нормативно-правовых актов создаёт риск неполного учёта нормативных требований при формулировании обвинения, что требует от обвинителя тщательной сверки всех применяемых норм. При этом международные стандарты ИКАО (ICAO) нередко имеют приоритет над национальными нормами, поэтому их анализ обязателен при построении правовой позиции.

Не вдаваясь в квалифицирующие признаки ст. 263 УК РФ, остановимся на предмете доказывания, который охватывает:

1. Факт нарушения конкретных правил безопасности – необходимо точно указать, какие именно нормы были проигнорированы или нарушены, с ссылкой на соответствующие нормативные акты.

2. Причинно-следственную связь между нарушением и наступившими последствиями – требуется доказать, что именно допущенные нарушения привели к авиапроисшествию, а не иные факторы (например, стихийные бедствия). Хронология событий – последовательность действий экипажа, диспетчеров, технического персонала.

3. Вину обвиняемого (небрежность или неосторожность) – важно установить, действовал ли субъект осознанно, пренебрегая правилами, или допустил ошибку вследствие недостаточной квалификации/стресса.

4. Характер и размер причинённого вреда (материального, физического, морального) – подлежит детальной оценке с привлечением экспертов (медиков, экономистов, психологов).

5. Обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность – например, попытки предотвратить катастрофу могут и должны рассматриваться как смягчающее обстоятельство.

Ненадлежащая оценка любого из элементов предмета доказывания ведёт к ослаблению позиции обвинения и риску оправдательного приговора.

Неполнота изучения материалов дела (например, игнорирование метеосводок) может привести к ошибочной интерпретации причин происшествия. Особое внимание следует уделять хронологической последовательности событий, зафиксированной в разных источниках, чтобы выявить противоречия и пробелы.

Обвинитель должен детально проанализировать:

1. протоколы осмотра места происшествия (включая схемы, фото- и видеоматериалы);

2. заключения судебных экспертиз;

3. расшифровки средств объективного контроля («чёрных ящиков»);

4. метеорологические сводки на момент происшествия;

5. документы о техническом состоянии воздушного судна: сертификаты лётной годности; журналы технического обслуживания; отчёты о предыдущих ремонтах.

6. должностные инструкции и сертификаты экипажа;

7. правила полетов того вида авиации, к которому принадлежало судно;

8. акты расследования международных расследователей;

9. акты проверок надзорных органов;

10. судебную практику по данной категории уголовных дел.

Так, приговором Усть-Майского районного суда Республики Саха (Якутия)

от 14 октября 2025 года командир воздушного судна признан виновным по ч. 1 ст. 263 УК РФ. С учётом смягчающих обстоятельств ему назначено наказание в виде штрафа в 150 000 руб. Судом установлено, что 24 августа 2024 года командир воздушного судна Ан-2, выполняя рейс из посёлка Солнечный, принял решение о вылете при наличии густого тумана – то есть в метеоусловиях, не отвечающих требованиям безопасности полётов. Из-за неблагоприятной погоды экипаж был вынужден совершить незапланированную посадку в горной местности. На борту находились 11 человек, никто не пострадал, однако самолёт получил повреждения¹. Этот пример наглядно демонстрирует, насколько критически важна для государственного обвинителя оценка метеосводок на момент вылета: именно они позволили установить пренебрежение пилотом правилами безопасности.

Эффективное взаимодействие с экспертами требует от обвинителя базовых знаний авиационной терминологии, иначе риск неверной интерпретации заключений возрастает. Предварительные консультации с экспертами позволяют избежать формулирования некорректных вопросов в суде, что повышает убедительность доказательств. Особое внимание уделяется: согласованию вопросов для дополнительных экспертиз; уточнению терминологии и технических деталей; подготовке к допросу экспертов в суде (прогнозирование контраргументов защиты).

Слабая доказательная база (например, отсутствие вещественных доказательств) может быть использована защитой для оспаривания вины обвиняемого. Комплексный анализ всех видов доказательств позволяет выстроить непротиворечивую картину происшествия.

Ключевые доказательства: материальные (обломки ВС,

оборудование); документальные (журналы техобслуживания, диспетчерские записи); свидетельские (показания экипажа, диспетчеров, пассажиров); экспертные заключения.

Наиболее резонансным примером необходимости предварительной проработки версии защиты является уголовное дело в отношении командира воздушного судна Sukhoi Superjet 100 Дениса Евдокимова. 5 мая 2019 года после экстренной посадки в аэропорту Шереметьево самолёт загорелся, погиб 41 человек из 78 находившихся на борту. Сторона защиты настаивала на конструктивных недостатках воздушного судна, однако государственное обвинение, опираясь на заключения МАК и авиационно-технической экспертизы, доказало, что причиной катастрофы стали именно неkoordinированные действия пилота, выразившиеся в нарушении правил балансировки судна и неприменении кода аварийности. Приговором Химкинского городского суда Московской области от 20 июня 2023 года Евдокимов признан виновным по ч. 3 ст. 263 УК РФ и осуждён к 6 годам лишения свободы². Без предварительных консультаций с авиационными экспертами и глубокого анализа технической документации государственному обвинителю было бы невозможно опровергнуть доводы защиты, относимые к технической стороне.

Допрос обвиняемого должен выявлять не только фактические обстоятельства, но и степень его профессиональной компетентности, что важно для оценки вины. Тщательная проработка плана допросов снижает риск упущений и позволяет контролировать ход судебного следствия, для чего обязательно составление подробного плана допросов (обвиняемого, свидетелей, экспертов). При допросе обвиняемого целесообразно акцентировать внимание на знании нормативных требований, предъявляемых

¹Приговор Усть-Майского районного суда Республики Саха (Якутия) от 14.10.2025. URL: https://uma-jak.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=36 (дата обращения: 11.08.2026).

²Апелляционное постановление Верховного суда Республики Карелия от 25.09.2025 г. URL: https://vs-kar.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name (дата обращения: 11.08.2026).

по занимаемой должности; мотивы действий в критической ситуации; осознание последствий нарушений.

Допрос экспертов требует от обвинителя умения задавать уточняющие вопросы, выявляющие слабые места в заключениях защиты. Экспертные показания должны быть представлены в доступной форме, без излишнего технического жаргона. Вопросы должны раскрывать методологию исследования; степень достоверности выводов; альтернативные версии событий.

При допросе свидетелей их показания нередко содержат субъективные оценки, поэтому их необходимо сопоставлять с объективными данными (например, записями «чёрных ящиков»). При этом важно уточнить хронологию событий; восприятие критических моментов; наличие отклонений от стандартных процедур.

Государственному обвинителю рекомендуется привлечь консультанта авиатора для проверки технических аспектов; организовать демонстрацию симуляций происшествия; подготовить глоссарий авиационных терминов для суда.

Привлечение независимых консультантов снижает риск ошибочной интерпретации технических данных. Визуализация позволяет суду наглядно представить механизм происшествия, что особенно важно при рассмотрении сложных авиационных дел.

Ключевой элемент подготовки прокурора к судебному разбирательству – глубокая проработка с материалами уголовного дела. Ограничиваться чтением обвинительного заключения недопустимо: необходимо всестороннее изучение всех документов.

На практике государственные обвинители нередко допускают одни и те же ошибки, к которым относится недооценка технических деталей (избежать её помогает тщательное изучение экспертных заключений и консультации со специалистами); слабая визуализация доказательств из-за недостаточности

использование инфографики, схем, видеоматериалов для наглядности, а также недостаточная проработка контраргументов защиты.

Профилактика ошибок требует от обвинителя не только юридической грамотности, но и системного подхода к анализу всех аспектов дела. Эффективная подготовка государственного обвинителя по делам о нарушениях авиабезопасности требует глубокой междисциплинарной компетенции, системного анализа технических и юридических аспектов, продуманной стратегии представления доказательств. Успех обвинения напрямую зависит от способности обвинителя перевести сложную техническую информацию на язык права, убедительно продемонстрировать вину в контексте строгих авиационных нормативов, предвидеть и нейтрализовать аргументы защиты.

Важным для государственного обвинителя является грамотное использование специальных знаний, которыми обладают пилоты, эксперты, диспетчеры и другие работники авиационной отрасли. Обращение в ходе судебного разбирательства к допросам указанных лиц будет являться одним из криминалистических методов доказывания транспортных преступлений [1, с. 140–145].

По мнению автора для увеличения эффективности работы государственного обвинителя и исключения вынесения неправосудных приговоров, необходимы следующие дополнительные меры:

- разработка методических рекомендаций для обвинителей по уголовным делам в сфере безопасности эксплуатации авиатранспорта с примерами формулировок, перечнями нормативных актов, алгоритмами анализа доказательств;
- проведение совместных семинаров с авиационными экспертами – для углубления знаний в технической сфере;
- создание базы прецедентов по данной категории дел – с анализом судебных решений и типичных ошибок;

– внедрение программ повышения квалификации для обвинителей, специализирующихся на авиационных преступлениях.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Головин, А. Ю., Грибунов О. П., Бибилов А. А. Криминалистические методы преодоления противодействия расследованию транспортных преступлений. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД РФ, 2015. 164 с. EDN: VDJCNB.

2. Непейн, Г. Г. Использование прокурором метода моделирования в процессе анализа уголовного дела о нарушении правил безопасности движения и эксплуатации воздушного транспорта, повлекшем катастрофу воздушного судна, на досудебных стадиях уголовного судопроизводства // Криминалист. 2022. № 1(38). С. 60–65. EDN: RQRVAL.

3. Ергашев Е. Р. Принципы прокурорского надзорно-охранительного права и его институтов : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2008. 35 с. EDN: NJFKJD.

4. Налимов Г. И. Подготовка государственного обвинителя к участию в судебном разбирательстве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2007. № 8. С. 181–182. EDN: KNXDTB.

5. Кисленко С. Л. Методология формирования государственным обвинителем предварительной позиции по делу // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 3(128). С. 182–188. EDN: QVPGTX.

6. Ратинов А. Р. Внутреннее убеждение при оценке доказательств // Теория доказательств в советском уголовном процессе : монография / отв. ред. Н. В. Жогин. Изд. 2-е, испр. и доп. Москва : Юрид. лит., 1973. С. 474–483.

7. Участие прокурора в рассмотрении уголовных дел судами: учебное пособие / И. К. Севастьяник, Е. Б. Серова. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2018. 100 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ермаченко Виталий Андреевич, преподаватель Сибирского колледжа транспорта и строительства ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет путей сообщения» (Российская Федерация, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 82), ORCID0009-0003-2080-8066, e-mail: ErmachenkoVit@mail.ru.

Ermachenko Vitaly Andreevich, Teacher at the Siberian College of Transport and Construction, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Irkutsk State Transport University» (Russian Federation, 664074, Russia, Irkutsk, Lermontova st., 82), ORCID0009-0003-2080-8066, e-mail: ErmachenkoVit@mail.ru.

ПРИНЦИП НЕОТВРАТИМОСТИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КАК ИНСТРУМЕНТ ЗАЩИТЫ СЕМЬИ

Ю. Г. Марасов

Казанский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
г. Казань, Российская Федерация
e-mail: yuri_m11@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается применение принудительных мер воспитательного воздействия к несовершеннолетним в контексте конституционной защиты семьи и традиционных семейных ценностей. Обосновывается ведущая роль семьи как основной и наиболее эффективной среды для ресоциализации несовершеннолетних правонарушителей. Анализируется системная проблема современного правового подхода, при котором на родителей возлагаются обязанности по надзору и исправлению несовершеннолетнего без предоставления необходимой комплексной системной поддержки. В качестве концептуального решения предлагается модель трансформации правового статуса семьи.

В работе раскрывается проблема потенциальной неэффективности принудительных мер воспитательного воздействия из-за риска истечения сроков давности уголовного преследования в случае их систематического неисполнения, что не в полной мере соответствует принципу неотвратимости ответственности. В качестве решения предлагается законодательная корректировка, направленная на синхронизацию процессуальных сроков с продолжительностью реабилитационного периода с целью укрепления их превентивного и воспитательного потенциала, что соответствует стратегическим целям государственной политики в сфере защиты детства, эффективного исправления несовершеннолетнего и укрепления воспитательной роли семьи как основы общества.

Ключевые слова: защита института семьи, традиционные семейные ценности, несовершеннолетние правонарушители, принудительные меры воспитательного воздействия, принцип неотвратимости ответственности, ресоциализация, сроки давности.

Для цитирования: Марасов Ю. Г. Принцип неотвратимости ответственности как инструмент защиты семьи // Искусство правоведения. 2026. № 3. С. 130–138.

THE PRINCIPLE OF INEVITABILITY OF PUNISHMENT AS A MEANS OF PROTECTING THE FAMILY

Y. G. Marasov

Kazan Law Institute (branch) of the University
of the Prosecutor's Office of the Russian Federation,
Kazan, Russian Federation
e-mail: yuri_m11@mail.ru

Annotation. The article examines the application of compulsory educational measures to minors within the framework of constitutional protection of the family and traditional family values. It substantiates the leading role of the family as the primary and most effective environment for the

resocialization of juvenile offenders. The author analyzes the systemic flaw of the contemporary legal approach, which places the responsibility for the supervision and correction of a minor on the parents without providing them with the necessary comprehensive and systemic support. A model for transforming the family's legal status is proposed as a conceptual solution.

The study also highlights the problem of the potential inefficacy of compulsory educational measures due to the risk of the statute of limitations for criminal prosecution expiring in cases of their systematic non-compliance. This situation does not fully align with the principle of the inevitability of punishment. As a remedy, legislative amendments are proposed. These amendments aim to synchronize procedural time limits with the duration of the rehabilitation period to enhance the preventive and educational potential of these measures. This approach aligns with the strategic objectives of state policy in the realm of child welfare, effective rehabilitation of minors, and strengthening the educational role of the family as the foundation of society.

Key words: protection of the family institution, traditional family values, juvenile offenders, compulsory educational measures, principle of inevitable accountability / inevitability of punishment, resocialization / rehabilitation, statute of limitations.

For citation: Marasov Y. G. The Principle of Inevitability of Punishment as a Means of Protecting the Family // The Art of Law. 2026. № 3. С. 130–138.

Конституционные нормы о защите семьи, брака, материнства, отцовства и детства, а также о сохранении традиционных семейных ценностей составляют правовую основу уникальной и фундаментальной роли семьи в жизни несовершеннолетнего, закрепляют семью в качестве основы общества и естественной среды для полноценного развития ребенка. Значение этого института выходит далеко за рамки его воспитания и материального обеспечения, формируя комплексную систему для становления личности. Упомянутая концепция, однако, требует не только признания, но и последовательной имплементации во все сферы государственной политики, включая уголовно-правовую. В контексте борьбы с преступностью несовершеннолетних это означает необходимость перехода от взгляда на семью как на пассивный объект защиты или контролируруемую среду – к признанию ее статуса основного субъекта профилактики, исправления и ресоциализации несовершеннолетнего.

Современные психологические и нейробиологические исследования, опирающиеся на теорию привязанности Дж. Боулби [1], определенно свидетельствуют: стабильные и доверительные отношения между родителями и ребенком являются фундаментом для формирования

эмоционального интеллекта последнего, стрессоустойчивости и способности к построению здоровых отношений в будущем. Семья представляет для ребенка первичный источник социальной поддержки, обеспечивает базовое чувство безопасности и защищенности. Именно в семье ребенок впервые осознает свою индивидуальность, получая основы социальной и культурной идентичности через внутрисемейные отношения и личностные связи, систему ценностей и традиции.

Семья выступает в качестве первичного и основного источника социализации, являясь для ребенка той основной средой, где в условиях эмоционального принятия происходит усвоение общепринятых норм, правил и моделей поведения. Через внешние формы взаимодействия с окружающими в этой среде формируются моральные принципы, перенимается социальный опыт и осуществляется общее развитие личности. Закрепленная статьей 63 Семейного кодекса Российской Федерации¹ (далее – СК РФ) воспитательная функция семьи, рассматриваемая нами как традиционная

¹ Семейный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ : ред. от 23 ноября 2024 г., с изм. от 30 октября 2025 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

семейная ценность, носит неформальный, непрерывный и ценностно-насыщенный характер, что кардинально отличает ее от любого институционального образования. В процессе ежедневного общения с родителями и близкими ребенок осваивает навыки коммуникации, эмпатии, разрешения конфликтов, постигает понятия добра и зла, долга и ответственности и т. п. Тем самым семья, транслируя культурно-исторический опыт социума и адаптируя его через общепринятые ценности, способствует формированию у несовершеннолетнего внутреннего механизма контроля и правосознания. Именно поэтому семья, основанная на базовых духовно-нравственных ценностях, представляет собой естественный и, как следствие, максимально антикриминогенный фактор.

Семья создает необходимые материальные предпосылки для полноценной жизни и развития несовершеннолетнего: обеспечивает питанием, жильем, одеждой, предоставляет доступ к образованию и медицинской помощи. Совместное ведение хозяйства и взаимная экономическая поддержка формируют у ребенка начальные представления о ресурсах, планировании и взаимопомощи.

С правовой точки зрения семья является естественной и приоритетной средой для обеспечения и защиты прав несовершеннолетнего, предусмотренной как национальным законодательством, так и международными актами¹. Принцип «наилучшего обеспечения интересов ребенка» (статья 3 Конвенции) находит свою наиболее полную реализацию именно в семейном окружении. Родители, как законные представители (статья 64 СК РФ), не только реализуют право ребенка на воспитание своими родителями (статья 54 СК РФ), но и обеспечивают защиту его имущественных и неимущественных прав,

выступают от его имени в юридических отношениях. Государство берет на себя обязанность по поддержке семьи (статьи 7, 38 Конституции Российской Федерации²), вмешиваясь в ее автономию лишь в случаях прямой угрозы жизни и здоровью ребенка (статья 77 СК РФ).

Таким образом, семья для несовершеннолетнего представляет собой многогранный институт, который невозможно в полной мере компенсировать ни какими-либо отдельными социальными учреждениями, ни всей их совокупностью. Изъятие несовершеннолетнего из семьи может привести к системным рискам для его психического, нравственного и социального здоровья.

Изложенное имеет значение при решении вопросов уголовной ответственности несовершеннолетних. Уголовная политика в отношении несовершеннолетних оказывается перед фундаментальной проблемой, вытекающей из постулата незаменимости семьи: с одной стороны, необходимо обеспечить неотвратимость ответственности и обеспечить общественную безопасность, с другой стороны – минимизировать вред, который может быть нанесен самому несовершеннолетнему, совершившему преступление, изъятием его из семьи.

Следует отметить, что в уголовном праве законодатель придает несовершеннолетнему особый статус, предусматривая ограниченный перечень наказаний, возможность освобождения от наказания с применением принудительных мер воспитательного воздействия, иные условия условно-досрочного освобождения от наказания, сокращенные сроки давности и сроки погашения судимости.

Определенно, это обусловлено процессом формирования личности у

¹ Конвенция о правах ребенка : одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г. Документ ратифицирован Постановлением ВС СССР от 13 июня 1990 г. № 1559-1. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

несовершеннолетних, которые характеризуются недостаточной степенью зрелости психики, социальных установок и не обладают сформировавшейся устойчивой системой ценностей. Они часто действуют импульсивно, необдуманно, не осознавая в полной мере последствия своих поступков.

Нельзя не принимать во внимание и восприимчивость несовершеннолетних к негативному влиянию взрослых, что при совершении преступления может свидетельствовать о разделении степени вины со взрослыми. Криминологические исследования убедительно показывают, что одним из основных кримиогенных факторов преступности несовершеннолетних является ненадлежащее исполнение родительских обязанностей по их воспитанию. Этому способствует деструктивная семейная среда, характеризующаяся неполнотой семьи, неблагоприятным психологическим климатом и нарушением подростково-родительских связей, что является значимым условием, детерминирующим противоправное поведение несовершеннолетних [2, с. 56].

Справедливо отмечено, что существенное влияние на несовершеннолетних оказывает интернет-среда. Причиной, по которой несовершеннолетние компенсируют дефицит общения и социализации иными формами общения, зачастую является эмоционально-психологическая отверженность в семье [2, с. 54]. При этом, именно несовершеннолетние в Интернет-пространстве представляют собой наиболее виктимную категорию лиц, подверженную влиянию со стороны лиц, имеющих противоправные взгляды [3, с. 433].

Также следует согласиться с мнением ряда ученых, что в благоприятных условиях восприимчивость несовершеннолетних к внешнему влиянию может стать эффективным механизмом позитивной ресоциализации и замены асоциальных моделей поведения на социально приемлемые [4, с. 94].

Этим и обусловлен тот факт, что российское уголовное право стремится обеспечить баланс между необходимостью защиты общественных интересов и заботой о развитии и реабилитации несовершеннолетних, совершивших преступление, устанавливает пониженные сроки и размеры наказания несовершеннолетних, сокращенные сроки давности привлечения к уголовной ответственности, и главное – создает возможность применения принудительных мер воспитательного воздействия вместо наказания и т. п.

Немаловажным фактором здесь является и влияние назначенного наказания на несовершеннолетнего и на условия жизни его семьи. Принимая во внимание утверждение Дж. Боулби о тяжелых последствиях разлуки ребенка с матерью [5], мы также можем утверждать о деструктивном влиянии изъятия несовершеннолетнего из семьи на развитие его личности.

В настоящее время в правоприменительной практике отчётливо прослеживается стремление к гуманизации мер ответственности, назначаемых несовершеннолетним правонарушителям. Современная тенденция развития пенитенциарной системы характеризуется сокращением как количества несовершеннолетних, отбывающих наказание, так и специализированных исправительных учреждений закрытого типа, предназначенных для отбывания наказания в виде лишения свободы несовершеннолетним. Так, за последние 10 лет отмечается уменьшение количества воспитательных колоний с 23 в 2017 году [6, с. 306] до 11 в 2025 году¹.

Указом Президента Российской Федерации от 17.05.2023 г. № 358 утверждена Стратегия комплексной безопасности детей в Российской

¹ Данные см.: О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 6 апреля 2018 г. № 420 : постановление Правительства Российской Федерации от 20 августа 2025 № 1240. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс»

Федерации на период до 2030 года. Одним из планируемых результатов реализации Стратегии является сокращение количества преступлений, совершаемых несовершеннолетними¹.

Законодатель, применяя принудительные меры воспитательного воздействия, дает возможность совершившим преступление несовершеннолетним, встать на путь исправления. В частности, законодателем установлено, что несовершеннолетний, совершивший преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобожден от уголовной ответственности, если будет признано, что его исправление может быть достигнуто путем применения принудительных мер воспитательного воздействия (часть 1 статьи 90 Уголовного кодекса Российской Федерации², далее – УК РФ).

К числу таких мер законодатель относит:

- предупреждение;
- передача под надзор родителей или лиц, их заменяющих, либо специализированного государственного органа;
- возложение обязанности загладить причиненный вред;
- ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего.

Вместе с тем следует отметить, что принудительные меры воспитательного воздействия, призванные быть средством ресоциализации несовершеннолетнего в семейной среде, зачастую носят формальный характер. Передача несовершеннолетнего под надзор родителей, ограничение его досуга, по сути, возлагают на семью лишь контрольные функции, не предоставляя ей

необходимой системной поддержки, ресурсов и компетенций для решения глубоких поведенческих и социальных проблем несовершеннолетнего. При этом, невзыскательное «переложение» обязанностей надзора на уже несправляющихся родителей не только неэффективно, но и может усугубить ситуацию.

Как отмечено в литературе, в силу возрастных особенностей восприятия в отдельных случаях несовершеннолетний может не обладать полным пониманием смысла правовых понятий, лежащих в основе конкретного уголовно-правового запрета [7, с. 20]. Представляется, что данная ограниченность восприятия распространяется и на понимание сущности применяемых к нему принудительных мер воспитательного воздействия.

При этом на поведение несовершеннолетних воздействуют не только особенности их психологического развития, но и окружающая среда. Искривленные представления о нравственных приоритетах, влияние неформальных лидеров, психофизическая незрелость способны привести к тому, что применение принудительных мер воспитательного воздействия не окажут надлежащего влияния на несовершеннолетнего и не сформируют модели должного поведения.

Бесспорно, в условиях короткого молодого возраста несовершеннолетнего, в течение которого применяется профилактическое воздействие, в сочетании с высокой динамичностью детерминации преступности несовершеннолетних высоки риски несоответствия принимаемых профилактических мер реальным потребностям общества и государства, что снижает профилактический потенциал мер для следующего подрастающего поколения, входящего в зону криминогенных рисков [8, с. 41–42].

Изложенное свидетельствует о необходимости переориентации уголовно-правового инструментария на приоритет

¹ О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года : указ Президента Российской Федерации от 17 мая 2023 г. № 358. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : ред. от 29 декабря 2025 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

поддержки, восстановления и активизации усилий семьи. Применению принудительных мер воспитательного воздействия должна предшествовать комплексная оценка семейной обстановки: выявление существующих рисков и определение потенциала семьи в достижении цели ресоциализации несовершеннолетнего. Само исполнение этих мер должно сопровождаться реализацией индивидуальной программы работы с семьей при участии психологов и социальных педагогов.

Кроме того, как одну из проблем следует также отметить наличие определенных дефектов правового механизма принудительных мер воспитательного воздействия.

К примеру, особенностью таких мер как передача под надзор родителей или лиц, их заменяющих, либо специализированного государственного органа, а также ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего является установление законодателем срока их применения, в течение которого своим поведением несовершеннолетний фактически должен доказать свое исправление.

Уголовным законом предусмотрено, что в случае систематического неисполнения несовершеннолетним принудительной меры воспитательного воздействия эта мера по представлению специализированного государственного органа отменяется и материалы направляются для привлечения несовершеннолетнего к уголовной ответственности (ч. 4 ст. 90 УК РФ).

Вместе с тем продолжительность принудительных мер воспитательного воздействия, предусмотренных пунктами «б» и «г» части второй статьи 90 УК РФ при совершении преступления небольшой тяжести установлена законом на срок от одного месяца до двух лет. При этом срок давности привлечения к уголовной ответственности по преступлениям небольшой тяжести составляет один год.

Аналогично при совершении преступления средней тяжести продолжительность принудительных мер воспитательного воздействия, предусмотренных пунктами «б» и «г» части второй статьи 90 УК РФ установлена законом от шести месяцев до трех лет. В то время как срок давности привлечения к уголовной ответственности по преступлениям средней тяжести составляет три года.

Таким образом, в случае отмены судом принудительной меры воспитательного воздействия и направления материалов в органы предварительного следствия для привлечения несовершеннолетнего к уголовной ответственности создается угроза истечения сроков давности привлечения несовершеннолетнего лица к уголовной ответственности.

Как указано в пункте 16 постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 01 февраля 2011 г. № 1, в каждом таком случае подлежит обсуждению вопрос о возможности применения к несовершеннолетнему положений статей 75-78 УК РФ (в том числе о примирении с потерпевшим по делам о преступлениях небольшой и средней тяжести) и статей 24-28.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации¹ об освобождении от уголовной ответственности².

Вероятна ситуация, когда после совершения преступления несовершеннолетний освобождается от уголовной ответственности и к нему применяются принудительные меры воспитательного воздействия. Если

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ : ред. от 29 декабря 2025 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01 февраля 2011 г. № 1 : ред. от 09 декабря 2025 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

несовершеннолетний систематически уклоняется от исполнения воспитательной меры, суд отменяет своё постановление о её применении. После отмены судом принудительной меры воспитательного воздействия материалы направляются для привлечения его к уголовной ответственности и судом констатируется факт истечения срока давности привлечения к уголовной ответственности без каких-либо правовых последствий для несовершеннолетнего правонарушителя.

Таким образом, в юридической конструкции принудительных мер воспитательного воздействия присутствует правовая коллизия: принцип неотвратимости ответственности фактически нивелируется возможностью ее избежать вследствие истечения срока давности.

Разумеется, уголовное законодательство основывается на принципе гуманизма. И все же в рассматриваемом случае основная цель заключается в исправлении несовершеннолетнего правонарушителя, коррекции его поведения, предотвращении повторного совершения преступления, что невозможно при несоблюдении важнейшего принципа уголовного права – неотвратимости ответственности.

Это обстоятельство тем более вызывает озабоченность, поскольку неотвратимость наступления неблагоприятных последствий при неисполнении применяемых воспитательных мер является важным фактором для коррекции поведения не только самого несовершеннолетнего нарушителя, но и его окружения, и прежде всего круга общения. В подростковой среде, где велико влияние референтной группы, безнаказанность одного из ее членов, избежавшего сначала уголовного наказания за совершенное преступление, а затем ответственности за невыполнение принудительных мер воспитательного воздействия становится мощным негативным примером. Это размывает границы допустимого поведения для всей группы.

Решением указанной проблемы могло бы стать введение законодателем возможности приостановления течения срока давности в случае уклонения несовершеннолетнего от исполнения принудительной меры воспитательного воздействия, назначенной в соответствии со ст. 90 УК РФ. На наш взгляд, течение сроков давности в таком случае должно приостанавливаться со дня вынесения судом постановления о применении к несовершеннолетнему принудительных мер воспитательного воздействия и возобновляться со дня отмены судом постановления о применении такой меры.

Применение таких положений не усилит уголовную ответственность несовершеннолетних, но закрепит принцип неотвратимости ответственности, что, в свою очередь, будет дополнительным профилактическим средством, направленным на предотвращение противоправных действий несовершеннолетних и способствовать формированию их законопослушного поведения. Предлагаемая мера содержит в себе не только процедурно-правовой, но и социально-ориентированный характер. Она направлена на содействие укреплению института семьи, выполняя две основные функции.

Во-первых, данная мера создает дополнительные правовые условия для реализации восстановительного потенциала семьи. Предоставляя четкий, но не карательный стимул для несовершеннолетнего соблюдать установленные судом ограничения, она объективно усиливает роль родителей (или лиц, их заменяющих) в процессе контроля и позитивного влияния. Это трансформирует передачу под надзор из формальной процедуры в содержательную работу по реабилитации подростка именно в семейной среде, что соответствует конституционному принципу приоритета семейного воспитания (ст. 67.1 Конституции Российской Федерации). Угроза возобновления уголовного преследования в случае злостного уклонения мобилизует

как самого несовершеннолетнего, так и его законных представителей на конструктивное взаимодействие со специализированными государственными органами.

Во-вторых, последовательное и предсказуемое применение закона, гарантирующее неотвратимость ответственности за уклонение от воспитательных мер, непосредственно ограждает общество от рисков, исходящих от неисправившегося правонарушителя. Кроме того, оно оказывает превентивное воздействие на его ближайшее окружение, наглядно демонстрируя пагубные последствия неправильного выбора и формируя установку на правомерное поведение.

Тем самым государство, реализуя свою обязанность по защите детства (ст. 38 Конституции Российской Федерации), не подменяет семью, а создает для нее устойчивое правовое поле для выполнения своей первостепенной воспитательной миссии.

Таким образом, предлагаемая мера выступает инструментом сбалансированной уголовной политики, которая, минимизируя карательное вмешательство, максимально использует ресурс семьи как естественной и наиболее эффективной среды для ресоциализации несовершеннолетнего, преступившего черту закона.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Боулби Дж. Привязанность / пер. с англ. Н. Г. Григорьевой, Г. В. Бурменской ; общ. ред. и вступ. ст. Г. В. Бурменской. Москва : Гардарики, 2003. 477 с.

2. Демидова-Петрова Е. В. Преступность несовершеннолетних: особенности, причинный комплекс // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т 14, № 1 (51). С. 51–58. DOI: 10.37973/KUI.2023.58.78.007. EDN: KFEOLT.

3. Демидова-Петрова Е. В., Рогова Е. В. Предупреждение преступности несовершеннолетних: возможности "больших данных" (big data) // Baikal Research Journal. 2024. Т. 15, № 2. С. 429–436. DOI: 10.17150/2411-6262.2024.15(2).429-436. EDN: QGPJCM.

4. Нагорная И. И. Обеспечение прав и законных интересов несовершеннолетних средствами уголовного закона // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 2. С. 84–102. DOI: 10.17323/2072-8166.2018.2.84.102. EDN: XRHOEP.

5. Боулби Дж. Создание и разрушение эмоциональных связей / пер. с англ. В. В. Старовойтова. 2-е изд. Москва : Академический Проект, 2003. 232 с. ISBN 5-8291-0325-7.

6. Прокументов Л. М., Ольховик Н. В., Карелин Д. В. Эффективность наказаний и иных мер, предусмотренных уголовным законом для несовершеннолетних, совершивших преступление // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14, № 2. С. 306–312. DOI: 10.17150/2500-4255.2020.14(2).305-312. EDN: PUJDXI.

7. Маркунцов С. А. Осознание уголовно-правовых запретов в структуре уголовной ответственности несовершеннолетних : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Москва, 2007. 26 с. EDN: NIQAMP.

8. Демидова-Петрова Е. В. Предупреждение преступности несовершеннолетних и молодежи как фактор укрепления российского общества // Журнал российского права. 2025. Т. 29, № 1. С. 37–45. DOI: 10.61205/jrp.2025.1.4. EDN: QDWAXM.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Марасов Юрий Геннадьевич, старший преподаватель кафедры общегуманитарных, социально-экономических дисциплин и физического воспитания Казанского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации (Российская Федерация, 420111, г. Казань, ул. Московская, 41), e-mail: yuri_m11@mail.ru.

Marasov Yuriy Gennadievich, Senior Lecturer, Department of General Humanities, Socio-Economic Disciplines and Physical Education Kazan Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (Russian Federation, 420111, Kazan, st. Moskovskaya, 41), e-mail: yuri_m11@mail.ru.

**УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА ПОСЯГАТЕЛЬСТВ НА ПАМЯТЬ О ПОГИБШИХ
ПРИ ЗАЩИТЕ ОТЕЧЕСТВА ИЛИ ЕГО ИНТЕРЕСОВ В СВЕТЕ КОНКУРЕНЦИИ
НОРМ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА****А. В. Мартиросян**

Саратовская государственная юридическая академия,
Саратов, Российская Федерация
e-mail: emely_02_02@mail.ru

Аннотация. Введенная в 2020 г. ст. 243⁴ УК РФ, с одной стороны, разрешила имевшиеся на тот момент проблемы уголовно-правовой оценки уничтожения, повреждения или осквернения воинских захоронений и мемориальных сооружений, увековечивающих память погибших при защите Отечества или его интересов, с другой – породила новые вопросы и сложности их квалификации. Проведенное исследование позволяет заключить, что уголовно-правовая оценка указанных деяний должна осуществляться с учетом следующих положений. При квалификации посягательств на ритуально-мемориальные объекты нормы ст. 243 и 243⁴ УК РФ следует считать специальными по отношению к нормам ст. 244 УК РФ. Совокупность преступлений образуется лишь в случае совершения лицом надругательства над телом умершего (ст. 244 УК РФ) и причинения вреда месту захоронения или ритуально-мемориальному объекту, отвечающему параметрам, указанным в ст. 243 или 243⁴ УК РФ. Конкуренция между ст. 243 и 243⁴ УК РФ разрешается в пользу ст. 243⁴ УК РФ по формуле соотношения общей и специальной уголовно-правовых норм. Приоритет расставлен таким образом, поскольку (1) непосредственный объект преступления, закрепленного ст. 243⁴ УК РФ (отношения, обеспечивающие нравственные основы военной исторической памяти народа России), соподчинен с объектом посягательства, запрещенного ст. 243 УК РФ (отношения, обеспечивающие нравственные основы культурно-исторической памяти народа России); (2) уникальная характеристика ритуально-мемориальных объектов ст. 243⁴ УК РФ, связанная с военно-историческими подвигами, доблестью и мужеством народа России, выделяет таковые из единого массива предметов ст. 243 УК РФ; (3) сопоставительный анализ санкций ст. 243 и 243⁴ УК РФ позволяет усмотреть больший репрессивный потенциал ст. 243⁴ УК РФ, делающей акцент не на официальном статусе культурно-исторического объекта, а на его особом назначении.

Ключевые слова: уголовно-правовая охрана, историческая память, военная историческая память, культурная память, похоронная культура, преступления против исторической памяти.

Для цитирования: Мартиросян А. В. Уголовно-правовая оценка посягательств на память о погибших при защите Отечества или его интересов в свете конкуренции норм уголовного закона // Искусство правоведения. 2026. № 3. С. 139–146.

CRIMINAL-LEGAL ASSESSMENT OF ATTACKS ON THE MEMORY OF THOSE WHO FELL DEFENDING THE HOMELAND OR ITS INTERESTS IN THE LIGHT OF COMPETING PROVISIONS OF THE CRIMINAL LAW

A. V. Martirosyan

Saratov State Law Academy,
Saratov, Russian Federation
e-mail: emely_02_02@mail.ru

Annotation. Article 243⁴ of the Criminal Code of the Russian Federation, introduced in 2020, on the one hand, resolved the problems that existed at that time regarding the criminal-legal assessment of the destruction, damage, or desecration of military burial sites and memorial structures that commemorate those who died while defending the Fatherland or its interests; on the other hand, it gave rise to new questions and difficulties in their qualification. The conducted study allows us to conclude that the criminal-legal assessment of the specified acts should be carried out taking into account the following provisions. When classifying encroachments on ritual and memorial sites, the provisions of Articles 243 and 243⁴ of the Criminal Code of the Russian Federation should be considered special in relation to the provisions of Article 244 of the Criminal Code of the Russian Federation. A combination of crimes is formed only if a person commits desecration of a deceased person's body (Article 244) and causes damage to a burial site or a ritual and memorial site that meets the parameters specified in Article 243 or 243⁴. The competition between Articles 243 and 243⁴ is resolved in favor of Article 243⁴, based on the formula for the relationship between general and special criminal law norms. The priority is established in this way because (1) the direct object of the crime established by Article 243⁴ of the Criminal Code of the Russian Federation (relations that ensure the moral foundations of the military-historical memory of the people of Russia) is subordinate to the object of the encroachment prohibited by Article 243 of the Criminal Code of the Russian Federation (relations that ensure the moral foundations of the cultural-historical memory of the people of Russia); (2) The unique characteristic of ritual and memorial objects under Article 243⁴, which is linked to military-historical exploits, valor, and the courage of the Russian people, distinguishes them from the broader category of objects covered by Article 243; (3) A comparative analysis of the sanctions under Articles 243 and 243⁴ reveals a greater repressive potential of Article 243⁴, which focuses not on the official status of a cultural and historical object, but on its special purpose.

Key words: criminal law protection, historical memory, military historical memory, cultural memory, funeral culture, crimes against historical memory.

For citation: Martirosyan A. V. Criminal-Legal Assessment of Attacks on the Memory of Those Who Fell Defending the Homeland or its Interests in the Light of Competing Provisions of the Criminal Law // The Art of Law. 2026. № 3. С. 139–146.

Происходящие в современном мире метаморфозы нравственных устоев жизнедеятельности общества, переделка традиционных духовных ценностей, искажение исторической правды побуждают государство к проведению уголовной политики, способной обеспечить сохранение и укрепление культурно-исторической памяти народа России посредством разработки новых и эффективного применения имеющихся

уголовно-правовых норм [1, с. 259]. Реализуя намеченный курс по защите исторического достояния страны, в 2020 г. законодатель криминализировал уничтожение и повреждение (в настоящее время и осквернение) воинских захоронений, мемориальных сооружений и объектов, увековечивающих память лиц, защищавших Отечество или его интересы, либо погибших при такой защите, а также

посвященных дням воинской славы России (ст. 243⁴ УК РФ)¹.

Разумеется, и ранее обозначенные деяния не оставались без уголовно-правовой реакции, которая выражалась в применении к виновным лицам п. «б» ч. 2 ст. 244 УК РФ, устанавливавшего ответственность за уничтожение, повреждение или осквернение скульптурного, архитектурного сооружения, посвященного борьбе с фашизмом или жертвам фашизма, либо мест захоронения участников борьбы с фашизмом, т. е. увековечивающего память погибших при защите Отечества в период Великой Отечественной войны².

Уголовно-правовая оценка осквернения, повреждения или уничтожения объектов, увековечивающих память погибших при защите Отечества в иные исторические периоды, производилась по ч. 1 ст. 244 либо другим статьям уголовного закона. При этом квалификация уничтожения или повреждения объектов, посвященных памяти защитников Отечества, по ст. 243 УК РФ значительно осложнялась тем, что не любые воинские захоронения, памятники, стелы и обелиски входили в единый государственный реестр объектов культурного наследия народов РФ (далее – Реестр) или сформированные региональными органами власти перечни выявленных объектов культурного наследия [2, с. 100]. Более того,

осквернение как форма общественно опасного деяния не представлено в диспозиции ч. 1 ст. 243 УК РФ. Посягательства на мемориальные сооружения, увековечивающие память защитников Отечества и не входящие в предметный круг уголовно-правовой охраны ст. 243 УК РФ, можно было также квалифицировать по ст. 214 УК РФ, удерживающей от негативного воздействия на сооружения в общественных местах. Однако диспозицией статьи о вандализме не охватывается уничтожение таких объектов.

Введение уголовно-правового запрета на уничтожение, повреждение и осквернение воинских захоронений, захоронений жертв геноцида советского народа, объектов, увековечивающих память погибших при защите Отечества или его интересов, жертв геноцида советского народа, а также посвященных дням воинской славы России, должно было, как казалось, разрешить имеющиеся противоречия и закрыть пробелы в уголовно-правовой оценке посягательств на объекты исторической памяти. Однако появление ст. 243⁴ УК РФ, устранив названные коллизии, породило новые.

В первую очередь, возникает вопрос о соотношении преступлений, предусмотренных ст. 244, 243 и 243⁴ УК РФ, объективные стороны которых во многом схожи. Очевидно, что они причиняют вред одному и тому же видовому объекту – общественной нравственности, а их предметы, имеющие ритуальное и (или) мемориальное назначение, соотносятся как общий (ст. 244 УК РФ) и специальные (ст. 243, 243⁴ УК РФ). Так, уничтожение и повреждение мест захоронения, надмогильных сооружений и кладбищенских зданий, являющихся объектами культурного наследия или их компонентами (ст. 243 УК РФ), представляют собой частный случай уничтожения и повреждения ритуально-мемориальных объектов, перечисленных в ст. 244 УК РФ [3, с. 120], равно

¹ См.: О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 07 апреля 2020 г. № 112-ФЗ // СЗ РФ. 2020. № 15, ст. 2235; О внесении изменений в статью 243⁴ Уголовного кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 23 июля 2025 г. № 247-ФЗ // СЗ РФ. 2025. № 30, ст. 4396.

² См.: О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : пояснительная записка к проекту федерального закона // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/917030-7?ysclid=msogdxgmt97994959> (дата обращения: 11.08.2026).

как и уничтожение, повреждение, осквернение места захоронения, надгробия, ритуального здания, которые были основаны, заложены, воздвигнуты в целях увековечения исторической памяти о лицах, погибших при защите Отечества или его интересов, либо посвящены лицам, защищавшим Отечество (его интересы), жертвам геноцида советского народа или дням воинской славы России (ст. 243⁴ УК РФ), – особый случай причинения ущерба объектам, названным в ст. 244 УК РФ.

Указанная позиция находит положительный отклик у представителей научного сообщества [4, с. 609 ; 5, с. 100], однако имеются и ее противники, настаивающие на квалификации уничтожения или повреждения мест захоронения, надгробий и церемониальных зданий, являющихся памятниками истории и культуры, по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 244 и 243 УК РФ [6, с. 103]. В качестве обоснования такого подхода приводится, в частности, различие в непосредственных объектах указанных общественно опасных деяний [7, с. 138].

Возражая предложенной квалификации, находим справедливым мнение Р.А. Исмагилова, отмечающего, что при уничтожении или повреждении места захоронения, надгробия, ритуального здания, являющегося объектом культурного наследия либо его составной частью, нормы ст. 243 УК РФ обеспечивают уголовно-правовую охрану, в том числе, «похоронной культуры» [8, с. 78]. Иными словами, конкуренция рассматриваемых составов преступлений разрешается в пользу ст. 243 УК РФ благодаря тому, что «похоронную культуру» справедливо считать компонентом культурной памяти, с помощью инструментария которой (погребальной, поминальной обрядности, ритуальных традиций и т. п.) сохраняется память об умершем.

Квалификация уничтожения, повреждения, осквернения ритуальных объектов по совокупности ст. 244 и 243⁴

УК РФ невозможна в силу прямого указания на это в диспозиции ч. 1 ст. 244 УК РФ. Законодатель, проектируя содержание конкурирующих норм, руководствовался положением, согласно которому «нормативные предписания, устанавливающие какие-либо исключения из общего правила, целесообразно помещать в той норме, которая содержит общее правило» [9, с. 177], благодаря чему процесс толкования норм облегчается, а потенциальная конкуренция разрешается. Вместе с тем, учитывая, что объективная сторона преступления, закрепленного в ст. 244 УК РФ, помимо обозначенных действий включает надругательство над телами умерших, а диспозиция ч. 1 ст. 243⁴ УК РФ, напротив, не содержит надругательства над телами в качестве альтернативной формы предусмотренного ей общественно опасного деяния, ст. 244 УК РФ будет инкриминироваться в случаях надругательства над телами умерших защитников Отечества [4, с. 641]. Таким образом, только ситуация надругательства над телом умершего защитника Отечества и уничтожения или повреждения воинского захоронения или мемориального сооружения позволяет оценить совершенные деяния как совокупность преступлений, предусмотренных ст. 244 и 243⁴ УК РФ.

Подобного алгоритма рассуждений следует также придерживаться при квалификации по совокупности ст. 244 и 243 УК РФ надругательства над телами умерших и причинения вреда ритуально-мемориальным объектам, включенным в Реестр, но не подпадающим под параметры предмета ст. 243⁴ УК РФ.

Разрешение вопроса об иерархии норм о преступлениях, закрепленных ст. 244, 243, 243⁴ УК РФ, предопределяет формулировку новой задачи, касающейся соподчиненности между собой норм, специальных по отношению к ст. 244 УК РФ, и разграничения запрещенных ими деяний.

Трудно не заметить различие в описании предметного круга рассматриваемых преступлений: в рамках

ст. 243 УК РФ уголовно-правовой охране подлежат культурные объекты, отвечающие официально утвержденным критериям и обладающие формально определенным статусом, тогда как сохранение исторической памяти в рамках ст. 243⁴ УК РФ реализуется через запрет уничтожения, повреждения и осквернения любых мемориальных сооружений, связанных с защитой Отечества, вне зависимости от их официального статуса. Данное обстоятельство может породить ложное представление о том, что ст. 243⁴ УК РФ является общей, поскольку ею установлена уголовная ответственность за посягательства на более широкий круг ритуально-мемориальных объектов, а ст. 243 УК РФ – специальной, охраняющей строго оговоренный, более узкий перечень таковых. В связи с этим П.А. Филиппов обосновывает вывод о приоритете ст. 243 перед ст. 243⁴ УК РФ утверждением о том, что федеральным законодательством РФ предусмотрены обязательства по сохранению объектов, обладающих историко-культурной ценностью, которая становится основанием для включения таких объектов в Реестр и придания им статуса памятников истории и культуры [10, с. 159].

Не соглашаясь с представленной точкой зрения, полагаем, что ст. 243⁴ УК РФ имеет специальный характер по отношению к ст. 243 УК РФ. Данный вывод подтверждается результатами сравнения:

непосредственных объектов указанных деяний. Каждое из таковых посягает на общественные отношения, обеспечивающие нравственные основы одного из видов социальной памяти народа России, тесно связанных между собой: культурной (ст. 243 УК РФ) или исторической (ст. 243⁴ УК РФ) [11, с. 127–128]. При этом эпицентр памяти исторической – это военная память, которая является квинтэссенцией отражения в сознании граждан событий о подвигах своего народа [12, с. 253], а значит сохранение объектов, ее увековечивающих, становится задачей

государственной важности. В связи с этим основной непосредственный объект преступления, предусмотренного ст. 243⁴ УК РФ, сужается до отношений, складывающихся по поводу обеспечения нравственных основ военной исторической памяти, что делает его специфичным по отношению к объекту преступления, закрепленного в ст. 243 УК РФ;

предметов, на которые посягают указанные деяния. В рамках ст. 243 УК РФ таковым являются исключительно культурно-исторические объекты, обладающие тем или иным официальным статусом. Предметами разрушительного воздействия в рамках ст. 243⁴ УК РФ выступают (вне зависимости от наличия официального статуса) захоронения, памятники, стелы, обелиски и иные объекты, заложенные, основанные или воздвигнутые в целях увековечения памяти погибших при защите Отечества (его интересов), жертв геноцида советского народа либо посвященные памяти защитников Отечества (его интересов) или дням воинской славы России, то есть созданные для сохранения и укрепления военной исторической памяти. Таким образом, уникальными признаками предметов, перечисленных в ст. 243⁴ УК РФ, являются их (а) ритуальное и(или) мемориальное значение, (б) связанное с военно-историческими подвигами, доблестью и мужеством народа России, что выделяет их из единого массива объектов культурно-исторической памяти. Обозначенные признаки позволяют оценивать уничтожение, повреждение и осквернение соответствующего ритуально-мемориального объекта как уголовно-наказуемое деяние вне зависимости от его принадлежности к объектам культурного наследия или иным объектам, обладающим специальным статусом.

Вместе с тем на практике может сложиться ситуация, при которой объект, подвергшийся преступному воздействию, отвечая одновременно признакам предметов преступлений, предусмотренных ст. 243 и 243⁴ УК РФ, не

имеет явно выраженного мемориального назначения. Так, многие религиозные сооружения, в частности православные храмы (например храм Покрова на Нерли), хотя и закладывались «во славу побед русского оружия и в память павших защитников Отечества»¹, воспринимаются обществом не как часть военно-исторического достояния народа, а как часть достояния культурного [2, с. 102 ; 13, с. 154], равно как и музеи-заповедники (к примеру, Ставропольский государственный историко-культурный и природно-ландшафтный музей-заповедник имени Г. Н. Прозрителева и Г. К. Праве). В подобных случаях необходимо руководствоваться следующими правилами. Если лицо, уничтожая, повреждая или оскверняя такой объект, не знало и по обстоятельствам дела не могло знать о мемориальной цели его создания, содеянное следует квалифицировать по направленности умысла виновного на причинение вреда такому объекту, например как культовому сооружению (в случае с храмом) или как объекту природного наследия (в случае с музеем-заповедником) – по ст. 243 УК РФ (при уничтожении или повреждении) или по ст. 214 УК РФ (при осквернении);

санкций указанных деяний. На первый взгляд, может показаться, что законодатель, вводя ст. 243⁴ УК РФ, не преследовал цели ужесточения наказания, поскольку санкциями ч. 1 указанной статьи и ч. 1 ст. 243 УК РФ предусмотрено лишение свободы, максимальный срок которого составляет три года, а санкция ч. 2 ст. 243 УК РФ строже, чем санкции ч. 2, 3 ст. 243⁴ УК РФ (в первом случае максимальный срок лишения свободы составляет шесть лет, в двух других – пять лет) [2, с. 102 ; 13, с. 155]. По нашему мнению, при сравнении санкций исследуемых норм необходимо учитывать,

что ст. 243⁴ УК РФ охраняются не только объекты, перечисленные в ст. 243 УК РФ, но и рядовые памятники, стелы, обелиски и сооружения, следовательно, устанавливая равные верхние пределы санкций, законодатель уже высвечивает специфику таких объектов: уничтожение рядового памятника, сохраняющего военно-историческую память, может влечь наказание, равное, например, повреждению выявленного объекта культурного наследия.

Санкции ч. 2, 3 ст. 243⁴ УК РФ следует сравнивать, в первую очередь, с санкцией ч. 1 ст. 243 УК РФ, ведь квалифицированные составы ст. 243⁴ УК РФ выделены не по принципу «возрастания» значимости официального статуса охраняемых объектов, а по их связи с конкретными событиями в истории России. В этой призме становится очевиден повышенный интерес законодателя к сохранению (наряду с ординарными памятниками) объектов культурного наследия, выявленных объектов культурного наследия, связанных с памятью жертв геноцида советского народа, лиц, защищавших Родину в период Великой Отечественной войны или погибших при такой защите.

Санкция ч. 2 ст. 243 УК РФ, действительно, является более строгой в сравнении с санкциями ст. 243⁴ УК РФ. Однако и этому имеется объяснение: едва ли все категории объектов, в том числе наиболее ценные (например, объекты всемирного наследия), перечисленные в диспозиции ч. 2 ст. 243 УК РФ, могут стать предметом посягательства, предусмотренного ст. 243⁴ УК РФ. При этом наказуемость, к примеру, уничтожения особо ценного объекта культурного наследия, связанного с памятью о Великой Отечественной войне 1941-1945 гг., лишением свободы сроком до пяти лет представляется вполне справедливой.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

¹ См.: Герасимов: Храмы, посвященные победам русской армии, хранят память о героях // Российская газета. URL: https://rg.ru/2020/04/28/gerasimov-hramy-posviashchennye-pobedam-russkoj-armii-hraniat-pamiat-o-geroiiah.html?ysclid=mtopin0tyh784089503&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 06.09.2026).

нормы ст. 243 и 243⁴ УК РФ следует считать специальными по отношению к общей норме ст. 244 УК РФ. В случае причинения вреда ритуально-мемориальным объектам, являющимся памятниками истории и культуры либо их составной частью, приоритет отдается ст. 243 УК РФ, поскольку компонентом объекта ее охраны (отношения, обеспечивающие нравственные основы культурной памяти) является похоронная культура, средствами которой обеспечивается сохранение памяти об умершем. Потенциальную конкуренцию между ст. 243⁴ и 244 УК РФ разрешил сам законодатель при изложении диспозиции последней;

совокупность преступлений, предусмотренных ст. 244 и 243 или 243⁴ УК РФ образуется лишь в случае надругательства над телом умершего (ст. 244 УК РФ) и причинения вреда ритуально-мемориальным объектам, отвечающим признакам предмета преступления, закрепленного в ст. 243 или 243⁴ УК РФ;

ст. 243⁴ УК РФ является специальной по отношению к ст. 243 УК РФ, что подтверждается: 1) спецификой непосредственного объекта преступления, предусмотренного ст. 243⁴ УК РФ, в качестве которого выступают отношения, обеспечивающие нравственные основы военной исторической памяти народа России; 2) уникальными характеристиками его предмета, заключающимися в ритуальном и (или) мемориальном назначении таких объектов, увековечивающих память о военно-исторических подвигах, доблести и мужестве народа России, что выделяет их среди многообразия памятников истории и культуры; 3) более широкими возможностями индивидуализации наказания за совершение данного преступления.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аликберов К. Д. Тенденции уголовной политики Российской Федерации в сфере охраны культурного наследия // Право и политика. 2026. № 1. С. 258–268.

DOI: 10.7256/2454-0706.2026.1.77448. EDN: AZZYIL.

2. Селиверстов Н. О. Проблемы разграничения статей 243 и 243⁴ Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 2. С. 99–103. DOI: 10.35750/2071-8284-2021-2-99-103. EDN: PHEWZW.

3. Мартышева О. М. Уголовная ответственность за уничтожение или повреждение объектов культурного наследия и культурных ценностей : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2015. 169 с. EDN: ZPQUHV.

4. Филиппов П. А. Преступления против здоровья населения и общественной нравственности. Москва : Проспект, 2022. 680 с. ISBN 978-5-392-37271-3. EDN: QUUGKK.

5. Шалагин А. Е. Преступления против общественной нравственности: уголовно-правовой и криминологический анализ. Москва : Юрлитинформ, 2011. 256 с. ISBN 978-5-93295-917-6. EDN: QSFAQT.

6. Шарапов Р. Д. Преступления против общественной нравственности: учебное пособие. Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского юрид. ин-та Университета прокуратуры РФ, 2022. 124 с.

7. Халиков И. А. Уголовная ответственность за нарушение требований сохранения или использования объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2018. 196 с. EDN: HGBXHD.

8. Исмаилов Р. А. Похоронная культура как предмет правового регулирования и объект уголовно-правовой охраны // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2011. № 1. С. 71–79. EDN: NUUYYN.

9. Арзумян А. Э. Техно-юридические правила и приемы закрепления конкуренции норм в российском праве // Правовая политика и правовая жизнь. 2009. № 2. С. 176–181. EDN: KHOLTD.

10. Филиппов П. А. Уголовно-правовая охрана памяти защитников Отечества: обзор судебной практики (ст. 2434 УК РФ) // Юридическая наука. 2025. № 12. С. 157–159. DOI: 10.24412/2220-5500-2025-12-157-159. EDN: MJEPDY.

11. Мартиросян А. В. Понятие социальной памяти как предпосылка ее обоснования в качестве объекта уголовно-правовой охраны // Известия Юго-Западного государственного университета. 2025. № 1. С. 122–130. DOI: 10.21869/2223-1501-2025-15-1-122-130. EDN: EIDYRY.

12. Емельянова Т. П. Коллективная память о событиях отечественной истории: социально-психологический подход. Москва : Институт психологии РАН, 2019. 299 с. ISBN 978-5-9270-0388-4. EDN: XOSHQR.

13. Радченко Т. В., Шевелева К. В. Актуальные вопросы разграничения посягательств на объекты культурного наследия и объекты, увековечивающие память лиц, погибших при защите Отечества // Правовое государство: теория и практика. 2023. № 4. С. 151–157. DOI: 10.33184/pravgos-2023.4.17. EDN: OIUVER.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Мартиросян Анастасия Вадимовна, ассистент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии (Российская Федерация, 410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1), ORCID: 0009-0006-6412-002X, РИНЦ Author ID: 1266699, e-mail: emely_02_02@mail.ru.

Martirosyan, Anastasia Vadimovna, Assistant at the Department of Criminal and Penal Law at the Saratov State Law Academy (Russian Federation, 410056, Saratov, Volskaya st., 1), ORCID: 0009-0006-6412-002X, РИНЦ Author ID: 1266699, e-mail: emely_02_02@mail.ru.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОСТОЯНИЯ И СТРУКТУРЫ ЖЕНСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

А. Н. Мяханова

Бурятский государственный университет
имени Доржи Банзарова,
г. Улан-Удэ, Российская Федерация
e-mail: alex27-m@mail.ru

Д. В. Синьков

Санкт-Петербургский
государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация
e-mail: dvsv@list.ru

Аннотация. Статья посвящена сравнительному исследованию состояния и структуры женской преступности в Российской Федерации и Китайской Народной Республике. Рассматриваются количественные и качественные показатели преступности, динамика выявления и осуждения женщин-преступниц, а также особенности структуры женской преступности в двух государствах. Особое внимание уделено влиянию социально-экономических факторов, гендерного неравенства и культурных особенностей на формирование женской преступности. Проведен анализ статистических данных, выявлены негативные тенденции роста женской преступности в обоих государствах, рассмотрены характерные виды преступлений, совершенных женщинами, а также приведены конкретные примеры особо резонансных уголовных дел в Китае. Сделан вывод о необходимости дальнейшего комплексного изучения проблемы женской преступности с учетом латентных проявлений и специфики правовой политики каждой страны.

Ключевые слова: женская преступность, структура преступности, женщины-преступницы.

Для цитирования: Мяханова А. Н., Синьков Д. В. Сравнительная характеристика состояния и структуры женской преступности в Российской Федерации и Китайской Народной Республике // Искусство правоведения. 2026. № 3. С. 147–155.

A COMPARATIVE CHARACTERISTIC OF THE STATUS AND STRUCTURE OF FEMALE CRIMINALITY IN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

A. N. Myakhanova

Buryat State University,
Ulan-Ude, Russian Federation
e-mail: alex27-m@mail.ru

D. V. Sinkov

St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russian Federation

e-mail: dvsv@list.ru

Annotation. This article presents a comparative study of the status and structure of female crime in the Russian Federation and the People's Republic of China. It examines quantitative and qualitative crime indicators, the dynamics of the detection and conviction of female criminals, and the structural features of female crime in the two countries. Particular attention is paid to the influence of socioeconomic factors, gender inequality, and cultural characteristics on the development of female crime. This analysis of statistical data identifies negative trends in the growth of female crime in both countries, examines typical types of crimes committed by women, and provides specific examples of particularly high-profile criminal cases in China. It concludes that further comprehensive study of the problem of female crime is necessary, taking into account the latent manifestations and specific legal policies of each country.

Key words: female crime, crime structure, female criminals.

For citation: Myakhanova A. N., Sinkov D. V. A Comparative Characteristic of the Status and Structure of Female Crime in the Russian Federation and the People's Republic of China // The Art of Law. 2026. № 3. С. 147–155.

Женская преступность как частный сегмент общей преступности представляет устойчивый интерес для криминологии, поскольку отражает взаимосвязь между социальным положением женщин, характером их включенности в экономические и семейные отношения, а также особенностями правоприменительной практики. Исследование состояния и структуры женской преступности в Российской Федерации и Китайской Народной Республике (КНР) особенно актуально в силу масштабов стран, высокой динамики социальных изменений и специфики функционирования уголовной юстиции. Китай на протяжении последних десятилетий переживает процессы ускоренной урбанизации, внутренней миграции, изменения структуры занятости и стремительной цифровизации повседневной жизни и финансовых сервисов. Эти факторы способны влиять как на реальные криминальные практики, так и на выявляемость отдельных преступлений, что требует аккуратного и критического анализа статистических данных.

Обращаясь к анализу состояния женской преступности в Российской Федерации можно отметить некоторые положительные и негативные характеристики в ее динамике.

Таблица 1
Количество выявленных лиц, совершивших преступления в Российской Федерации¹

Показатель	Год				
	2021	2022	2023	2024	2025
Всего выявлено лиц	8483 20	8189 86	7504 65	6662 60	5949 17
Темп прироста (базисный) %	–	–3,5	–11,5	–21,5	–29,9
Выявлено женщин	1377 24	1335 07	1263 26	1207 30	1162 89
Удельный вес, %	16,2	16,3	16,8	18,1	19,5
Темп прироста (базисный) %	–	–3,1	–8,3	–12,3	–15,6

Анализ представленных данных показал, что в последние годы наблюдается устойчивая тенденция к снижению как всей совокупности выявленных лиц, совершивших преступления, так и женщин-преступниц. Так, количество всех выявленных лиц за последние пять лет сократилось на треть, а женщин, совершивших преступления только на 15,6%, это говорит о том, что снижение выявленных женщин

¹ Статистические сборники о состоянии преступности в России за 2021–2025 гг. : по состоянию на 4 мая 2026 г. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 12.02.2026).

преступниц идет более медленными темпами, чем всего лиц, совершивших преступления.

Вместе с тем анализ динамики удельного веса выявленных женщин, совершивших преступления, показывает негативные тенденции в своем развитии – с 2021 г. по 2025 г. он увеличился с 16,2% до 19,5%, соответственно. Таким образом можно говорить, что в настоящее время каждый пятое выявленное лицо, совершившее преступление, это женщина.

Характеризуя показатели судимости в Российской Федерации, можно сказать, что за исследуемый период общее количество осужденных лиц снизилось незначительно, темп прироста составил -3,4%, при этом в отдельные годы темп прироста принимал положительные значения.

Таблица 2

Количество осужденных лиц
в Российской Федерации¹

Показатель	Год				
	2020	2021	2022	2023	2024
Всего осуждено лиц	53099 8	56531 7	57817 4	55574 2	51284 5
Темп прироста (базисный) %	–	+6,5	+8,9	+4,7	–3,4
Осуждено женщин	73325	80919	84861	84927	85799
Удельный вес, %	13,8	14,3	14,7	15,3	16,7
Темп прироста (базисный) %	–	+10,4	+15,7	+15,8	+17,0

Относительно судимости женщин можно отметить устойчивую динамику к росту их количества. Так, за пять лет количество осужденных женщин увеличилось на 17,0%, с 73,3 до 85,8 тысяч лиц. Показатель удельного веса осужденных женщин в их общем количестве также имеет негативные тенденции, с 2020 по 2024 гг. его значение

увеличилось с 13,8% до 16,7%, соответственно.

Представляется, что анализируемые данные, не отражают действительного состояния женской преступности поскольку абсолютные и относительные показатели, характеризующие состояние женской преступности, базируются на статистических данных о выявленных и зарегистрированных преступлениях органами внутренних дел. При этом за пределами анализа остается латентная (скрытая) часть преступлений, о которых в правоохранительные органы не заявлялось, или которые по тем или иным причинам не были зарегистрированы.

Между тем преступность женщин отличается высоким уровнем латентности, что отмечают и другие исследователи [1 ; 2 ; 3]. Думается, что в качестве сдерживающих мотивов несообщения потерпевшими о случившемся могут быть самые различные побуждения, например, боязнь огласки интимных сторон жизни может обернуться для жертвы глубокими душевными переживаниями или причинить нравственные страдания ее родным и близким. В ряде случаев причиной сокрытия факта совершения преступления может быть причастность к нему и самого потерпевшего, который при неблагоприятном для него исходе преступления сам может стать преступником. Причиной латентности может служить также и желание потерпевшего учинить самосуд над посягателем. Довольно часто нежелание граждан сообщить о преступлении связано с их предвзятым отношением к деятельности правоохранительных органов, неверие в возможность правоохранительных органов раскрыть преступление.

Таки образом можно отметить, что количественные показатели женской преступности в Российской Федерации в целом имеют негативные тенденции, несмотря на некоторое снижение количества выявленных женщин преступниц за последние 5 лет.

¹ Статические данные о судимости Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации : по состоянию на 4 мая 2026 г. URL: <https://web.archive.org/web/20260126210545/https://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 12.02.2026).

Обращаясь к качественным показателям преступности, в частности ее структуре по видам преступлений, можно отметить, что ее основу в настоящее время составляют преступления корыстной направленности (главы 21, 22 УК РФ), их доля составляет по итогам 2025 г. 45,5%. Это связано во многом с преимущественной занятостью женщин в сферах торговли, общественного питания, сбыта и заготовок, т. е. в тех сферах, где и совершаются эти преступления.

Второе место занимают преступления против семьи и несовершеннолетних (глава 20 УК РФ), удельный вес таких преступлений – 16,5%, основная доля преступлений из данной группы приходится на такое преступление как злостное уклонение от уплаты средств на содержание детей и родителей.

Третье место занимают преступления против здоровья и общественной нравственности (гл. 25 УК РФ), самыми распространенными преступлениями здесь являются преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, их доля в общей структуре преступности составляет 10,7%.

Четвертое место занимают преступления против жизни и здоровья с удельным весом 8,1%, на долю убийств приходится 0,8%, причинения различной степени тяжести вреда здоровью – 5,6%.

Таким образом можно говорить, что структура женской преступности имеет свои особенности, которые обусловлены гендерными проблемами, существующими в системе общественных отношений, социальными ролями и функциями женщин, их биологической и психологической спецификой.

Анализируя женскую преступность в Китае, необходимо отметить, что степень разработанности данной темы в России и Китае можно оценить как неоднородную. С одной стороны, в криминологии хорошо разработаны общие подходы к анализу женской преступности, с другой стороны, эмпирические исследования, посвященные именно женской преступности в КНР, часто фрагментарны: часть исследований

опирается на региональные выборки, судебные кейсы или специализированные обзоры, а доступность официальной уголовной или судебной статистики может быть ограничена. В связи с этим в настоящем исследовании представлен анализ доступных количественных показателей (например, доли женщин среди заключенных/осужденных, где такие данные доступны) с обзором научной литературы, раскрывающей структуру преступного поведения женщин и ее основные детерминанты.

В целом можно отметить, что в КНР тенденции женской преступности также носят негативный характер, что подтверждается следующими данными.

Так, по данным опубликованного исследования, с 2003 г. по 2012 г. число осужденных женщин в КНР ежегодно увеличивалось. Так в 2003 г. удельный вес таковых женщин в общем количестве осужденных составлял 4,6%, к началу 2012 г. он увеличился до 5,8%¹.

Согласно данным Министерства юстиции КНР в период с конца 2000 г. по 2006 г. число осужденных женщин увеличилось на 39000, в среднем прирост за год составлял примерно 15,0%, что значительно превышало средний темп прироста числа всех осужденных.

К 2015 г., согласно отчетам, удельный вес осужденных женщин составлял 6,3% от общего числа осужденных в Китае. Таким образом, с 2005 г. число осужденных мужчин в Китае увеличилось на 10,0%, а число женщин на 46,0%².

В настоящее время число преступлений, совершаемых женщинами, продолжает расти. Данная тенденция не является уникальной для Китая, она стала глобальной проблемой, особенно заметной в развитых странах.

В 2024 г. доля преступниц женского пола увеличилась до 11,0%, при этом

¹ URL: <http://www.hakaifeng.jcy.gov.cn/site/lk/jcyw/info/2013/8703.html> (дата обращения: 28.12.2025).

² Ministry of Justice of the People's Republic of China. URL: <http://en.moj.gov.cn> (дата обращения: 28.01.2026).

значительный прирост наблюдался в преступлениях, совершаемых женщинами в возрасте старше 25 лет, на долю которых приходится 9,6% от всех женщин преступниц.

Что касается возрастных групп, то в общей сложности 51 000 преступников были моложе 18 лет на момент совершения преступлений, из которых только 4500 были женщинами¹.

Чэн Лэй, заместитель директора Центра исследований судебной системы и реформы судебной системы при юридическом факультете Китайского народного университета, на вопрос, почему число осужденных женщин так быстро растет, заявил, что одной из ключевых причин является переходный период в Китае. Он сказал: «В последние годы наблюдается рост ненасильственных преступлений с участием женщин, включая незаконный оборот наркотиков и мошенничество в сфере телекоммуникаций»².

Изучение некоторых опубликованных данных позволяют дать некоторые характеристики структуры женской преступности в КНР.

Анализ данных о видах преступлений показывает, что имущественные преступления неизменно занимают первое место как среди мужчин, так и среди женщин. Это свидетельствует о том, что преступления, мотивированные финансовой выгодой, по-прежнему составляют подавляющее большинство всех преступлений. Однако, по сравнению с мужчинами, женщины чаще совершают преступления, связанные с профессиональной деятельностью. Это можно объяснить тем, что с развитием общества все больше женщин участвуют в управлении обществом, увеличивая число тех, кто способен совершать экономические преступления.

Имущественные преступления, такие как кража, которое является наиболее распространенным, часто обусловлены экономическими потребностями или жадностью. Чаще женщины совершают кражи в торговых центрах, жилых домах и других подобных местах.

Так, в 2009 г. Ли Цюнь, заместитель управляющего филиалом Фуянского отделения Китайского сельскохозяйственного банка Аньхой, подделала официальную печать банка, взяла в долг более 160 млн юаней государственных средств, незаконно осуществляла финансовую деятельность и перепродала банковские векселя на сумму более 300 млн юаней, причинив огромные убытки³.

Еще одно распространенное преступление из числа корыстных – это мошенничество. Женщины используют свои особенности и психологию других людей, используя сфабрикованные факты и ложь с целью хищения государственной или частной собственности. Чаще такие преступления совершаются с использованием ИТ-технологий и интернета. С развитием ИТ-технологий многие женщины также вовлечены в преступления, связанные с деятельностью онлайн-казино.

Также к числу наиболее распространенных преступлений относятся преступления, связанные с наркотиками, такие как их контрабанда, продажа и перевозка; преступления, связанные с должностными обязанностями, включающие злоупотребление должностными полномочиями, взяточничество; насильственные преступления, такие как убийство или причинение вреда здоровью.

Еще одна распространенная группа преступлений – это укрывательство или содействие проституции. Зачастую женщины организуют притоны или

¹ URL: <https://zzfy.hncourt.gov.cn/public/detail.php?id=22394> (дата обращения: 17.03.2026).

² The Supreme People's Court of the People's Republic of China. URL: <https://english.court.gov.cn> (дата обращения: 28.12.2025).

³ Президент Фуянского отделения Китайского сельскохозяйственного банка в провинции Аньхой уволена. URL: <http://www.yhxjw.gov.cn/?thread-4314-1.html> (дата обращения: 15.01.2026).

выступают в качестве посредников в этой сфере.

Говоря о преступлениях, связанных с наркотиками, можно отметить, что, хотя в Китае борьба с наркопреступностью ведется жестко, женщины-наркоторговцы действуют более скрытно и обманчиво. Доля женщин, вовлеченных в преступления, связанные с наркотиками, растет с каждым годом. Причины этого разнообразны, включают социальные и экономические потребности, кроме того, некоторые действующие положения законов, например, в отношении беременных женщин, («беременные или кормящие грудью женщины могут быть освобождены под залог, если это не представляет опасности для общества»), привели к тому, что многие беременные или кормящие женщины присоединились к рядам наркоторговцев.

Так, в провинциях Гуандун каждый десятый наркоторговец – женщина. В отчете о расследовании, опубликованном судом Пекина, женщины совершают 20,0% от всех преступлений, связанных с наркотиками¹.

Первым преступником, казнённым смертельной инъекцией в Китае, была женщина-наркоторговец Фан Сяохун.

Фан Сяохун изначально была обычной деревенской девушкой. В 1995 г. по рекомендации друга устроилась на работу в ночной клуб певицей. За время своей работы в ночном клубе Фан Сяохун завоевала любовь и восхищение многих посетителей. Познакомившись с образом жизни богатых людей и попробовав наркотики, Фан Сяохун быстро увлеклась ими, у нее развилась сильная зависимость, от которой ей было трудно избавиться.

После возникших проблем она познакомилась с супругами, которые втянули её в наркобизнес. 18 ноября 2002 г. полиция задержала Фан Сяохун. Общее количество изъятых наркотиков

составило 900 грамм. В связи с исключительно большим объемом конфискованных наркотиков, суд в конечном итоге приговорил её к смертной казни путём смертельной инъекции.

Накануне казни Фан Сяохун намеренно переоделась в белоснежную одежду, словно желая попрощаться с этим миром чистым телом. В день казни, в обеденное время, тюрьма приготовила для нее довольно обильный обед. Перед последним приемом пищи она пролила слезы раскаяния, испытывая глубокий стыд за то, что не оправдала ожиданий страны и своей семьи.

После еды Фан Сяохун испытала чувство страха. По мере приближения момента казни Фан Сяохун начала громко петь, чтобы успокоить свой внутренний страх. После чего Фан Сяохун низко поклонилась сотрудникам тюрьмы в знак благодарности, прежде чем ее отвели в комнату для инъекций. С помощью инъекции эта женщина, чья жизнь была полна трудностей, завершила свой нелегкий путь².

Антикоррупционная кампания Китая также способствовала увеличению числа осужденных женщин, но за должностные преступления, поскольку большое количество женщин занимают должности в государственных учреждениях, и число, осужденных женщин за получение взяток, резко возросло.

Насильственные преступления занимают незначительную часть в структуре женской преступности. Тем не менее, женщины-убийцы демонстрируют безжалостную и жестокую сторону в своем преступном поведении, методах и силе воли. Они готовы отнимать жизни других ради удовлетворения своих личных желаний. Они используют самые разнообразные методы, охватывающие практически все возможные способы убийства. Их безжалостное стремление к

¹ В Пекине на долю женщин приходится 20% преступлений, связанных с наркотиками. URL: <https://www.chinanews.com/m/sh/2015/12-04/7656079.shtml> (дата обращения: 12.01.2026).

² В Пекине на долю женщин приходится 20% преступлений, связанных с наркотиками. URL: <https://www.chinanews.com/m/sh/2015/12-04/7656079.shtml> (дата обращения: 12.01.2026).

достижению своих целей, граничащее с истерией, еще больше подчеркивает их жестокость.

Упорство воли этих преступниц поразительно; даже если попытка убийства терпит неудачу, они продолжают готовиться к следующему акту и редко добровольно прекращают совершать преступление.

Так, некоторые из этих случаев чрезвычайно чудовищны, например, серийное расчленение в Цзямуси, провинция Хэйлунцзян, где преступница, Ма Яньхун (из уезда Хуачуань, провинция Хэйлунцзян), убила четырех человек за короткий период времени, ее жестокость была совершенно ужасающей.

25 августа 1994 г. в доме в Цзямуси Ма Яньхун, испытывая финансовые трудности, попросила арендодателя Сюй продлить арендную плату. Сюй, сочувствуя ее положению, не только согласился на продление, но и щедро дал ей 200 юаней. Однако, обнаружив, что у Сюй при себе большая сумма денег, Ма Яньхун, поддавшись жадности, спланировала преступление. На следующий день, под видом благодарности, она пригласила семью Сюй на ужин, тайно подсыпав им в еду и напитки наркотики. Во время еды трое членов семьи Сюй потеряли сознание, после чего Ма Яньхун зверски убила и расчленила их.

В мае 1995 г. Ма Яньхун познакомилась с Дун Дацином, полицейским, через брачное агентство, и они начали жить вместе. Узнав, что у Дун Дацина есть 20 000 юаней сбережений, она вновь использовала анестезирующие препараты, чтобы убить Дун Дацина и расчленила его тело¹.

Яо Цзиньюнь (жительница Пекина), за короткий промежуток времени несколько раз автомобилем сбила людей, в результате которой погибли пять человек и 19 получили ранения.

23-летняя Яо Цзиньюнь, водитель такси из команды «Зоопарк» Первой

заводской компании Пекинского такси, лишилась бонусов и надбавок за невыполнение установленного количества смен. После нескольких безуспешных попыток связаться со своими руководителями, она пришла в ярость. Утром 10 января 1982 г. в состоянии эмоционального потрясения она почувствовала себя вынужденной врезаться в мост Цзиньшуй, пытаясь привлечь внимание общественности и тем самым наказать своих руководителей. Прибыв на площадь Тяньаньмэнь, Яо Цзиньюнь проигнорировала попытки сотрудников ГИБДД остановить её и на высокой скорости въехала на площадь. В результате погибли 5 человек и 19 получили ранения (11 из которых были серьезными). Было повреждено белое мраморное ограждение на западной стороне главного моста Цзиньшуй, а автомобиль получил серьезные повреждения².

Чэнь Юпин, пыталась убить 99-летнюю жертву, дав ей снотворное и задушив её в первый же рабочий день в качестве сиделки, чтобы быстро получить всю её месячную зарплату. Кроме того, её подозревают в участии в убийстве нескольких неизлечимо больных пожилых людей. Полиция подтвердила, что шесть пожилых людей скончались вскоре после того, как Чэнь Юпин начала за ними ухаживать³.

Теракт «11» в Байсе, провинция Гуанси, привел к трагедии, в результате которой погибли 9 человек и 4 получили ранения. Теракт совершила Су Яньцин (уроженка уезда Лее, провинция Гуанси). В 1991 г. Су Яньцин вышла замуж за Ран Чжэнгао, своего односельчанина. Однако из-за бездетности Ран Чжэнгао предложил найти ей другого партнера, что привело к обострению семейных конфликтов. В марте 2006 г. они развелись. Су Яньцин не смогла смириться с этим и решила

¹ URL: https://yzjd.jsjc.gov.cn/yw/202308/t20230818_943790.shtml (дата обращения: 28.12.2025).

² The Supreme People's Procuratorate of the People's Republic of China. URL: <https://en.spp.gov.cn> (дата обращения: 27.11.2025).

³ URL: https://news.sohu.com/a/874648380_99990918 (дата обращения: 18.02.2026).

убить своего бывшего мужа и его новую избранницу. Для этого она обратилась за помощью к своему младшему брату, Су Дуоде, надеясь, что он сможет найти взрывчатку.

10 марта Су Дуоде купил на стройплощадке 12 кг взрывчатки, 10 детонаторов и 2 метра взрывателя за 190 юаней. Вечером того же дня он передал взрывчатку сестре. На следующий день Су Яньцин отнесла корзину со взрывчаткой в квартиру Ран Чжэнгао и его подруги, подожгла взрыватель и скрылась. В результате этого обрушились два трёхэтажных здания, погибли Ран Чжэнгао и его сосед Хуан Гофу, а также ещё четверо получили ранения¹.

В 2025 г. в КНР было опубликовано исследование на тему «Каковы наиболее распространенные причины, по которым женщины попадают в тюрьму?»².

Одной из основополагающей причин было названо гендерное неравенство. Во-первых, с углублением реформ многие отрасли становятся все более научно-технологически развитыми, что повышает требования к уровню образования сотрудников. Более низкий уровень образования женщин затрудняет им занять эти рабочие места. Во-вторых, сохраняется традиционная концепция «мужчины работают вне дома, а женщины остаются дома». Женщины, обремененные большим количеством семейных обязанностей, снижают свою работоспособность, что объективно приводит к нежеланию компаний и учреждений нанимать женщин-сотрудниц. Неравенство в возможностях трудоустройства означает, что женщины обладают меньшими ресурсами и меньшей автономией в обществе, что затрудняет использование ими законных средств для достижения своих целей.

Гендерное неравенство также отражается в политическом участии.

На 19-м Всекитайском собрании народных представителей женщины составляли всего 24,0% от общего числа делегатов. Кроме того, женщины меньше занимают ключевые властные позиции, и большинство их остается на «периферии». Снижение уровня преступности среди женщин должно начинаться с корректировки социальной структуры, уменьшения гендерного неравенства в образовании, занятости и политическом участии, предоставления женщинам большего количества путей и возможностей для реализации своих жизненных ценностей, а также смягчения негативных эмоций, накапливающихся в результате гендерной дискриминации.

Таким образом, женская преступность является важным и специфическим структурным элементом общей преступности, тесно связанным с социальным положением женщин, их ролью в экономике и семье, а также особенностями правоприменительной практики. Анализ данных из Российской Федерации и Китая показывает, что, несмотря на общее снижение количества выявленных преступников, доля женщин среди преступников и осужденных растет, что свидетельствует о негативных тенденциях в развитии женской преступности.

Женская преступность в обеих странах имеет свои особенности, обусловленные социальными, экономическими и культурными факторами, и требует дальнейшего глубокого и комплексного изучения с учетом скрытых (латентных) аспектов и специфики правоприменения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Лыско Е. А. Статистические показатели женской преступности в России // Социология и право. 2017. № 2 (36). С. 112–120. EDN: YUFJWT.
2. Молев Г. И., Анисимова М. С. Состояние и тенденции женской преступности в России на современном этапе // Наука. Общество. Государство. 2020. Т. 8, № 4 (32). С. 99–107. DOI:

¹ The Supreme People's Procuratorate of the People's Republic of China. URL: <https://en.spp.gov.cn> (дата обращения: 07.04.2026).

² URL: <https://zzfy.hncourt.gov.cn/public/detail.php?id=22394> (дата обращения: 07.04.2026).

10.21685/2307-9525-2020-8-4-12. EDN: JLJSET.

3. Ростовская Т. К., Безвербная Н. А. Особенности и тенденции женской преступности в России // Социальное пространство. 2021. Т. 7, № 1. С. 1–13. DOI: 10.15838/sa.2021.1.28.3. EDN: FPZZAC.

4. Новоторкина Д. А. Социальное благополучие женщин в КНР // Уральское востоковедение : международный альманах. Екатеринбург, 2024. Вып. 14 : Китайская цивилизация в прошлом и настоящем: к 75-летию со дня образования Китайской Народной Республики. С. 125–131. DOI: 10.15826/usos.2024.14.13. EDN: UGHYRS.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Мяханова Александра Николаевна, доцент кафедры уголовного права и криминологии, Бурятский государственный университета имени Доржи Банзарова, кандидат юридических наук, судья в отставке (Российская Федерация, 670000, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Сухэ-Батора, 6), ORCID: 0000-000108998-7363, e-mail: alex27-m@mail.ru.

Синьков Дмитрий Владимирович, доцент кафедры уголовного права, Санкт-Петербургский государственный университет, кандидат юридических наук, доцент (Российская Федерация, Санкт-Петербург, ул. Университетская набережная, д. 7/9), ORCID 0000-0003-1764-8586, e-mail: dvsv@list.ru.

Myakhanova Alexandra Nikolaevna, Associate professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Buryat State University, Candidate of Legal Sciences, Retired judge (Russian Federation, 670000, Ulan-Ude, Suhe-Batora Street, 6), ORCID: 0000-000108998-7363, e-mail: alex27-m@mail.ru.

Sinkov Dmitry Vladimirovich, Associate Professor of the Department of Criminal Law, St. Petersburg State University, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor (Russian Federation, St. Petersburg, Universitetskaya embankment, 7/9), ORCID 0000-0003-1764-8586, e-mail: dvsv@list.ru.

КРАТНОСТЬ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Д. А. Пархоменко

Московский государственный юридический
Университет имени О.Е. Кутафина,
Москва, Российская Федерация
e-mail: parkhomenkoda@mail.ru

Аннотация. В статье в соответствии с категоризацией преступлений в ст.15 УК РФ и на основе понимания кратности преступлений в качестве однократного или неоднократного совершения преступления одним и тем же лицом при условии сохранения уголовно-правового значения преступлений, образующих кратность, показано отражение данного обстоятельства в российском уголовном законодательстве и его влияние на дифференциацию уголовной ответственности. Проанализирована специальная литература по рассматриваемой проблематике, выявлено несоответствие понятию кратности преступлений отражение неоднократной преступной деятельности в уголовном законе через такие формы множественности преступлений как совокупность и рецидив. Отмечается непоследовательность отражения в уголовном законодательстве такого проявления неоднократности как совершение преступления лицом, ранее судимым, недостаточный учет кратности (совершения преступления впервые и не в первый раз) при назначении уголовного наказания. Обращается внимание на недооценку законодателем характера и степени общественной опасности преступлений, совершенных впервые, деятельное раскаяние в которых предусмотрено в нормах Особенной части УК РФ. В дополнение к разъяснению понятия лица, впервые совершившего преступление, данного Верховным Судом РФ в постановлении Пленума «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности», с учетом имеющегося зарубежного опыта предлагается предусмотреть его определение в УК РФ.

Ключевые слова: кратность преступлений, неоднократное и однократное совершение преступления, уголовное законодательство, множественность преступлений, совершение преступления впервые.

Для цитирования: Пархоменко Д. А. Кратность преступлений и ее отражение в уголовном законодательстве // Искусство правоведения. 2026. № 3. С. 156–163.

MULTIPLICITY OF CRIMES AND ITS REFLECTION IN CRIMINAL LEGISLATION

D. A. Parkhomenko

Moscow State Law University
named after O.E. Kutafin,
Moscow, Russian Federation
e-mail: parkhomenkoda@mail.ru

Annotation. In accordance with the categorization of crimes in Article 15 of the Criminal Code of the Russian Federation and based on the understanding of the multiplicity of crimes as a

single or repeated commission of a crime by the same person, provided that the criminal law significance of the crimes constituting multiplicity is preserved, the article demonstrates the reflection of this circumstance in Russian criminal legislation and its influence on the differentiation of criminal liability.

Special literature on the issue under consideration has been analyzed, and an inconsistency has been identified between the concept of multiplicity of crimes and the reflection of repeated criminal activity in criminal law through such forms of multiplicity of crimes as concurrence and recidivism. The inconsistency in the reflection of such a manifestation of repetition as the commission of a crime by a previously convicted person in criminal legislation is noted, as well as insufficient consideration of multiplicity (first-time and subsequent commission of a crime) when imposing criminal punishment. Attention is drawn to the underestimation by the legislator of the nature and degree of public danger of crimes committed for the first time, for which active repentance is provided for in the norms of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation.

In addition to clarifying the concept of a person who has committed a crime for the first time, as given by the Supreme Court of the Russian Federation in the Plenum's Resolution "On the Application by Courts of Legislation Regulating the Grounds and Procedure for Exemption from Criminal Liability," and taking into account existing foreign experience, it is proposed to include its definition in the Criminal Code of the Russian Federation.

Key words: repetition of crimes, repeated and single commission of a crime, criminal legislation, multiplicity of crimes, commission of a crime for the first time.

For citation: Parkhomenko D. A. Multiplicity of Crimes and its Reflection in Criminal Legislation // The Art of Law. 2026. № 3. С. 156–163.

Отличительной чертой Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 г. выступает дифференциация уголовной ответственности в зависимости от категории совершенного преступления. На основе и в рамках предусмотренной в ст. 15 УК РФ категоризации преступлений происходит последующая дифференциация уголовной ответственности, в том числе с учетом личности субъекта преступления определенной категории: при освобождении от уголовной ответственности; при назначении наказания; при установлении рецидива преступлений; при освобождении от наказания и от его отбывания; погашении и снятии судимости.

Вместе с тем в отечественном уголовном законодательстве дифференциация уголовной ответственности традиционно осуществляется не только в зависимости от того, *что* совершено, но и с учетом того, *кто* совершил. Характеристика лица, совершившего преступление, складывается из ряда признаков, отраженных в уголовном

законе, и в этой связи уголовная ответственность дифференцируется (подразделяется, различается) по различным основаниям: в зависимости от возраста, пола, гражданства, служебного, должностного положения, правового статуса и т. п. Практически во всех нормативных актах уголовно-правового характера отечественный законодатель предпринимает попытки дифференцировать уголовную ответственность и в зависимости от того, сколько раз в жизни лицо, способное подлежать уголовной ответственности (ст. 19 УК РФ), совершило преступление: один раз (однократно) или более одного раза (неоднократно). В каких формах отражается данное обстоятельство в уголовном законодательстве, насколько последовательно это делается и к каким уголовно-правовым последствиям приводит?

При отсутствии понятия кратности в уголовном законодательстве и крайне редком употреблении этого понятия в специальной литературе по уголовному

праву целесообразно прежде всего обратиться к этимологии этого слова.

Слово «кратность» происходит от прилагательного «кратный», которое было заимствовано из старославянского языка. Краткий – суффиксальное производное от слова «кратъ» («раз»), которое, в свою очередь, представляет собой старославянское существительное мужского рода 1-го склонения. В современном русском языке слово «крат» используется преимущественно в устойчивых выражениях: «во сто крат» – в сто раз (больше или меньше); «во много крат» – во много раз (больше или меньше)¹.

Очевидно, что кратность в значении «количества раз» может иметь место в различных сферах жизнедеятельности и характеризовать самые разнообразные явления или их аспекты. Широкое распространение слово «кратность» получило в математике, где означает – «делящийся без остатка на какое-нибудь число». Только в одном п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» при определении размера штрафа понятие кратности упоминается четыре раза в значении «величины, кратной стоимости»².

Привязку кратности, собственно, к поведенческой проблематике, имеющей криминальную окраску, можно встретить в криминологических исследованиях. В связи с этим говорят, например, о числе повторных преступлений [1, с. 173], о «кратности рецидива», понимая под ним количество преступлений, с применением соответствующих мер уголовно-правового характера, предшествующих последнему преступлению [2, с. 946].

Что же касается рассмотрения кратности в уголовном праве, то здесь обычно без упоминания о ней, ее поведенческий аспект традиционно анализируется в связи с множественностью преступлений и только в ее рамках. Так, по мнению Э. Г. Шкредовой, множественность преступлений «является одним из условий дифференциации уголовной ответственности посредством освобождения от нее» [3, с. 66]. Между тем, множественность преступлений в предусмотренных в ст. 17, 18 УК РФ формах ее выражения (совокупность и рецидив) – это ни что иное как одно из проявлений кратности преступлений, наряду с однократным преступлением. Заметим, что совершение только такого преступления, а не множественность преступлений, может выступать одним из условий освобождения от уголовной ответственности в предусмотренных законом случаях (ч. 1 ст. 75, ст. 76, ч. 1, 2 ст. 76¹, ст. 76², примечания к ст. 127¹, 134, 145¹, 173¹, 187, 195, 198, 199, 199¹, 199³, 199⁴, 205⁵, 208, 282¹, 282², 282³ УК РФ). Поэтому, во-первых, не множественность, а именно кратность преступлений должна выступать основанием дифференциации уголовной ответственности; во-вторых, множественность преступлений, а точнее ее формы и разновидности, могут выступать основанием дифференциации уголовной ответственности «внутри» самой множественности, и только на этом уровне дифференциации освобождение от уголовной ответственности при наличии множественности можно считать одним из средств такой дифференциации.

О дифференциации уголовной ответственности в рамках множественности преступлений пишут Л. Л. Кругликов и А. В. Васильевский. При этом авторы исходят из презумпции, что лицо, совершившее несколько преступлений, представляет повышенную общественную опасность в сравнении с совершившим одно преступление, повышается и суммарно причиненный им вред [4, с. 91]. Вполне уместна здесь

¹ Викисловарь. URL: <https://ru.wiktionary.org> (дата обращения: 10.07.2026).

² О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 : ред. от 23 декабря 2025 г. № 40 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2016. № 2 ; 2026. № 2.

ссылка и на работу А. И. Долговой, в которой обоснованно замечается, что «вероятность повторных преступлений во многом зависит от реагирования на первое преступление» [2, с. 747]. Однако не так бесспорно продолжение этой мысли А. И. Долговой, а соответственно, и безоговорочное цитирование ее Л. Л. Кругликовым и А. В. Васильевским: «Оценка лица, совершившего несколько преступлений, зависит от того, подвергалось ли оно мерам уголовно-правового воздействия» [4, с. 91]. Во-первых, оценка лица, совершившего несколько преступлений, должна отличаться, прежде всего, от оценки лица, совершившего одно преступление. Наверное, при прочих равных условиях результаты таких оценок должны быть различны. Во-вторых, не совсем ясно, какое значение в рассматриваемом суждении придастся лишь факту, а не результату уголовно-правового воздействия. Наконец, возникает вопрос о том, какая цель преследуется такой дифференциацией уголовной ответственности? Если, как пишут авторы, «создать для правоприменителя желаемый режим при определении меры (вида и размера) ответственности за совершенное преступление» [4, с. 62] – это одна ситуация, в которой во главу угла ставится правоприменитель. Если же такой режим создается для правоприменителя в целях более оптимальной и справедливой оценки содеянного, в котором внимание фокусируется на лице, совершившем преступление, – это несколько иная и принципиально другая с точки зрения предупреждения новых преступлений ситуация. Так или иначе, но и в рассмотренной позиции Л. Л. Кругликова и А. В. Васильевского факт совершения одного преступления упоминается для того, чтобы оттенить факт совершения нескольких преступлений, а о факте совершения преступления впервые не упоминается вообще.

Говоря о совершении преступления впервые через призму кратности преступлений, мы противопоставляем

такое преступление (однократное) именно неоднократности преступлений. Обращаем внимание на это обстоятельство потому, что отечественное уголовное законодательство различных периодов по-разному регламентирует однократность и особенно неоднократность преступлений применительно к одному и тому же лицу. До настоящего времени в теории уголовного права нет единства мнений о соотношении таких понятий, как неоднократность, повторность, совокупность и рецидив. На наш взгляд, первое из них является наиболее общим при характеристике множественности преступлений, то есть при совершении одним лицом не одного, а нескольких юридически самостоятельных преступлений при наличии возможности уголовного преследования как минимум по двум из них. В этой связи заслуживает поддержки идея Т. В. Серковой о том, чтобы институт множественности преступлений именовать «институтом неоднократности преступного поведения». Резонно замечание автора и о том, что совершение одним лицом двух преступных деяний само по себе вряд ли образует множественность преступлений [5, с. 10]. Поэтому в дальнейшем мы будем оперировать именно понятием неоднократности преступлений, противопоставляя его понятию преступления, совершенного один раз – однократно, впервые.

Предваряя рассмотрение вопроса об отражении кратности преступлений в уголовном законодательстве, сделаем два уточнения.

Во-первых, деяния, совершенные в рамках административной преюдиции, обуславливающие по воле законодателя преступность последнего из них (например, ст. 116¹, 157, 191, 193, 212¹ УК РФ), не образуют множественность преступлений ни в одной из ее форм, предусмотренных и не предусмотренных в УК РФ.

Во-вторых, не образуют множественности преступлений и

разновидности единичного преступления (составного, длящегося, продолжаемого).

И еще одно замечание: уголовный закон призван реагировать на любое общественно опасное и виновно совершенное деяние, предусмотренное как преступное в Особенной его части, как правило, безотносительно того, кто является его субъектом и в какой раз в жизни этого субъекта такое происходит. В связи с этим интересно отметить, что кратность преступлений не упоминается при определении содержания принципа юридического равенства в ст. 4 УК РФ.

Таким образом, предметом нашего внимания выступают ситуации, в нормативной регламентации которых в УК РФ предусмотрены оговорки, отражающие кратность преступления в однократном или неоднократном ее проявлении.

Анализируя Уголовный кодекс РФ в названном аспекте, прежде всего по сложившейся традиции обратим внимание на отражение в нем факта совершения одним лицом нескольких преступлений. Отметим, что до настоящего времени определение понятия множественности преступлений в доктрине уголовного права шире по своему содержанию, чем те ее проявления (формы), которые предусмотрены в УК РФ: уголовное законодательство России не знает понятия «простой» неоднократности, отражающей факт совершения одним и тем же лицом двух или более преступлений, неукладывающихся ни в совокупность, ни в рецидив преступлений (ст. 17, 18 УК РФ). Так, уголовное законодательство России никак не реагирует на неоднократное совершение преступлений одним и тем же лицом, если одно из двух или все преступления совершены им по неосторожности и по одному из них имеется судимость. Последнее обстоятельство исключает возможность признания совокупности преступлений, а форма вины — неосторожная — возможность признания какого-либо вида рецидива преступлений. Подобного рода вопросы ставят и другие авторы [6].

Факт неоднократного совершения преступлений сам по себе никак не отражен в нормах Особенной части УК РФ. Вместе с тем традиционно повышенный интерес законодателя к отражению в законе особого уголовно-правового значения неоднократной преступной деятельности в последние годы привел к возрождению такого квалифицирующего признака некоторых преступлений, как совершение последнего ранее судимым (ч. 2 ст. 116¹, п. «а» ч. 5 ст. 131, п. «а» ч. 5 ст. 132, п. «в» ч. 3 ст. 133, ч. 6 ст. 134, ч. 5 ст. 135, ч. 2 ст. 204², 230³, ч. 2 ст. 264¹, ч. 2 ст. 264², ч. 2 ст. 264³, п. «а» ч. 1 ст. 282, ч. 1 ст. 284¹, ч. 2 ст. 291², ст. 321¹, ст. 330¹, 330³ УК РФ). Впервые законодатель отступил от идеи уголовной ответственности с акцентом на деяние, а не на деятеля — идеи, провозглашенной авторами УК РФ 1996 года [7]¹, в 2012 году, когда соответствующие квалифицирующие признаки были установлены в ст. 134, 135². Поддерживая в целом такой подход законодателя, особенно в части уголовно-правовой реакции на преступления против половой неприкосновенности и половой свободы, в некоторых случаях он оказался не совсем обоснованным. Например, это касается преступления, уголовная ответственность за которое установлена в ч. 2 ст. 116¹ УК РФ. Наличие данного состава преступления в сравнении с ч. 1 данной статьи специфично только одним: совершением его лицом, имеющим судимость за преступление, совершенное с применением насилия. Однако санкция ч. 2, в сравнении с санкцией ч. 1, вряд ли

¹ Хотя во вступительной статье к одному из Комментариев УК РФ 1996 г. еще до момента вступления его в силу отмечалась ошибочность такого решения, поскольку оно не способствовало борьбе с профессиональной преступностью.

² О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних : Федеральный закон от 29 февраля 2012 г. № 14-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 10. Ст. 1162.

адекватно отражает степень общественной опасности квалифицированного преступления, к тому же если учесть неприменение наказания в виде ареста. В целом ряде случаев небесспорно уравнивание законодателем уголовно-правового значения судимости с административной преюдицией (например, в п. «а» ч. 1 ст. 282, ч. 1 ст. 284¹, 321¹ УК РФ). Оценивая уголовно-правовой запрет, предусмотренный в ст. 321¹ УК РФ, невольно возникает вопрос, а что лицо, подвергнутое административному наказанию за деяние, предусмотренное ч. 2 ст. 19.12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, или имеющее судимость за совершение преступления, предусмотренного данной статьей УК, делает в месте лишения свободы или месте содержания под стражей?

С принятием Федерального закона от 08.12.2003 № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации»¹ сам по себе факт неоднократного совершения преступлений применительно к стадии назначения уголовного наказания отражается по сути только в п. «а» ч. 1 ст. 63 УК РФ и только в форме рецидива [8, с. 76–77]². Отметим, что уголовно-правовое значение кратности преступлений при назначении наказания в целом, на наш взгляд, выражено в УК РФ недостаточно. Только в совокупности со случайным стечением обстоятельств признается смягчающим наказание факт совершения преступления впервые, да и то только преступлений двух категорий –

небольшой и средней тяжести (п. «а» ч. 1 ст. 61 УК РФ).

Вместе с тем нельзя не отметить, что факт совершения преступления впервые в законодательной форме «лицо, впервые совершившее преступление» более широко представлен в УК РФ, причем и в Общей, и в Особенной частях. Достаточно сказать, что именно на такое лицо в большинстве своем ориентированы нормы института освобождения от уголовной ответственности, регламентированные в Общей части УК РФ. Совершения впервые преступления одной из двух категорий – небольшой и средней тяжести, – на долю которых ежегодно приходится около 70% всех выявляемых преступлений в стране³, в целом ряде случаев может влечь безусловное освобождение от уголовной ответственности (ч. 1 ст. 75, ст. 76, ч. 1, 2 ст. 76¹ УК РФ).

Немало норм об освобождении от уголовной ответственности лица, впервые совершившего конкретное преступление, предусмотрены и в Особенной части УК РФ (примечания к 127¹, 134, 145¹, 173¹, 187, 195, 198, 199¹, 199³, 199⁴, 205⁵, 208, 282¹, 282², 282³). Примечательно, что такие нормы расположены в самых разных по характеру общественной опасности разделах и главах Особенной части УК РФ, не отличается последовательностью такая законодательная практика и в сопровождении конкретных преступлений соответствующими примечаниями с точки зрения степени их общественной опасности. Так, в примечании к ст. 127¹ УК РФ речь идет об освобождении от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием в тяжких преступлениях, в примечании к ст. 145¹ УК РФ – в преступлениях небольшой тяжести, в примечании к ст. 205⁵ УК РФ – в особо тяжких преступлениях.

¹ О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 08 декабря 2003 г. № 162-ФЗ : ред. от 07 декабря 2011 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

² В данном случае оставляем без внимания специальные правила назначения наказания при совокупности преступлений и совокупности приговоров (ст. 69, 70 УК РФ). При этом мы не разделяем предложения некоторых специалистов считать множественностью преступлений совокупность приговоров.

³ По итогам 2025 г. таких преступлений было зарегистрировано около 65% от общего количества, см.: Состояние преступности в России за январь-декабрь 2025 года. Москва : ФКУ «ГИАЦ» МВД РФ, 2026. URL: mvd.ru (дата обращения: 03.06.2026).

Для лица, впервые совершившего преступление, в УК РФ предусмотрены и иные льготы уголовно-правового характера в рамках действия институтов: назначения отдельных видов уголовного наказания (ст. 53¹, 56, ч. 6 ст. 88 УК РФ) и освобождения от наказания (ст. 80¹ УК РФ).

В заключение отметим, что столь распространенная законодательная практика отражения в отечественном уголовном законодательстве совершения однократного преступления, к сожалению, основывается на отсутствии легального определения такого рода кратности преступлений, т. е. определения в УК РФ понятия лица, впервые совершившего преступление. Поскольку ранее мы уже высказывались по этому вопросу [9], в данном случае обратим внимание на УК Республики Армения от 05.05.2021, в п. 2 ч. 1 ст. 2 которого такое определение предусмотрено: «лицо, впервые совершившее преступление, – лицо, которое ранее не совершало преступление или совершило его, но было освобождено от уголовной ответственности, или судимость которого была погашена или снята в порядке, установленном настоящим Кодексом». Может быть российскому законодателю учесть такой опыт и в целях обеспечения единообразия правоприменения в дополнение к разъяснению значения рассматриваемого понятия в п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности»¹ предусмотреть подобное в УК РФ?

¹ О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 : ред. от 29 ноября 2016 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2013. № 8.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Иншаков С. М. Криминология : учебник. Москва, 2000. 432 с.
2. Криминология : учебник / под ред. А. И. Долговой. Москва : Норма, 2010. 1008 с.
3. Шкредова Э. Г. Влияние института множественности преступлений на освобождение от уголовной ответственности по законодательству стран СНГ // Современное право. 2006. № 2. С. 65–70. EDN: HTWXSP.
4. Кругликов Л. Л., Васильевский А. В. Дифференциация ответственности в уголовном праве. Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2002. 300 с.
5. Серкова Т. В. Неоднократное преступное поведение: теоретико-прикладное исследование : дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2016. 223 с. EDN: YBXEVJ.
6. Якушин В. А. Некоторые проблемы множественности преступлений в уголовном праве России // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2012. № 2. С. 91–93. EDN: OYCSWHF.
7. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Общая часть / под общей ред. Ю. И. Скуратова, В. М. Лебедева. Москва, 1996. 320 с.
8. Терещенко А. И. К вопросу о понятии множественности преступлений и ее формах в уголовном праве России // Вестник Самарского ЮИ ФСИН России. 2023. № 3 (54). С. 73–78. DOI: 10.37523/sui.2023.54.3.01. EDN: RKPJHK.
9. Пархоменко Д. А. Необходимо законодательное определение понятия лица, впервые совершившего преступление // Законность. 2019. № 11. С. 47–49. EDN: QZYIVX.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Пархоменко Дмитрий Александрович, доцент кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, доцент (Российская Федерация, 125993, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9/1), e-mail: parkhomenkoda@mail.ru.

Parhomenko Dmitrii Alexandrovich, Doctor of Law, Associate Professor of Criminal Law at Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Russian Federation, 125993, Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya, 9/1), e-mail: parkhomenkoda@mail.ru.

БАЙКАЛЬСКИЙ ЦИФРОВОЙ ФОРУМ

10 июля 2026 Иркутск

EDN [XWXADQ](#)

ОБЗОР МЕЖДУНАРОДНОГО НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОГО ФОРУМА «БАЙКАЛЬСКИЙ ЦИФРОВОЙ ФОРУМ»

10 июля 2026 года состоялся Международный научно-практический форум «Байкальский цифровой форум» (далее – Форум), организованный Иркутским юридическим институтом (филиалом) Университета прокуратуры Российской Федерации совместно с Байкальским государственным университетом, Иркутским региональным отделением Российской криминологической ассоциации им. А. И. Долговой, автономной некоммерческой организацией «Белый интернет» (далее – АНО «Белый интернет»), автономной некоммерческой организацией «Платформа для работы с обращениями предпринимателей» (далее – АНО «Платформа для работы с обращениями предпринимателей»).

В рамках Форума были проведены научно-практические конференции: «Актуальные вопросы противодействия преступлениям, совершаемым в информационно-телекоммуникационном пространстве», «Социальная инженерия как угроза личной и государственной кибербезопасности», а также VII Академические слушания, посвященные обсуждению вопросов разработки Дополнительного протокола к Конвенции ООН против киберпреступности, организованные МГИМО МИД России, СПЧ при Президенте Российской Федерации, АНО «Центр защиты прав в сфере цифровых технологий «Белый интернет», АНО «Платформа для работы с обращениями предпринимателей».

Научные мероприятия проходили в городе Иркутске в конференц-зале Байкальского банка Сбербанка России. Форум уже второй год традиционно проводился на научной базе Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской

Федерации с участием ученых, профессорско-преподавательского состава и представителей правоохранительных органов, органов публичной власти из четырех государств – России, Республики Беларусь, Республики Узбекистан, Азербайджанской Республики. В мероприятии принимали участие представители образовательных организаций высшего образования Москвы, Санкт-Петербурга, Астрахани, Владивостока, Екатеринбурга, Иркутска, Казани, Калининграда, Краснодара, Красноярска, Саратова, Симферополя, Ставрополя, Улан-Удэ, Читы и других городов России.

Открыла работу Форума директор Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, старший советник юстиции Евгения Викторовна Рогова. Она подчеркнула особую значимость науки для совершенствования системы правового обеспечения национальной безопасности в части противостояния криминальным цифровым угрозам и противоправному использованию информационно-телекоммуникационных технологий. В своем выступлении Е. В. Рогова поблагодарила участников Форума за активную гражданскую позицию и научную заинтересованность в области противодействия киберпреступности, а также выразила уверенность, что проведение Байкальского цифрового форума станет значимым научным мероприятием международного уровня, в том числе в сфере международного сотрудничества между Российской Федерацией в лице Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации и образовательными, научными организациями, правоохранительными органами Республики Беларусь, Республики Узбекистан, Азербайджанской Республики.

С приветственными словами к участникам Форума обратились:

- председатель Законодательного собрания Иркутской области Александр Викторович Ведерников;
- заместитель начальника Главного управления международно-правового сотрудничества Генеральной прокуратуры Российской Федерации – начальник организационно-правового управления, кандидат юридических наук, старший советник юстиции Сергей Владимирович Плохов;
- прокурор отдела экстрадиции и правовой помощи Управления международно-правового сотрудничества Генеральной прокуратуры Азербайджанской Республики Турал Мухаммад оглы Агазаде;
- ректор Байкальского государственного университета, доктор юридических наук, профессор Олег Павлович Грибунов;
- начальник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел Российской Федерации, кандидат юридических наук, полковник полиции Александр Николаевич Урюпин;
- председатель Байкальского банка ПАО Сбербанк Рушан Флюрович Сахбиев.

Выступающие подчеркнули, что Байкальский цифровой форум является знаковым международным научным событием, ориентированным на поиск адекватных современным криминальным вызовам научно-практических рекомендаций по развитию цифрового права и квалификации цифровых преступлений и правонарушений.

В пленарном заседании и научно-практических конференциях участниками Форума в очном формате с использованием информационных технологий дистанционного взаимодействия были заслушаны более пятнадцати докладов. Модератором научных мероприятий Форума выступила профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации доктор юридических наук, профессор, государственный советник юстиции 3 класса Светлана Валерьевна Пархоменко

В рамках выступлений следует отдельно отметить научные доклады:

- заместителя начальника Главного управления международно-правового сотрудничества Генеральной прокуратуры Российской Федерации – начальник

организационно-правового управления, кандидата юридических наук Сергея Владимировича Плохова на тему «Ханойская конвенция ООН как новый этап международного сотрудничества в условиях цифровой трансформации»;

– директора Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора Евгении Викторовны Роговой на тему «Обеспечение национальной безопасности в условиях цифровизации: новые криминальные вызовы и противодействие им»;

– ректора Байкальского государственного университета, доктора юридических наук, профессора Олега Павловича Грибунова на тему «Агентный искусственный интеллект как фактор трансформации угроз информационной безопасности»;

– профессора кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики МГИМО МИД России, доктора юридических наук, профессора Элины Леонидовны Сидоренко на тему «Цифровые права человека как объект уголовно-правовой защиты»;

– начальника отдела Научно-исследовательского института цифровой криминалистики Правоохранительной академии Республики Узбекистан, доктора юридических наук (DSc), доцента Людмилы Юрьевны Югай на тему «Предупреждение преступлений в информационно-коммуникационном пространстве: современные вызовы и опыт Республики Узбекистан»;

– профессора кафедры обеспечения цифрового развития предварительного следствия Института повышения квалификации и переподготовки Следственного комитета Республики Беларусь, кандидата юридических наук, доцента Романа Владимировича Скачека на тему «Искусственный интеллект: правовые и организационные основы использования при расследовании преступлений»;

– управляющего Отделением по Иркутской области Сибирского главного управления Центрального банка Российской Федерации Игоря Дмитриевича Коржука на тему «Общие тенденции и показатели в сфере кибермошенничества. Актуальный медиаконтент для населения»;

– руководителя Управления Федеральной антимонопольной службы по Иркутской области Александра Владимировича Кулиша на тему «Практические вопросы антимонопольного контроля экономических отношений на цифровых рынках»;

– доцент кафедры трудового и экологического права Сибирского федерального университета, кандидат юридических наук Светланы Павловны Басалаевой на тему «Правовое регулирование искусственного интеллекта в системе мер противодействия киберпреступности».

Актуальность вышеуказанных выступлений, их проблемность, теоретическая и практическая значимость с точки зрения предупреждения киберпреступности; выявления, раскрытия и расследования преступлений, совершаемых с использованием цифровых и информационно-телекоммуникационных технологий, включая технологии искусственного интеллекта; проблемные вопросы квалификации вышеуказанных преступных деяний, вызвали у участников Форума многочисленные вопросы.

Далее в рамках Форума состоялись VII Академические слушания, посвященные обсуждению вопросов разработки Дополнительного протокола к Конвенции ООН против киберпреступности (далее – Академические слушания по актуализации Конвенции ООН против киберпреступности). Модераторами научного мероприятия выступили заместитель декана Международно-правового факультета по научной работе, заведующий кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики МГИМО МИД России, доктор юридических наук, профессор Александр Григорьевич Волеводз и профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики МГИМО МИД России, доктор юридических наук, профессор, член СПЧ при Президенте Российской Федерации, генеральный директор АНО «Центр защиты прав в сфере цифровых технологий «Белый

интернет», генеральный директор АНО «Платформа для работы с обращениями предпринимателей» Элина Леонидовна Сидоренко.

В своем приветственном слове Элина Леонидовна Сидоренко поблагодарила участников Академических слушаний за участие в мероприятии и отметила необходимость активного участия России в формировании международных стандартов в сфере искусственного интеллекта (далее – ИИ), а также подчеркнула, что по итогам Глобального диалога в Женеве российская сторона впервые серьезно заявила о проблемах ответственности агентов ИИ и взаимного признания судебных решений.

В свою очередь, заместитель декана Международно-правового факультета по научной работе, заведующий кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики МГИМО МИД РФ Александр Григорьевич Волеводз обратил внимание участников Форума, что путь к универсальной конвенции занял более двадцати лет и успех Ханойской конвенции является результатом многолетней системной работы отечественных ученых и дипломатов.

Директор Дипломатической академии, первый проректор МГИМО МИД РФ Сергей Владимирович Шитьков назвал подписание Конвенции в Ханое 25 октября 2025 года знаковым событием для российской дипломатии, отметив, что Россия, выступившая инициатором документа в 2019 году, сыграла ключевую роль в его создании.

Сенатор Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации Александр Владимирович Шендерюк-Жидков в своем докладе отметил, что Россия стала не только инициатором Конвенции, но и главным драйвером ее развития. Он сообщил, что в настоящее время в стране приняты два пакета антифрод-решений, вводящих ответственность банков и операторов связи за дистанционные хищения денежных средств российских граждан.

Выступивший на Академических слушаниях директор Департамента международной информационной безопасности МИД России Артур Рушанович Люкманов рассказал о дипломатической истории создания документа, напомнив, что в 2019 году российская резолюция получила поддержку 79 государств, несмотря на противодействие США, Канады, Австралии, Японии, европейских стран и других государств.

Заместитель начальника Главного управления международно-правового сотрудничества Генпрокуратуры РФ Сергей Владимирович Плохов в своем выступлении предложил внести в дополнительный протокол определения «искусственный интеллект» и «критическая информационная инфраструктура».

Ректор Московской академии СК РФ Алексей Александрович Бессонов обратил внимание участников Форума на необходимость выработки единых подходов к срокам хранения цифровых доказательств, выразив обеспокоенность, что цифровые данные могут быть утрачены до получения доступа к ним представителями правоохранительных органов в ходе проведения следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий¹.

Руководитель аппарата Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации Илья Валентинович Чечельницкий в своем выступлении отметил, что принятие дополнительного протокола к Конвенции ООН станет гарантией защиты прав граждан в сфере использования цифровых технологий.

Судья Верховного суда Российской Федерации Денис Анатольевич Кунев в своем докладе выразил уверенность, что Ханойская конвенция не станет «мертвым правом» в сфере противодействия киберпреступности, несмотря на дипломатическое противостояние США, европейских и других стран. Докладчик подчеркнул важность формирования единообразной судебной практики по уголовным делам о преступлениях, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий².

¹ VII Академические слушания в Иркутске: Россия формирует глобальные стандарты борьбы с киберпреступностью. URL: <https://забизнес.рф/news/news/649> (дата обращения: 25.09.2026).

² Там же.

Участники Академических слушаний ответили на вопросы анкеты, связанные с обоснованностью, аргументированностью и необходимостью расширения перечня преступных деяний, предусмотренных Конвенцией Организации Объединенных Наций против киберпреступности. По результатам анкетирования большинство участников мероприятия поддержали позицию о дополнении перечня преступных деяний в рамках Конвенции Организации Объединенных Наций против киберпреступности и включения в ее содержание новых составов преступлений.

Байкальский цифровой форум собрал в общей сложности свыше 200 участников из 18 регионов России, среди которых представители более 50 образовательных и научных организаций, а также практикующие юристы из правотворческих, правоприменительных и судебных органов, представители общественных организаций. В Форуме участвовали ведущие специалисты в сфере уголовного права и криминологии, прокурорского надзора – ученые и практики, эксперты и аналитики. В работе научного мероприятия приняли участие более 40 докторов и 70 кандидатов наук. В работе Форума приняли участие и молодые ученые – аспиранты, адъюнкты и студенты, которые только начинают свой путь в науке и уже готовы к смелым научным предложениям.

Байкальский цифровой форум, объединив усилия российской и зарубежной науки и практики, стал важной площадкой для обсуждения актуальных вопросов развития международного и российского права в сфере противодействия киберпреступности; обмена современными методиками предупреждения, выявления, пресечения, раскрытия и расследования преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, выработки эффективных стратегий противодействия новым угрозам и формирования правовой культуры в цифровой среде. При этом проведение форума имело серьезное значение для дальнейшего международного научно-практического сотрудничества в сфере обеспечения информационной безопасности, предупреждения преступности и совершенствования уголовного правосудия.

Евдокимов Константин Николаевич

профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин
Иркутского юридического института (филиала)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
доктор юридических наук, доцент

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
КРЕМЛЁВСКИЙ
БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ
КАДЕТСКИЙ БАЛ
ПАТРИОТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ
WWW.MBK.RU, INFO@MBK.RU

INTERNATIONAL
KREMLIN
CHARITY
CADET BALL
PATRIOTIC PROJECT
WWW.MBK.RU, INFO@MBK.RU

Справка

**ПАТРИОТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ
«МЕЖДУНАРОДНЫЙ КРЕМЛЁВСКИЙ
БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ КАДЕТСКИЙ БАЛ»**

Международный Кремлёвский Благотворительный Кадетский Бал (далее – МБКБ, Проект) проходит ежегодно с 2016 г. в г. Москве.

Президент Российской Федерации В.В. Путин высоко оценивает значимость Проекта в деле укрепления патриотического воспитания молодежи и воспитания традиционных духовно-нравственных ценностей, расширения культурных дружественных молодежных связей.

Проект ежегодно получает приветствия от Президента Российской Федерации В.В. Путина. В своих Приветствиях участникам МБКБ, президент России отметил «стремление воспитывать молодежь на основе непреходящих ценностей патриотизма, гражданственности, уважения к нашим историческим, культурным традициям», а также подчеркнул, что проект «послужит сбережению замечательных традиций кадетского братства, укреплению связи времен и поколений, преемственности патриотических идеалов и ценностей, которыми по праву славится наша страна. И, конечно, будет содействовать развитию международного гуманитарного сотрудничества».

Содействие и помощь в реализации Проекта оказывает Администрация Президента Российской Федерации.

Организатор Проекта:

Благотворительный фонд Юлии Кирпичниковой по поддержке социально-экономических программ.

Фонд включен Министерством юстиции Российской Федерации в реестр некоммерческих организаций – исполнителей общественно-полезных услуг.

Руководитель Проекта:

Кирпичникова Юлия Юрьевна – президент Благотворительного фонда Юлии Кирпичниковой по поддержке социально-экономических программ.

Ежегодный Генеральный информационный партнер МБКБ:

Информационное агентство России ТАСС

Главные цели Проекта:

1. Патриотическое и духовно-нравственное воспитание молодежи:
 - преемственность поколений;
 - сохранение и преумножение культурных военных традиций России.

2. Международная площадка Дружбы:

- формирование позитивного имиджа Российской Федерации;
- формирование устойчивых дружеских связей между молодыми людьми из разных стран.

3. Популяризация кадетской системы образования и воспитания.

4. Вовлечение в общественную жизнь детей из социальных учреждений, привитие культурных и героических традиций России.

Возраст участников: 14–23 года.

Место проведения – г. Москва, Гостиный Двор (ул. Ильинка, 4).

Периодичность: ежегодно, декабрь.

МБКБ 2023, МБКБ 2024 и МБКБ 2025 прошли в поддержку Специальной военной операции, главными Почётными гостями Проекта стали участники СВО, Герои СВО.

С 2016 года в Проекте приняли участие более 32 тысяч молодых людей:

- дети участников Специальной военной операции (СВО), чьи родные находятся в зоне СВО или погибли при выполнении воинского долга;
- воспитанники ведомственных и общеобразовательных кадетских учреждений, суворовских и нахимовских училищ, воспитанники общеобразовательных школ с кадетскими классами;
- члены патриотических военно-спортивных молодежных клубов;
- воспитанники детских социальных учреждений;
- курсанты ведомственных высших учебных заведений России;
- студенты российских ВУЗов;
- молодёжные делегации из дружественных иностранных государств.

В Проекте активно принимают участие ведущие российские ВУЗы:

- Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»;
- Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»;
- Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы».

География Проекта:

- все субъекты Российской Федерации;
- дружественные иностранные государства.

Организация Проекта осуществляется при участии следующих министерств и ведомств: Администрация Президента Российской Федерации, Министерство обороны Российской Федерации, Министерство иностранных дел Российской Федерации, Федеральная служба охраны Российской Федерации, Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации, Министерство внутренних дел Российской Федерации, Следственный комитет Российской Федерации, Министерство просвещения Российской Федерации, Министерство культуры Российской Федерации, Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, Правительство г. Москвы, Правительство Московской области.

Официальный сайт Проекта: **mbkb.ru**